This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

v 1643.18.30

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

VE RI TAS

VINAVER
KONFLIKTY V PERVO

М. Винаверъ.

КОНФЛИКТЫ

въ

ПЕРВОЙ ДУМѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Центральная» типо-лит. М. Д. Минкова. 2-я Рождественск
1907.

VINAVER
KONFLIKTY V PERVOI DUME

М. Винаверъ.

КОНФЛИКТЫ

въ

ПЕРВОЙ ДУМѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Центральная» типо-лит. М. Я. Минкова, 3-я Рождественск., 26.
1907.

37

Slav 1643.18.30

Slav 1643.18.30

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY FEB 9 1965

* * *

«Беречь думу»—этихъ словъ, ставшихъ символомъ вѣры для думцевъ второго призыва, не слышно было по отношенію къ первой думѣ. Первая дума собиралась среди бурнаго порыва юнаго, чуждаго хладнымъ расчетамъ, восторга; улица, общество, печать бравировали терминомъ «конфликтъ». Къ конфликту никто сознательно не стремился, но о немъ говорилось почти игриво. Опьяненное успѣхомъ общество было увѣрено, что, когда грянетъ буря, кто-то за думу постоитъ, и народное представительство выйдетъ изъ борьбы еще крѣпче. Конечно, общество соглашалось, что лучше подыскать для конфликта случай болѣе удобный, болѣе понятный населенію, но раздраженное чувство то и дѣло толкало думу на конфликтъ по всякому поводу.

Этому раздраженію поддавалось все чаще меньшинство думской оппозиціи. Не имѣя никакого опредѣленнаго тактическаго плана, не

связанное ни вчерашнимъ, ни завтрашнимъ днемъ своимъ, оно потому столь склонно было рефлекторно откликаться на всѣ возбужденія, непосредственно на него дѣйствующія, исходящія отъ внѣдумскихъ кружковъ и безпартійной печати. Оно затѣмъ и сколотилось прочнѣе именно на этой позиціи—рѣзкой минутной реакціи на полученное извнѣ возбужденіе. Что за этимъ раздраженіемъ должно было слѣдовать, какіе имѣлись въ виду рессурсы для реализаціи его на случай рѣшительнаго конфликта, для насъ оставалось неизвѣстнымъ; оно остается въ сущности неизвѣстнымъ и доднесь.

Въ такой атмосферѣ думской и внѣдумской жизни была одна только группа, которая, съ затаеннымъ опасеніемъ за непрочность надеждъ на немедленную поддержку, упорно охраняла думу отъ преждевременнаго разгрома. Она одна берегла думу. Хорошо это было или нѣтъ—не время, быть можетъ, еще судить. Думу, въ концѣ концовъ, не удалось спасти; конфликтъ произошелъ на почвѣ, для населенія наиболѣе понятной, на аграрномъ вопросѣ; *всѣ* оппозиціонныя фракціи думы (не одни кадеты, но и трудовики, и соціалъ-демократы) обратились къ странѣ за поддержкою,—и тѣмъ не менѣе, поддержки не послѣдовало. И когда затѣмъ надъ безмолвствующей страною пронесся бушевавшій семь мѣсяцевъ смерчъ столыпинскаго режима,

обществомъ овладѣло раскаяніе, и собравшаяся «лѣвая» дума, подъ давленіемъ новыхъ, идущихъ особенно сильно изъ провинціи, вѣяній, выставила рѣзко лозунгъ: «беречь думу»,—беречь уже не ту думу, полную вдохновеннаго полета великой эпохи, успѣвшую въ короткое мгновеніе одолѣть всѣ трудности новизны дѣла, начертить горделивые контуры новаго государственнаго строительства, блеснувшую мужествомъ и талантами, внушавшую однимъ надежды, другимъ, если не страхъ, то уваженіе:—беречь рѣшено думу сѣренькую, думу «безглавую», думу, какъ символъ. Такъ было до недавняго времени. А сейчасъ опять изъ лагеря тѣхъ, кто, подъ вліяніемъ давленія своихъ же сторонниковъ, проводилъ этотъ принципъ въ теченіе перваго мѣсяца второй думы, раздаются возгласы нетерпѣнія и отчаянія: для чего беречь, коли за время этого береженія и за цѣну этого береженія врагъ ее только позоритъ, принижаетъ и съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожаетъ въ обществѣ послѣдніе порывы духа возмущенія. И даже болѣе: зачѣмъ было идти, коли само пребываніе въ думѣ нравственно связываетъ, заставляетъ чего-то ждать отъ нея, а тѣмъ временемъ гибнутъ отъ бездѣйствія силы и стремленія, направлявшіяся доселѣ иными путями къ той же цѣли? Повторяю: быть можетъ, рано судить, слишкомъ близка историческая перспектива. Каж-

дый изъ насъ, кому приходится непосредственно вмѣшиваться въ игру развертывающихся событій, можетъ и обязанъ стать, по свойству своего темперамента и по условіямъ такъ или иначе оцѣниваемаго имъ момента, либо на ту, либо на другую точку зрѣнія. Но для исторіи прошлаго, не задающейся никакими политическими цѣлями, свободной отъ необходимости разрѣшать неотложный вопросъ дня,—правильнѣе будетъ держаться пока вдали отъ оцѣнки основного мотива и собирать одни лишь данныя для этой оцѣнки. Эти данныя постепенно исчезаютъ изъ памяти; они не сохранены въ необходимой связи ни въ органахъ печати, ни въ довольно многочисленныхъ монографіяхъ о первой думѣ. Когда мы день за днемъ творили работу первой думы,—то, что теперь уже окаменѣваетъ въ воспоминаніяхъ, какъ нѣчто отдѣлившееся отъ всего фона жизни, тогда казалось намъ только лѣсами грандіозной постройки,—лѣсами, которые вотъ-вотъ и уберемъ. Стоило ли запечатлѣвать для памяти потомства контуры этихъ лѣсовъ, исторію первыхъ робкихъ творческихъ движеній, когда за этими лѣсами скрывается нѣчто, что скоро засіяетъ вѣчнымъ памятникомъ творчества перваго народнаго представительства и, «тлѣна избѣжавъ, вѣчно будетъ жить»? Мы все только еще готовились жить, а теперь оказывается, что это и была сама

жизнь, *вся* наша жизнь... И когда стремительнымъ вихремъ насъ уноситъ все дальше отъ нея, хочется набросать, пока очертанія ея не совсѣмъ еще исчезли, кое-что существенное изъ того, что̀ пережито,—по преимуществу изъ того, въ чемъ сказывалось и тогда уже стремленіе «беречь думу».

Я буду только сообщать факты, воспоминанія. Воспоминанія будутъ касаться событій, т. наз. конфликтнаго свойства; но такъ какъ они разыгрывались не въ безвоздушномъ пространствѣ, а среди опредѣленныхъ парламентскихъ группъ, то придется для полноты останавливаться и на моментахъ,—съ виду, а иногда и по существу—не конфликтныхъ, но дорисовывающихъ картину взаимныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ и разыгрывались тѣ или иные «конфликтные» инциденты. Считаю нужнымъ оговориться, что подъ конфликтными инцидентами я разумѣю не тотъ единственный инцидентъ, который затѣмъ формально былъ объявленъ поводомъ для конфликта, и не тотъ единственный конфликтъ, который реально разыгрался,—исторія его занимаетъ только послѣднія страницы моихъ воспоминаній: я разумѣю инциденты, грозившіе конфликтами,—конфликты, не созрѣвшіе. Это будетъ нѣчто вродѣ исторіи «неосуществившихся конфликтовъ».

I.

Это началось съ перваго же дня дѣятельности думы. Наканунѣ (26 апрѣля) вечеромъ происходило первое объединенное засѣданіе оппозиціи, а до того въ теченіе трехъ дней отдѣльно засѣдали фракція народной свободы и складывающаяся еще крестьянская фракція, принявшая затѣмъ названіе трудовой группы. Кадетскій клубъ на углу Сергіевской и Потемкинской, ставшій центромъ политическаго движенія за послѣдніе дни, представлялъ вечеромъ 26 апрѣля необычайное зрѣлище: огромный залъ наполнялся оживленнымъ говоромъ нѣсколькихъ сотъ людей, возбужденныхъ первою встрѣчею, сознаніемъ важности момента, со всѣмъ напряженіемъ мысли и воли готовящихся къ встрѣчѣ новыхъ, таинственныхъ событій. Разнообразіе лицъ, костюмовъ, нарѣчій. Великороссійскіе зипуны, малорусскія свитки, мусульманскія чалмы и фески, пурпурная мантія католическаго епископа, черныя рясы православныхъ священниковъ—все смѣшивается, удивленно озирается другъ на друга. Русская рѣчь перемѣшивается съ польскою, татарская съ малорусскою. Народы и сословія Россіи сошлись, всякій со своимъ особымъ горемъ, всѣ съ жаждою дружными усиліями двинуть жизнь впередъ.

Звонокъ предсѣдателя. Группы размѣщаются. Налѣво отъ предсѣдательскаго стола, заднюю часть залы заняли кадеты, правую—крестьяне-трудовики. Около стола размѣстились національныя группы, ближе всѣхъ самая многочисленная — поляки Царства Польскаго и Западнаго края, съ католическимъ епископомъ во главѣ. За предсѣдательскимъ столомъ сѣли устроители собранія, комитетъ к.-д. фракціи, съ И. И. Петрункевичемъ во главѣ. Предсѣдательствованіе было предложено не попавшему въ депутаты лидеру к.-д. партіи П. Н. Милюкову. Предметъ занятій былъ, во избѣжаніе замѣшательства, строго впередъ опредѣленъ, напередъ намѣчены были ораторы к.-д. партіи для докладовъ и разъясненій. На очереди стояли вопросы ближайшихъ дней: выборы предсѣдателя думы и другихъ членовъ президіума, отвѣтъ на ожидаемую тронную рѣчь и впереди всѣхъ — вопросъ о торжественномъ обѣщаніи «самодержавному монарху». Сейчасъ, когда торжественное обѣщаніе безропотно подписано и соціалъ-демократами, и соціалистами-революціонерами, и народными соціалистами, — сейчасъ самая постановка вопроса о подписаніи торжественнаго обѣщанія можетъ вызвать развѣ улыбку снисхожденія. Но тогда было не то. Я помню, какъ одинъ почтенный профессоръ, впослѣдствіи далеко не «лѣвый» депутатъ думы, долго колебался, вступать ли ему въ нашу партію,

такъ какъ партія не вырѣшила еще для себя вопроса о торжественномъ обѣщаніи. Кому не памятны и безконечные дебаты на митингахъ, въ которыхъ однимъ изъ самыхъ выигрышныхъ козырей въ рукахъ бойкотистовъ явился все тотъ же злополучный вопросъ о торжественномъ обѣщаніи. Помню живо, какъ задолго еще до начала избирательныхъ митинговъ, чуть ли не въ первомъ послѣ изданія закона 6 августа общественномъ собраніи, въ публичномъ засѣданіи петербургскаго отдѣла союза писателей въ вольно-экономическомъ обществѣ, В. А. Мякотинъ впервые рѣзко поставилъ вопросъ о бойкотѣ думы, оперируя главнымъ образомъ надъ тѣмъ, что хожденіе въ думу равносильно, въ виду текста торжественнаго обѣщанія, признанію самодержавнаго строя возстановленнымъ. Если не ошибаюсь, тотъ же мотивъ введенъ г. Мякотинымъ и въ текстъ резолюціи на бойкотистскомъ митингѣ въ мартѣ 1906 г. въ Соляномъ городкѣ за нѣсколько дней до выборовъ въ первую думу. Однако, теперь В. А. Мякотинъ являлся кандидатомъ въ думу, и вся народно-соціалистическая фракція въ думѣ встала при чтеніи торжественнаго обѣщанія самодержавному монарху, и вся она безмолвно подписывала это обѣщаніе и даже не считала нужнымъ дѣлать какую-либо декларацію по сему предмету.

Броженіе внѣдумскхъ бойкотистскихъ круговъ

естественно болѣе всего отражалось на руководящихъ элементахъ трудовой группы. Ибо въ составъ трудовой группы и вошли частью разрозненные представители тѣхъ же бойкотистскихъ партій, по тѣмъ или инымъ случайнымъ соображеніямъ принявшіе участіе въ избирательной кампаніи; остальные же члены ея—безпартійные, тянувшіеся неопредѣленно «влѣво»,—находились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ первой, болѣе дисциплинированной части. О самостоятельныхъ стремленіяхъ безпартійной части трудовой группы членъ группы, проф. Локоть, даетъ отзывъ, опредѣленность котораго вполнѣ соотвѣтствуетъ трактуемому предмету: «ради кого и ради чего — вопрошаетъ онъ—должны они держаться *вправо*, когда и жизнь, и собственныя убѣжденія, и ясныя для нихъ велѣнія историческаго момента толкаютъ ихъ *влѣво*, туда, гдѣ имъ надлежитъ быть по ихъ дѣйствительнымъ общественнымъ свойствамъ и интересамъ» [1]). Большей опредѣленности въ указаніяхъ, куда именно влѣво, на какую программу политическихъ дѣйствій, толкались товарищи г. Локотя «всею своею жизнью, свойствами и интересами» — намъ не удалось узнать до конца нашей общей дѣятельности.

Вопросъ о «самодержцѣ» въ торжественномъ обѣщаніи долженъ былъ, при такомъ составѣ трудовой группы, ставиться для нея особенно

[1]) Первая дума, стр. 113.

рѣзко; во всякомъ случаѣ, можно было опасаться, что отсутствіе какого либо сговора по этому предмету можетъ грозить осложненіями. Даже въ средѣ нашей собственной фракціи, гдѣ давно уже, казалось, складывался взглядъ на торжественное обѣщаніе, какъ на формальность, лишенную политическаго значенія и требующую лишь публичнаго разъясненія, — вопросъ вызвалъ нѣкоторое треніе. Въ засѣданіи фракціи 25 апрѣля возобладало мнѣніе, что вопросъ о торжественномъ обѣщаніи слѣдуетъ совершенно игнорировать: отвергнута была мысль о какой бы то ни было декларацiи, — въ самой ли думѣ или внѣ думы, — разъясняющей взглядъ партіи на смыслъ обѣщанія. Не помню, чтобы въ этотъ вечеръ кто-либо предлагалъ вовсе воздержаться отъ подписи обѣщанія. Но слишкомъ рѣзкая постановка вопроса въ обратномъ смыслѣ вызвала такую именно реакцію на слѣдующій день: въ дневномъ засѣданіи фракціи 26 апрѣля одинъ изъ самарскихъ депутатовъ заявилъ, что онъ проситъ освободить его по этому пункту отъ партійной дисциплины, такъ какъ совѣсть ему не позволяетъ подписывать безъ оговорокъ торжественное обѣщаніе самодержавному монарху. Онъ просилъ предоставить ему право или отказаться вовсе отъ подписанія, или сдѣлать при подписаніи, въ самой думѣ, соотвѣтственное заявленіе. Вопросъ принималъ острый характеръ

пренія разгорались; къ самарскому депутату присоединились и другіе, недовольные вчерашнимъ рѣшеніемъ. Каждый изъ исходовъ, предлагаемыхъ протестантами, представлялъ опасности почти что одинаковыя, ибо каждымъ изъ нихъ съ перваго же шага, еще до начала какой-либо дѣятельности думы, уже ставился конфликтный вопросъ. Соглашаться на такую демонстрацію было невозможно; неудобно было также на первыхъ же шагахъ дѣятельности фракціи подвергать перерѣшенію вопросъ, только что вчера, послѣ большихъ дебатовъ, окончательно рѣшенный въ томъ смыслѣ, что какой бы то ни былъ видъ «декларацiи» отъ имени одного или многихъ членовъ фракціи не долженъ быть допускаемъ. Затрудненіе было устранено внесеннымъ однимъ изъ депутатовъ предложеніемъ: занести въ протоколъ нынѣшняго засѣданія мотивы нашего рѣшенія, а именно: что фракція отказывается отъ всякой декларацiи и подписываетъ обѣщаніе, потому что подъ словомъ самодержецъ мы не разумѣемъ неограниченнаго монарха,—а затѣмъ этотъ протоколъ напечатать въ газетахъ въ день открытія думы, 27 апрѣля. Это предложеніе было единогласно принято фракціею, и для насъ вопросъ былъ исчерпанъ.

Но тренія въ нашей средѣ указали на возможность опасности отъ отсутствія опредѣленнаго рѣшенія въ средѣ тѣхъ, кого толкало «влѣво».

Мы и рѣшили внести вопросъ на вечернее засѣданіе объединенной оппозиціи,—и, какъ оказалось, не понапрасну. Трудовая группа явилась совершенно неподготовленною къ шагу, который однако, слѣдовало сдѣлать завтра же и относительно котораго тутъ же изъ устъ ея представителей раздавались самыя разнообразныя предложенія, въ томъ числѣ и предложеніе отказаться вовсе отъ подписи обѣщанія. Только организованное выступленіе нашей фракціи съ опредѣленнымъ готовымъ проектомъ сплотило разрозненные голоса, каждый изъ которыхъ въ отдѣльности уже представлялъ опасность для завтрашняго дня, — и проектъ нашъ былъ единогласно принятъ. Кѣмъ то было предложено незначительное, не возбудившее ничьего вниманія, редакціонное измѣненіе, принятое нами охотно, — и на слѣдующій день въ газетахъ появилось извлеченіе изъ нашего протокола, съ поясненіемъ, что къ нему присоединились «71 членъ парламентской трудовой группы» и разныя національныя группы. Проф. Локоть и по этому поводу празднуетъ побѣду надъ кадетами: «Въ первоначальномъ текстѣ (к.-д. партіи) стояло отрицательное опредѣленіе слова самодержецъ, какъ «неограниченнаго» монарха. Но когда въ засѣданіе парламентской к.-д. группы явились представители другихъ группъ, въ томъ числѣ болѣе 70 членовъ группы народно-трудовой (крестьянской), редакція

заявленія немедленно была измѣнена въ положительной болѣе категорической формѣ: члены думы заявили, что они считаютъ монарха конституціоннымъ. Воздѣйствіе несомнѣнно лѣвѣе настроенной крестьянской группы депутатовъ, не склонныхъ къ «тактичности» кадетовъ, сказалось и тутъ, при первомъ же случаѣ «объединенія». Такъ говоритъ проф. Локоть. А съ какимъ *своимъ* текстомъ, или хотя бы планомъ дѣйствія, пришли «лѣвѣе настроенные» крестьянскіе депутаты, объ этомъ проф. Локоть благоразумно умалчиваетъ...

II.

Въ томъ же засѣданіи объединенной оппозиціи, 26 апрѣля, Муромцевъ разъяснялъ порядокъ перваго думскаго засѣданія; пишущій эти строки излагалъ возможное содержаніе отвѣта на несказанную еще тронную рѣчь, а Набоковъ докладывалъ объ амнистіи, указывая, если не ошибаюсь, тогда же, т. е. еще 26 апрѣля, что изготовленный имъ «законопроектъ» объ амнистіи долженъ составить лишь приложеніе къ отвѣтному адресу, что онъ призванъ лишь раскрыть смыслъ общаго указанія на амнистію, которое предполагалось сдѣлать въ отвѣтномъ адресѣ. Что разъясненія Муромцева и Набокова—разъясненія болѣе или менѣе техническаго свойства—не вызвали никакихъ дополненій, ни возраженій, въ этомъ нѣтъ ничего уди-

вительнаго, хотя не мѣшаетъ отмѣтить, что по вопросу объ амнистіи никто 26 апрѣля вечеромъ не выражалъ даже продолжительно мысли о необходимости выдѣлить ее какъ-нибудь особо изъ отвѣтнаго адреса. Но что несомнѣнно достойно внимаія, это то, что проектъ отвѣта на тронную рѣчь, изложенный отъ имени партіи народной свободы, выслушанный съ чрезвычайнымъ вниманіемъ представителями трудовой группы и очень сочувственно ими встрѣченный, не вызвалъ изъ ихъ среды никакихъ замѣчаній и дополненій. Это важно имѣть въ виду въ связи съ дальнѣйшею исторіею отвѣтнаго адреса и тѣми искаженіями, съ которыми пущена въ ходъ эта исторія, и о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Въ засѣданіи 26 апрѣля принято было рѣшеніе: по выслушаніи тронной рѣчи и по изготовленіи партіей народной свободы проекта отвѣтнаго адреса, обсудить этотъ проектъ предварительно въ небольшой комиссіи изъ 3 членовъ к.-д. партіи, 3 членовъ трудовой группы и 2 представителей отъ національныхъ группъ. Представители національныхъ группъ, въ виду ихъ большого разнообразія и отсутствія объединяющаго центра, такъ и не успѣли избрать своихъ представителей, и комиссія составилась изъ 6 членовъ. Отъ к.-д. партіи вошли въ нее: Милюковъ, Кокошкинъ и пишущій эти строки; отъ

трудовой группы: Аладьинъ, Аникинъ и Жилкинъ.

Планъ дѣятельности для первыхъ дней жизни думы былъ, такимъ образомъ, предопредѣленъ вплоть до момента принятія отвѣтнаго адреса. Ничто, казалось, не сулило осложненій. Даже личные вопросы—особенно щекотливые въ началѣ общей дѣятельности — были устранены. Дума могла приступить къ работѣ.

Но 27 апрѣля всѣ эти планы чуть было не оказались до тла уничтоженными. И случилось это не подъ вліяніемъ тронной рѣчи, содержаніе которой, если и не внушило радостныхъ надеждъ, то и не внесло, во всякомъ случаѣ, раздраженія. Факторомъ, грозящимъ опрокинуть вверхъ дномъ все сооруженіе, оказалась улица,— крики, которые неслись къ плывущимъ на пароходахъ депутатамъ съ набережныхъ и съ мостовъ, бѣлые платки, развѣвавшіеся изъ оконъ «Крестовъ», наконецъ, этотъ густой шпалеръ людей, стискивавшій депутатовъ на короткомъ разстояніи между пристанью и думою, лобызавшій ихъ, жавшій имъ руки, прижимавшій ихъ къ сердцу и оглашавшій воздухъ стономъ: «амнистія».

Кулуары Таврическаго дворца, когда мы въ нихъ оказались наконецъ, представляли картину необычайнаго волненія: обычно спокойные люди бѣгали, размахивали руками, отмахивались

отъ всякихъ спокойныхъ увѣщеваній. Я помню особенно возбужденныя фигуры Ив. И. Петрункевича, Шершеневича; нечего говорить о болѣе молодыхъ, о болѣе «лѣвыхъ». Электрическій токъ отъ толпы прошелъ въ среду депутатовъ; требованіе амнистіи рвалось наружу, склонное уничтожить на своемъ пути всѣ необходимыя для существованія самой думы, для реализаціи остальныхъ ея неотложныхъ задачъ, формы и условія думской дѣятельности. Очень зрѣлые люди выказывали рѣшимость, оправдываемую настроеніемъ народа, немедленно заговорить объ амнистіи, предложить государственной думѣ постановить резолюцію съ требованіемъ амнистіи.

Какими послѣдствіями могло быть чревато такое рѣшеніе, говорить теперь не приходится. Совершенно ясно, что резолюція думы объ амнистіи, принятая тотчасъ по выслушаніи тронной рѣчи, должна была бы быть сочтена за самый отвѣтъ думы на тронную рѣчь. Странно было бы послѣ этого перваго отвѣта приступить еще къ обсужденію второго отвѣта;—и всему тому, что̀ накипѣло на душѣ и рвалось наружу, что̀ вчера еще рѣшено было изложить вь первомъ торжественномъ актѣ, отъ думы исходящемъ,—всему этому суждено было остаться сокровеннымъ, и дума, сама лишившая себя возможности изобразить немедленно всѣ язвы прошлаго и всѣ свои надежды и планы будущаго, была бы

въ конецъ дискредитирована въ глазахъ населенія. Самый объемъ амнистіи, который, по принятому вчера еще только плану, необходимо было подробно указать при отвѣтѣ на тронную рѣчь, не могъ быть включенъ нынѣ же въ наскоро принятую резолюцію. Наконецъ—и это самое важное—легко себѣ представить, во что могла превратиться трибуна думы въ этотъ первый день, подъ вліяніемъ крайняго возбужденія, при отсутствіи всякой организаціи группъ, при полной неподготовленности выступленія, при неясности самой конечной его цѣли. Лучшаго матеріала для злорадствующихъ пока еще втайнѣ враговъ думы нельзя было и придумать, конфликтъ могъ нагрянуть съ такой поспѣшностью, какой и самые мрачные предсказатели предугадать не могли.

А между тѣмъ не дать исхода чувству, съ такою силою овладѣвшему всѣми, не было никакой возможности. Можно было бы еще удержать своихъ, но нельзя было никакими силами удержать тѣхъ, кто не былъ съ нами связанъ узами партійной дисциплины. Съ трудомъ удалось собрать комитетъ фракціи и направить его къ болѣе или менѣе спокойному обсужденію вопроса. Въ самомъ комитетѣ сказывалась очень сильная тенденція къ немедленному рѣшительному выступленію, и только предложенный однимъ изъ членовъ исходъ, выразившійся въ

извѣстномъ выступленіи Петрункевича, примирилъ всѣхъ, а вынесенный наружу, въ среду фракціи и въ трудовую группу, внесъ окончательное успокоеніе. Исходъ этотъ отвѣчалъ всѣмъ потребностямъ момента и не подвергалъ риску думу. Первое слово, которое прозвучитъ въ стѣнахъ думы изъ устъ депутата, будетъ «амнистія». Это слово будетъ услышано,—оно будетъ встрѣчено рукоплесканіями думы, и въ этомъ скажется ея настроеніе. Но дума, какъ цѣлое, формально не постановитъ никакого рѣшенія и оставитъ себѣ руки развязанными. Трибуна думы не будетъ подвергнута риску многочисленныхъ непланомѣрныхъ рѣчей; она будетъ предоставлена въ распоряженіе только одного, наиболѣе заслуженнаго, зрѣлаго общественнаго дѣятеля.

Этотъ планъ удовлетворилъ фракцію, удовлетворилъ и трудовую группу; всѣ готовившіяся выступленія были отмѣнены. Первая собравшаяся надъ думой грозовая туча была разсѣяна, и единеніе оппозиціи, сумѣвшей побѣдить себя и не отдать на съѣденіе поджидавшему врагу, стало тѣснѣе отъ этой первой побѣды надъ подстораживавшимъ ее «конфликтомъ».

Петрункевичъ выполнилъ свою миссію съ честью. Дума разошлась, не только успокоенная, но и ободренная первою побѣдою организованнаго дѣйствія надъ игрою случайностей. Но на

улицѣ стоялъ все тотъ же стонъ, ему вторила печать, вторило общество, и волна нетерпѣливаго раздраженія вернулась въ думу на слѣдующій же думскій день, грозя потопить то, что̀ добыто общимъ преддумскимъ сговоромъ, что̀ добыто и ходомъ перваго думскаго засѣданія.

28 апрѣля предсѣдатель думы ѣздилъ въ Царское Село; засѣданія думы не было. Визиту въ Царскомъ Селѣ серьезнаго политическаго значенія не приписывалось, но въ душахъ тлѣла искорка надежды, что̀ Муромцеву удастся сообщить Государю о томъ, что происходило въ думѣ, и что Государь пожелаетъ прислушаться къ голосу народнаго представительства, даже до формальнаго къ нему обращенія. Этого не случилось, и нетерпѣніе естественно только усилилось. Носились слухи, что на слѣдующій день, 29 апрѣля, со стороны трудовой группы готовится возобновленіе того, что было счастливо избѣгнуто въ день открытія думы. Оно могло стать еще болѣе грознымъ, ибо порывалось уже наружу не одно обращеніе къ Монарху по поводу амнистіи, а безформенный, неопредѣленный ропотъ неудовлетворенной надежды. Во что онъ могъ превратиться въ устахъ невѣдомыхъ, неиспытанныхъ еще ораторовъ на думской трибунѣ, было совершенно ясно. Необходимо было потому спастись отъ этой безформенности, спасти думу отъ резолюціонно-митинговаго образа

дѣйствій, сразу же предложить думѣ какую-нибудь опредѣленную парламентскую форму, въ которую могло бы вылиться рвавшееся наружу чувство. Фракція народной свободы рѣшила потому: въ самомъ началѣ засѣданія 29 апрѣля внести предложеніе, по которому могъ бы уже состояться вотумъ думы объ амнистіи. Это предложеніе было внесено Родичевымъ; оно называлось «предложеніемъ объ избраніи комиссіи для составленія отвѣтнаго адреса», но въ немъ содержался особый третій пунктъ, которымъ думѣ давалась возможность тутъ же сдѣлать постановленіе объ амнистіи. Этотъ пунктъ гласилъ: «Не предрѣшая содержанія адреса, возложить нынѣ же на комиссію непремѣнную обязанность включить въ адресъ указаніе на безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи... (стенографическій отчетъ отмѣчаетъ уже въ этомъ мѣстѣ: *аплодисменты*) по всѣмъ дѣламъ—религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекающіе изъ политическихъ побужденій» (*продолжительные аплодисменты*).

Около *этого* предложенія можно уже было спокойно дать развертываться самымъ страстнымъ преніямъ; они не грозили уже столкнуть думу съ парламентскаго пути. И эти пренія потекли и ясно обнаружили, насколько правильно былъ нами поставленъ діагнозъ, какъ

необходимо было создать предохранительный клапанъ.

Уже во время чтенія привѣтствій (съ этого предсѣдатель началъ засѣданіе), когда въ одномъ изъ нихъ было упомянуто о необходимости амнистіи, въ залѣ послышался отмѣченный стенографическимъ отчетомъ голосъ: «Амнистію!» (стен. отч., стр. 10). Когда затѣмъ Кокошкинъ внесъ предложеніе о порядкѣ избранія товарищей предсѣдателя, Аникинъ попросилъ слова, чтобы напомнить о тѣхъ привѣтствіяхъ, «которыя вызвали единодушныя одобренія», и указать, что «дума должна *высказаться опредѣленно въ этомъ отношеніи*». Остановленный предсѣдателемъ, который указалъ, что рѣчь идетъ о формальномъ предложеніи, къ порядку выборовъ относящемся, Аникинъ оборвалъ нить разсужденій и, не сказавъ ничего по поводу этого формальнаго предложенія, сошелъ съ каѳедры, чтобы затѣмъ вернуться къ своей мысли, когда дойдетъ очередь до предложенія Родичева. И дѣйствительно, какъ только было поставлено на обсужденіе предложеніе Родичева, точно рѣка хлынула изъ нѣдръ трудовой группы. Говорили въ одинъ этотъ день и Аникинъ, и Аладьинъ, и Ершовъ, и Жилкинъ, и Заболотный, и Шапошниковъ, и Сѣдельниковъ, и Михайличенко. Всѣ они принесли много жару, много вѣры въ то, что «за нами стоитъ и городъ, и деревня,

они пойдутъ за нами», глубокое убѣжденіе въ томъ, что «мы сами возьмемъ нашихъ братьевъ оттуда», что если мы, быть можетъ, и уйдемъ отсюда и отойдемъ въ сторону, то народъ тогда встанетъ лицомъ къ лицу съ тѣми, которые не удовлетворили нашихъ требованій» (Аладьинъ и Жилкинъ). Все это, къ счастью, выливалось въ твердое русло Родичевской формулы, которая и была принята единогласно. Ибо *своей* формулы, *своего* предложенія трудовая группа не принесла никакого; и вся эта лава, весьма раскаленная, не будучи захвачена въ опредѣленное русло, могла только снести тѣ устои, на которыхъ воздвигнуто новое, крайне непрочное зданіе нашей парламентской жизни.

Все это свершилось 29 апрѣля, а 30 апрѣля, съ утра, въ рядахъ трудовой группы началось новое, еще болѣе безпомощное движеніе. На почвѣ этой безпомощности начинаютъ вырастать химерическіе планы; безсильное раздраженіе обращается къ героическимъ средствамъ, неспособнымъ ничего излечить, но грозящимъ завлечь думу на путь авантюристской политики, на которомъ дума могла потерять самое драгоцѣнное изъ добытыхъ ею благъ: значеніе самостоятельнаго законодательнаго учрежденія. Съ утра уже носились слухи о новыхъ планахъ. Атмосфера подогрѣвалась еще близостью 1 мая, слухами о томъ, что рабочіе на митингахъ 1 мая будутъ

требовать амнистіи, что дѣло дойдетъ до кровопролитія, — ибо съ утра 30 апрѣля на всѣхъ улицахъ Петербурга красовалась уже афиша градоначальника, воспрещающая 1 мая собираться. Самый день 30 апрѣля приходился въ воскресенье, что еще усиливало возможность уличныхъ волненій.

Дума, торопясь съ адресомъ, главнымъ образомъ ради амнистіи, рѣшила засѣдать и въ воскресенье съ 2 час. дня. Съ самаго утра, однако, въ зданіи думы происходили уже оживленныя засѣданія двухъ главныхъ фракцій: въ большомъ, такъ называемомъ, министерскомъ залѣ (нынѣ кабинетъ предсѣдателя думы) засѣдала фракція народной свободы, въ сосѣднемъ небольшомъ залѣ (нынѣ приставская часть), стоя, окруженные репортерами и публикою, держали совѣтъ трудовики. Изъ одного зала въ другой то и дѣло являлись посланцы съ вѣстями о положеніи дѣла. Вѣсти отъ трудовиковъ приходили все болѣе неясныя, спутанныя. Чѣмъ болѣе вопросъ выяснялся, тѣмъ опредѣленнѣе обнаруживалась для болѣе сознательныхъ элементовъ группы совершенная безцѣльность и явный вредъ выступленія, но эти сознательные элементы не имѣли власти надъ отдѣльными единицами, которыхъ таки не удалось убѣдить, которые и подняли въ концѣ концовъ вопросъ въ думѣ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, у главарей трудовиковъ не хватило

рѣшимости выступить въ самой думѣ съ ясною и опредѣленною критикою затѣяннаго плана. Эту задачу вынуждена была взять на себя фракція народной свободы. Безсильная остановить трудовиковъ, не подчиняющихся своимъ собственнымъ руководителямъ, она рѣшила вынести вопросъ открыто на судъ страны, съ трибуны государственной думы. Въ рѣчахъ ея ораторовъ, Шершеневича, Гредескула и Кокошкина, ребромъ—быть можетъ, даже съ излишнею опредѣленностью,—поставленъ былъ вопросъ о возможности конфликта, котораго дума не должна принять на вопросъ объ амнистіи, не успѣвъ ни словомъ обмолвиться о землѣ и волѣ. Впервые съ трибуны государственной думы было произнесено самое слово «конфликтъ». Фракція народной свободы не имѣла въ виду, насколько помнится, въ такой рѣшительной формѣ, какъ то сдѣлано было ея ораторами, выносить на трибуну именно «конфликтную» сторону вопроса и, въ особенности, предвѣщать съ трибуны думы неизбѣжность конфликта и напередъ указывать почву, на которой этотъ конфликтъ для насъ пріемлемъ. Но, кто знаетъ, быть можетъ, эта рѣзкая постановка вопроса и сослужила свою службу: она, быть можетъ, сдержала тотъ напоръ чувствъ, который такъ неудержимо рвался наружу къ 1 мая. Во всякомъ случаѣ, послѣ рѣчей Шершеневича, Гредескула и Кокошкина, въ которыхъ

указывалось и на безсмысленность созиданія конфликта не на вопросѣ о землѣ и волѣ, а на вопросѣ объ амнистіи, и на невозможность ограничить весь отвѣтъ на тронную рѣчь одною только амнистіею *), и на то, что недостойно думы дѣлать нервныя и торопливыя усилія и повторять еще третій и четвертый разъ то, что уже было сказано въ государственной думѣ,— къ нимъ присоединился и представитель трудовой группы Жилкинъ, робко, наконецъ, заявившій, что не слѣдуетъ доводить до «разрыва», когда нѣтъ увѣренности, что вся страна за нами пойдетъ. А затѣмъ предсѣдатель, не поставивъ внесенныхъ предложеній на разрѣшеніе думы по существу, предложилъ лишь думѣ вопросъ о неотложности ихъ («слѣдуетъ ли эти два предложенія признать неотложными и разсматривать ихъ по существу въ настоящемъ засѣданіи, теперь же, прежде выбора комиссіи?» Стен. отчетъ, стр. 43); когда же дума отвергла эту неотложность, она уже потомъ, послѣ выбора комиссіи, къ вопросу не возвращалась.

Быть можетъ, нѣкоторую роль здѣсь сыграла и форма самыхъ предложеній, внесенныхъ въ думу. Одно изъ нихъ гласило: «Предлагаю сейчасъ же послать телеграмму на имя Государя

---

*) „Двухъ отвѣтовъ на одну тронную рѣчь никогда быть не можетъ; никогда не можетъ быть двухъ отвѣтныхъ адресовъ“ (рѣчь Кокошкина, стен. отч., стр. 39).

Императора, въ которой просить объ освобожденіи...»; другое: «Пусть дума выразитъ эту свою волю, волю народную, черезъ предсѣдателя думы Государю».

Пока эту форму обращенія думы предлагали депутаты Чурюковъ и Корниловъ, она не обращала на себя особеннаго вниманія, и ораторы партіи народной свободы ограничивались указаніемъ, между прочимъ, и на то, что она неконституціонна; но когда за эту форму обращенія заступился, поддавшись, очевидно, также нервному настроенію момента, проф. Ковалевскій и заявилъ, что «мы здѣсь для того, чтобы быть посредниками между народомъ и царемъ», партія народной свободы гордымъ окрикомъ изъ устъ Петрункевича отвергла эту мысль, заявивъ, что мы «не превратимъ думу изъ законодательнаго учрежденія въ учрежденіе для подачи ходатайствъ за народъ; *мы не желаемъ быть ходатаями, мы хотимъ быть законодателями*». И хотя предложеніе Ковалевскаго поставлено было предсѣдателемъ на голоса особо, значительно позднѣе, но весь описанный инцидентъ разыгрался до голосованія «неотложности» первоначальныхъ предложеній и несомнѣнно въ нѣкоторой степени предопредѣлилъ ихъ участь. Онъ предопредѣлилъ и участь предложенія Ковалевскаго, отвергнутаго въ томъ же засѣданіи.

Этими голосованіями вопросъ, однако, не

былъ исчерпанъ. Ибо чѣмъ рѣшительнѣе мы отвергали возможность выдѣленія вопроса объ амнистіи, тѣмъ настоятельнѣе требовалось возможное ускореніе всего отвѣтнаго адреса, со включеніемъ въ него амнистіи. Такое предложеніе и было сдѣлано; его сдѣлалъ попутно, но въ весьма приподнятой формѣ, въ рѣчи своей Жилкинъ: «мы *умоляемъ* комиссію, чтобы она приступила къ занятіямъ; пусть она работаетъ день и ночь, но завтра долженъ быть представленъ проектъ адреса»; оно было формально затѣмъ внесено депутатомъ Сефферомъ («предложить комиссіи къ завтрашнему дню составить проектъ отвѣта... Этого ждутъ, этого требуютъ отъ насъ»). Но завтрашній день — это былъ день 1 мая... Теперь, ex post, когда это 1-е мая далеко позади насъ и когда оно,—можетъ быть, отчасти благодаря думскимъ преніямъ 30 апрѣля,—прошло спокойно, трудно, конечно, перенестись въ то состояніе, съ которымъ мы тогда его ждали. Можетъ быть, небезполезно потому привести нѣсколько, хотя и преувеличенныхъ, но все же характерныхъ фразъ изъ рѣчи, сказанной по этому поводу въ думѣ 30 апрѣля однимъ изъ депутатовъ тогдашней трудовой группы: «Завтра рабочій праздникъ, и митинги будутъ вездѣ. Рабочіе пойдутъ по улицамъ съ манифестаціей. Кличъ манифестаціи будетъ: «Амнистія». Несмотря на прокламаціи и надписи

градоначальниковъ, завтра будутъ митинги, завтра будетъ большое и сильное кровопролитіе, потому что рабочихъ будутъ разгонять и бить нагайками, а они не будутъ уходить и будутъ кричать: «Намъ нужна амнистія».

Могла ли дума при такихъ условіяхъ засѣдать 1-го мая, хотя бы и обсуждая отвѣтный адресъ? Для насъ было очевидно, что нѣтъ. Бурныя сцены могли разыграться у стѣнъ самой думы, дума могла стать ареною кровопролитія. Въ самомъ засѣданіи могъ кто нибудь предложить думѣ: въ виду праздника 1-го мая засѣданіе прекратить. Это требованіе могло быть, наконецъ, заявлено и самою возбужденною толпою, окружающею думу. Въ той атмосферѣ, въ которой мы тогда жили, какъ принятіе, такъ и отклоненіе такого предложенія въ одинаковой мѣрѣ грозили серьезными осложненіями. Необходимо было всѣ эти опасности предотвратить. И намъ казалось правильнѣе всего, 30 апрѣля прервать занятія думы до изготовленія комиссіею отвѣтнаго адреса и назначить срокомъ для изготовленія адреса—2-е мая. Это предложеніе, по порученію фракціи, внесено было мною въ думу и думою единогласно принято.

Такъ разсѣялась висѣвшая надъ думою первомайская туча, и мы вступили, наконецъ, въ область обсужденія отвѣтнаго адреса.

III.

Наилучшимъ средствомъ устранить дальнѣйшее наростаніе осложненій было, конечно, изготовленіе отвѣтнаго адреса. Это дѣло и двигалось за кулисами думы съ наивозможною скоростью. Этимъ объясняется, между прочимъ, что члены комиссіи изъ партіи народной свободы приняли на себя тутъ же передъ думою 30 апрѣля обязательство въ *одинъ* день изготовить отвѣтный адресъ, о которомъ извѣстно было напередъ, что онъ долженъ включать и оцѣнку всего политическаго положенія страны, и всю схему задачъ, принимаемыхъ на себя думою изготовить его въ обширной коммиссіи изъ 33 человѣкъ, представителей всѣхъ партійныхъ и національныхъ группъ. Такое обязательство могло быть исполнено, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ дальнѣйшія конфликтныя неожиданности могли быть на время устранены, только благодаря тѣмъ энергичнымъ мѣрамъ, которыя были предварительно приняты партіею народной свободы.

Уже 27 апрѣля, вечеромъ, состоялось частное совѣщаніе главныхъ руководителей партіи, на которомъ, въ числѣ прочихъ, рѣшенъ былъ и вопросъ объ адресѣ. Составленіе проекта адреса было поручено двумъ членамъ совѣщанія, каждому порознь. Совѣщаніе, разошедшееся только въ 2 часа ночи, возложило, однако, на авторовъ обязанность доставить свои проекты

къ завтрашнему же дню пополудни, въ спеціально избранную комиссію, которая должна была остановить свой выборъ на одномъ изъ проектовъ. Къ слѣдующему дню, часамъ къ 2—3, проекты были доставлены, и комиссія остановилась на одномъ изъ нихъ—на томъ, который и прошелъ затѣмъ черезъ думу; изъ второго проекта былъ внесенъ только пунктъ, касающійся отвѣтственности министерства. Вечеромъ въ тотъ же или на слѣдующій день проектъ этотъ представленъ былъ на разсмотрѣніе той шестичленной смѣшанной комиссіи (Милюковъ, Кошкинъ и я, Аладьинъ, Аникинъ и Жилкинъ), о которой упомянуто выше.

Я не собираюсь теперь излагать въ деталяхъ исторію отвѣтнаго адреса, —эту задачу исполню, вѣроятно, со временемъ,—но считаю необходимымъ, для выясненія отношеній обѣихъ парламентскихъ группъ въ первой думѣ,—той роли, которую каждая изъ нихъ играла въ самые крупные моменты жизни думы, и тѣхъ условій, которыя вызвали ихъ объединеніе и позднѣйшее разъединеніе, остановиться на нѣкоторыхъ моментахъ въ исторіи отвѣтнаго адреса.

Засѣданіе шестичленной комиссіи, происходившее у меня на квартирѣ, началось съ чтенія изготовленнаго нами проекта. Выслушавъ проектъ, представители трудовой группы остались имъ въ общемъ удовлетворенными, никакого съ своей

стороны контръ-проекта не представили, никакихъ общихъ замѣчаній и возраженій не сдѣлали и предложили перейти къ чтенію по пунктамъ. Аникинъ только, если не ошибаюсь, со свойственной ему простоватою манерою замѣтилъ, что вообще слишкомъ ужъ много тутъ условностей въ титулахъ и обращеніяхъ. Но никакихъ выводовъ изъ этого сдѣлано не было, и мы перешли «ко второму чтенію». Уже при первомъ чтеніи нами было указано, что пунктъ, касающійся аграрной и рабочей реформы, нами не средактированъ окончательно, такъ какъ по этимъ пунктамъ, въ которыхъ можетъ оказаться программное расхожденіе, необходимо сговориться о какой-нибудь общей формулѣ. Въ нашемъ проектѣ былъ потому оставленъ пробѣлъ послѣ словъ: «Трудовое крестьянство съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы...»

Этотъ пробѣлъ и былъ заполненъ мною, подъ диктовку трудовиковъ, фразою: «если бы она не приняла немедленно самыхъ рѣшительныхъ мѣръ удовлетворенія этой насущной потребности».

Такимъ же образомъ и тутъ же была вписана редакція, касающаяся рабочаго вопроса. Послѣ общей фразы: «государственная дума признаетъ столь же неотложнымъ урегулированіе рабочаго вопроса» было вписано, какъ резуль-

татъ общаго обсужденія: «Потому государственная дума приступитъ къ выработкѣ законовъ объ улучшеніи условій наемнаго труда и вообще мѣръ, направленныхъ къ огражденію интересовъ рабочаго класса».

Въ такомъ видѣ проектъ отвѣтнаго адреса былъ отгектографированъ и утромъ 1-го мая розданъ членамъ думской комиссіи. Въ к.-д. фракціи проектъ адреса почти не обсуждался — для этого и времени не хватало, — онъ былъ въ ней одинъ разъ прочитанъ для свѣдѣнія членовъ фракціи, встрѣтилъ въ ихъ средѣ очень сочувственный пріемъ, но къ подробному обсужденію его фракція не приступала. Одно только фракціей было указано: что въ пунктѣ о земельной реформѣ долженъ быть опредѣленно выдвинутъ принципъ принудительнаго отчужденія.

Когда 1 мая открылось засѣданіе думской комиссіи, и былъ прочитанъ проектъ одобреннаго 6-членною комиссіею отвѣтнаго адреса, члены трудовой группы стали — нѣсколько неожиданно — дѣлать общія по всему проекту замѣчанія, то и дѣло обращаясь за справками къ какой-то бумагѣ, переходившей у нихъ изъ рукъ въ руки. Такъ какъ замѣчанія, дѣлаемыя по такой системѣ, грозили затянуть пренія на очень продолжительное время, то предсѣдатель И. И. Петрункевичъ спросилъ, наконецъ, возражающихъ, нѣтъ ли

у нихъ своего контръ-проекта. Члены трудовой группы посовѣщались и отвѣтили утвердительно, послѣ чего комиссія рѣшила, прежде всего, выслушать этотъ контръ-проектъ, чтобы рѣшить, какой изъ проектовъ принять за основаніе дальнѣйшаго обсужденія. Контръ-проектъ былъ прочитанъ, и комиссія тотчасъ же безъ преній, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ голосовъ трудовиковъ (и то, кажется, не всѣхъ), рѣшила принять за основу нашъ проектъ; проектъ трудовиковъ, вопреки ожиданіямъ всѣхъ, знакомыхъ съ его происхожденіемъ, оказался невѣроятно блѣденъ и тягучъ. Пошло затѣмъ обсужденіе по пунктамъ, и очередь дошла до аграрнаго вопроса. Когда была прочитана конечная фраза по аграрному вопросу о «рѣшительныхъ мѣрахъ удовлетворенія этой насущной потребности», членъ к.-д. партіи, костромской депутатъ Сафоновъ, съ горячностью заявилъ, что отвѣтный адресъ долженъ опредѣленно установить, какимъ путемъ предполагается удовлетворить земельную нужду крестьянъ, а именно, должно быть сдѣлано точно перечисленіе земель и провозглашенъ принципъ принудительнаго отчужденія. Сафонова поддержалъ другой костромской депутатъ Френкель, тоже представитель к.-д. партіи, а затѣмъ это предложеніе поддерживали и голосовали за него всѣ мы, члены к.-д. партіи, и представители трудовой

группы. Пренія по этому вопросу, очень горячія и длинныя, велись между всѣми нами, съ одной стороны, и представителями союза 17 октября и нѣкоторыхъ національныхъ группъ, съ другой стороны. Въ результатѣ огромное большинство оказалось на нашей сторонѣ.

Въ области рабочаго вопроса общая мысль проекта о введеніи мѣръ, направленныхъ къ огражденію интересовъ рабочаго класса, замѣнена болѣе конкретными указаніями,—указанія эти введены по общему согласію, насколько помнится, безъ возраженій съ чьей либо стороны.

Таковъ былъ ходъ занятій въ адресной комиссіи. Я описалъ занятія комиссіи въ интересовавшей меня части съ большою подробностью для того, чтобы сопоставить приведенные мною факты съ тѣмъ, что о нихъ пишетъ,—а главное, что писалъ о нихъ въ своихъ корреспонденціяхъ тогда же, лѣтописецъ и въ нѣкоторомъ родѣ идеологъ трудовой группы, проф. Локоть. Я оставляю въ сторонѣ общія замѣчанія проф. Локотя о томъ, что «тонъ адреса далеко не категорическій, далеко не рѣшительный, далеко не прямой, и въ этомъ отношеніи уже въ самой комиссіи *даже среди самихъ к.-д.* (курсивъ мой) далеко не встрѣтилъ полнаго сочувствія (!)», и перехожу къ спеціальному вопросу, относительно котораго столько потомъ неискоренимой лжи распространилось въ обществѣ. Проф. Ло-

коть зналъ о томъ, что проектъ прошелъ черезъ 6-членную комиссію,—онъ, можетъ быть, не зналъ, что аграрный пунктъ проекта былъ составленъ при участіи и съ согласія делегатовъ трудовой группы; но онъ самъ былъ членомъ адресной комиссіи, присутствовалъ при томъ, какъ предложеніе о включеніи въ адресъ всей включенной въ него аграрной программы было сдѣлано членами нашей партіи Сафоновымъ и Френкелемъ. И, тѣмъ не менѣе, проф. Локоть излагаетъ буквально слѣдующее [1]): «Проектъ адреса исходитъ изъ группы к.-д. Въ первоначальномъ проектѣ адреса, внесенномъ въ комиссію, экономическія пожеланія были выражены въ такой чрезвычайно типичной для к.-д. бюрократически-скромной формѣ: Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не приняла немедленно самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ удовлетворенію этой (земельной) насущной потребности. Государственная дума признаетъ столь же неотложнымъ урегулированіе рабочаго вопроса. Потому государственная дума приступитъ къ выработкѣ закона объ улучшеніи условій наемнаго труда и вообще мѣръ, направленныхъ къ огражденію рабочаго класса». И только. Первоначальный проектъ адреса хотѣлъ уклониться отъ какихъ бы то ни было болѣе опре-

---

[1]) Первая дума, стр. 163—165.

дѣленныхъ указаній на разрѣшеніе столь волнующаго народъ вопроса. *Только воздѣйствіе представителей трудовой группы въ комиссіи заставило сдѣлать тѣ болѣе опредѣленныя дополненія по земельному и рабочему вопросу, какія мы находимъ въ проектѣ, поступившемъ на разсмотрѣніе думы*».

Эта легенда о воздѣйствіи представителей трудовой группы стала затѣмъ появляться на страницахъ нашей столичной повременной печати и, къ большому удивленію нашему, не нашлось ни одного представителя трудовой группы, участвовавшаго въ комиссіи, который бы ее опровергъ. Мало того: если вѣрить сообщенію «Нашей Жизни», ближе всего стоявшей тогда къ трудовой группѣ, членъ гос. думы Аникинъ, бывшій членомъ адресной комиссіи, въ засѣданіи трудовой группы 2-го мая, «познакомилъ группу съ той борьбою (sic), какую пришлось вести членамъ трудовой группы съ к.-д. въ комиссіи 33-хъ», причемъ указалъ, что «представителямъ группы удалось внести въ «кадетскомъ» проектѣ нѣсколько существенныхъ дополненій, *въ томъ числѣ о необходимости принудительнаго отчужденія земли*» («Наша Жизнь», № 435, отъ 3 мая).

И въ томъ же № въ отдѣлѣ «Государственная дума» хроникеръ газеты излагаетъ: «Представители трудовой группы въ комиссіи 33-хъ внесли въ этотъ проектъ (проектъ партіи к.-д.)

весьма существенныя измѣненія: вмѣсто общаго указанія на необходимость удовлетворенія острой земельной нужды, введено опредѣленное заявленіе объ отчужденіи казенной и частно-владѣльческой земли». А черезъ 4 дня въ той же газетѣ появляется передовая статья, начало которой гласитъ: «*При всемъ желаніи думскихъ руководителей* избѣгать въ отвѣтѣ на тронную рѣчь особенно острыхъ вопросовъ, чтобы на немъ объединить всѣхъ членовъ государственной думы, — въ отвѣтный адресъ *все же пришлось* ввести пунктъ о принудительномъ отчужденіи частно - владѣльческихъ земель. *Это сдѣлано по настоянію трудовой думской партіи*, т. е. меньшинства, но это знаменательно. Члены господствующей въ думѣ партіи не могли не понимать, что, поскольку вопросъ о принудительномъ отчужденіи исходитъ отъ лѣвой группы въ государственной думѣ, подъ нимъ подразумѣвается крупное пожертвованіе классовыми интересами большого числа членовъ к.-д. партіи, преимущественное благосостояніе которыхъ тѣсно связано съ значительной земельной собственностью» (курсивъ мой) («Наша Жизнь» № 439).

Изъ этой легенды стали дѣлать затѣмъ широкое употребленіе, она стала классическимъ доказательствомъ «дифференціаціи», идея о которой столь усердно внѣдрялась въ трудовиковъ извнѣ,—и именно въ этомъ смыслѣ она

представляетъ для насъ и для всей дальнѣйшей думской дѣятельности главный интересъ. Не создавъ ни опредѣленной тактики, ни опредѣленной программы, практически вынужденные потому слѣдовать за нами, руководители трудовой группы были однако все время преисполнены страстью отмежевываться справа. Они бы не прочь были, чтобы сами кадеты ради этого стали нѣсколько правѣе; они потому съ горечью констатируютъ, что «и сами кадеты не были въ думѣ «настоящими» кадетами: они были въ думѣ значительно болѣе лѣвыми, чѣмъ они должны были бы быть (sic) по своему существу!)» (Локоть, стр. 116).

Исторія съ отвѣтнымъ адресомъ является въ этомъ смыслѣ — въ смыслѣ уясненія дальнѣйшихъ отношеній нашихъ съ трудовиками — чрезвычайно характерною: здѣсь впервые сдѣлана была попытка, и притомъ съ явнымъ насиліемъ надъ истиною, за какую бы то ни было цѣну выдвинуть свою «особность» и оттолкнуть кадетовъ вправо, объявивъ ихъ измѣнниками въ области «волнующихъ народъ вопросовъ». И характерно то, что когда этотъ походъ на почвѣ аграрнаго пункта разразился въ печати, когда нѣкоторые члены адресной комиссіи напечатали въ газетахъ, въ томъ числѣ въ самой же «Нашей Жизни» (№ 440 отъ 9 мая), письмо съ опроверженіемъ, — съ указаніемъ на то, что пред-

ложеніе внесено было въ комиссіи не трудовиками, а нами,—то на это письмо, правда, фактическихъ возраженій ни съ чьей стороны не послѣдовало, но никто изъ трудовиковъ и ни одинъ изъ органовъ, имъ сочувствовавшихъ и эксплоатировавшихъ этотъ инцидентъ противъ насъ, не счелъ нужнымъ публично отречься отъ своихъ выводовъ, а проф. Локоть, печатая *спустя полгода* свою книгу, счелъ возможнымъ во всей цѣлости и неприкосновенности возобновить легенду о «воздѣйствіи трудовой группы по волнующему народъ вопросу».

Все это, конечно не «конфликтъ» и даже непосредственнаго отношенія къ устраненію конфликтовъ, какъ будто, не имѣетъ. Но оно имѣетъ весьма непосредственное отношеніе къ условіямъ, при которыхъ приходилось въ дальнѣйшемъ улаживать конфликты, оно имѣетъ особенно близкое—я бы сказалъ: почти родственное—отношеніе къ тому послѣднему конфликту, который, увы, устранить уже не удалось.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ адресѣ, необходимо упомянуть, что дѣйствительно одно дополненіе къ нашему проекту было сдѣлано въ комиссіи трудовою группою. Депутатъ Бондаревъ предложилъ включить въ адресъ указаніе, что государственная дума позаботится и о народномъ просвѣщеніи. Противъ *этого* предложенія мы дѣйствительно возражали: мы находили, что оно

не подходитъ не только къ общему тону адреса, но—что главное—къ тону, въ которомъ должна держаться, по нашимъ предположеніямъ, дѣятельность думы. Эта дѣятельность должна быть по преимуществу учредительная; она должна обезпечить свободы, гражданское равенство, дать избирательный законъ и положить основы двумъ главнымъ соціальнымъ реформамъ: аграрной и рабочей. Мы доказывали, что предложеніе Бондарева нарушаетъ самымъ рѣзкимъ образомъ лозунгъ оппозиціи, исповѣдуемый особенно ортодоксально людьми, лѣвѣе насъ стоящими: лозунгъ воздержанія отъ такъ наз. органической работы. Наконецъ, мы указывали, что *эта* тема будетъ съ восторгомъ принята правительствомъ, которое подскажетъ еще много однородныхъ, политически безобидныхъ темъ для «дружной» работы съ народнымъ представительствомъ. Наши доводы не подѣйствовали, а предложеніе Бондарева было весьма горячо поддержано гр. Гейденомъ и вообще правою частью комиссіи (въ думѣ оно было поддержано октябристомъ Скворцовымъ—см. стеногр. отч., стр. 133), и соединенными голосами трудовиковъ и правой предложеніе прошло противъ насъ. Но объ *этомъ* дополненіи, и вообще, обо всемъ этомъ инцидентѣ ни въ одномъ отчетѣ о роли трудовой группы въ комиссіи, ни въ одной газетѣ и ни на одномъ митингѣ не упоминалось.

Наконецъ, нелишне установить и отношеніе къ адресу депутатовъ соціалъ-демократовъ, образовавшихъ позднѣе соціалъ-демократическую фракцію. Извѣстно, что соціалъ-демократическая литература ставитъ въ большую заслугу рабочимъ депутатамъ первой думы воздержаніе отъ голосованія отвѣтнаго адреса и, вообще, отрицательное отношеніе къ этому акту «кадетской измѣны». Но и это воздержаніе, и отрицательное отношеніе тоже не болѣе какъ легенда.

Необходимо прежде всего отмѣтить, что въ составъ адресной комиссіи входилъ соціалъ-демократъ Ершовъ, который, насколько помнится, никакихъ возраженій противъ отвѣтнаго адреса въ комиссіи не дѣлалъ; что въ обсужденіи адреса думою участвовали депутаты Ершовъ и Михайличенко (стен. отч., стр. 101 и 104), изъ которыхъ первый защищалъ адресъ отъ нападокъ деп. Способнаго по вопросу о смертной казни и о стачкахъ, а второй заявилъ, что «относительно адреса на тронную рѣчь... ничего съ нашей стороны какъ мои товарищи рабочіе, и мы ничего не скажемъ, *никакого протеста не выразимъ*... Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что въ отвѣтѣ на тронную рѣчь *не нужно ничего ни вычеркивать, ни добавлять*, но только необходимо упомянуть о рабочемъ вопросѣ». Адресъ затѣмъ былъ принятъ въ первомъ чтеніи 3 мая, какъ свидѣтельствуетъ стен. отчетъ, *единогласно*. Затѣмъ въ обсужденіи

адреса по частямъ участвовали соціалъ-демократическіе депутаты; между прочимъ, спеціально по вопросу о государственномъ совѣтѣ говорили *три с.-д.* депутата—Савельевъ (стр. 177), Чурюковъ (стр. 178) и Ильинъ (стр. 181); всѣ они высказывались противъ второй палаты, а, слѣдовательно, и противъ государственнаго совѣта, а депутатъ Ильинъ съ размаху закончилъ свою рѣчь тѣмъ, что онъ «протестуетъ даже *не только противъ государственнаго совѣта, но противъ всего этого адреса*» (стр. 181)[1]). Но затѣмъ въ томъ же засѣданіи депутатъ Михайличенко принялъ участіе и въ дальнѣйшемъ обсужденіи адреса и именно просилъ въ адресѣ «не углубляться въ рабочій вопросъ; ибо придетъ время, и мы представимъ рабочую программу... *Здѣсь начинаютъ разъяснять, какъ будто мы издаемъ законъ, мы же здѣсь вырабатываемъ только отвѣтъ*» (стр. 214, 215). Слѣдовало голосованіе адреса во второмъ и въ третьемъ чтеніяхъ, и въ обоихъ случаяхъ *соціалъ-демократическіе депутаты голосовали за принятіе адреса*

---

[1]) Въ думѣ были три депутата-однофамильца: В. А. Ильинъ (херсонской губ.), Т. И. Ильинъ (псковской губ.) и Я. В. Ильинъ (московской губ.). Въ соціалъ-демократическую фракцію вошелъ В. А. Ильинъ, депутатъ херсонской губ. (Б-въ и Данъ. Рабочіе депутаты, стр. 78 и 87); по стенограф. же отчетамъ значится, что по поводу адреса высказался. „*Т. Ильинъ (псковская губ.)*". Въ виду несомнѣнной освѣдомленности въ этомъ вопросѣ составителей брошюры о „Рабочихъ депутатахъ" приходится предполагать, что въ стенографическомъ отчетѣ ошибка, которую трудно, впрочемъ, теперь уже провѣрить.

Голосованіе производилось посредствомъ вставанія: соціалъ-демократы сидѣли, и ***никакого заявленія о томъ, что воздерживаются отъ голосованія, не сдѣлали*** (стен. отч., стр. 243).

При наличности такихъ фактовъ соціалъ-демократическая брошюра о первой государственной думѣ гг. Б-ва и Дана. («Рабочіе депутаты въ первой государственной думѣ») даетъ слѣдующее изображеніе отношенія соціалъ-демократовъ къ презрѣнному адресу, за который полагается распекать кадетовъ, обвинять ихъ въ измѣнѣ и проч. По началу с.-д. депутаты слѣдовали де за трудовою группою, но затѣмъ оказалось, что, не взирая на увѣренія Жилкина, будто и у трудовиковъ «рѣчь идетъ не о просьбѣ, а о требованіи»—общій тонъ трудовиковъ все же остался жалостливымъ (стр. 67) [1]); вмѣсто того, чтобы выразить, что ближайшія нужды рабочаго могутъ быть удовлетворены только установленіемъ 8-часоваго рабочаго дня, трудовая группа безъ оговорокъ голосовала за проектъ, который «трусливою рукою начерталъ «неотложное удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса». Такое очень далеко отъ самостоятельности поведеніе трудовой группы

---

[1]) Нелишне замѣтить, что единственное предложеніе о томъ, чтобы послать Государю телеграмму и „*просить*“ объ освобожденіи заключенныхъ исходило *отъ рабочаго депутата* Чурюкова (стр. 43), а *рабочій депутатъ* Сакельевъ заявилъ, что ему въ сущности безразлично, будетъ ли дума требовать, заявлять или просить объ амнистіи (стр. 36).

должно было заставить рабочихъ депутатовъ занять особую позицію». Дальнѣйшая поддержка трудовой группы была для нихъ невозможна, и вотъ депутатъ Ильинъ выступилъ съ заявленіемъ, что онъ протестуетъ противъ государственнаго совѣта и противъ всего адреса, а затѣмъ—какъ говорятъ г. г. Б-овъ и Данъ—«при голосованіи отвѣтнаго адреса рабочіе депутаты *отказались отъ голосованія*». Что даетъ г. г. Б-ву и Дану право заявлять, что депутаты отказались отъ голосованія, не беремся судить. Въ стенографическихъ отчетахъ, какъ указано, слѣда этого отказа нѣтъ, а я могу засвидѣтельствовать, какъ участвовавшій въ голосованіяхъ, что такого заявленія объ отказѣ и сдѣлано не было. Г. г. Б-ву и Дану должно вѣдь быть ясно, что дѣло не въ томъ, вышли ли или не вышли соціалъ-демократы изъ залы въ компаніи съ 11 октябристами,—чего соціалъ демократамъ, какъ объясняетъ г. Данъ, не хотѣлось,—а въ томъ, заявили ли они объ отказѣ отъ голосованія или нѣтъ, ибо г. Дану не можетъ не быть извѣстно, что отказъ оть голосованія совершается не только путемъ выхода изъ залы, но и путемъ простого заявленія. И если при голосованіи посредствомъ вставанія и сидѣнія депутатъ остается сидѣть, ничего не заявляя, то онъ въ голосованіи участвуетъ.

Едва ли кто-либо будетъ сомнѣваться въ томъ, что такого политическаго акта нельзя измѣнять

или отмѣнять посредствомъ позднѣйшихъ писемъ въ газеты съ просьбою «исправить неточность сообщенія», которое однако было совершенно точно. Между тѣмъ оказывается, что въ № 6 «Невской Газеты» появилось письмо за подписью, между прочимъ, и деп. Михайличенко и деп. Савельева съ такою именно просьбою объ «исправленіи неточности»: въ газетахъ «Наша Жизнь» и «Слово» сообщалось-де, что адресъ принятъ единогласно, и что рабочая группа голосовала за адресъ; авторы письма заявляютъ, что это невѣрно, ибо «мы, члены рабочей группы, согласно нашему заявленію (какому?), отъ участія въ голосованіи удержались и не хотѣли только устроить демонстрацію, чтобы не смѣшиваться съ группою гр. Гейдена».

Я остановился нѣсколько подробнѣе на этомъ инцидентѣ, ибо, при всей своей кажущейся ничтожности, онъ крайне характеренъ для дальнѣйшаго развитія отношеній внутри и внѣ думы и для возсозданія атмосферы, въ которой возникали и должны были улаживаться думскіе конфликты. Отвѣтный адресъ послужилъ сигналомъ для начала той травли нашей партіи, которая затѣмъ продолжалась непрерывно до роспуска думы, которая сыграла, на мой взглядъ, рѣшающую роль и въ судьбѣ думы и которая смѣнилась диѳирамбами въ честь партіи и всей ея думской дѣятельности—только въ Выборгѣ, на

послѣднемъ засѣданіи всѣхъ партійныхъ комитетовъ. Въ этой травлѣ приняли участіе съ теченіемъ времени, какъ то увидимъ дальше, не только с.-д. и с.-р., но и всѣ безпартійные лѣвые и особенно безпартійная лѣвая печать. Но по началу застрѣльщиками выступили соціалъ-демократы; на всѣхъ митингахъ и собраніяхъ отвѣтный адресъ провозглашался измѣною со стороны кадетовъ, настроеніе собраній поднималась до такой температуры, что даже В. А. Мякотинъ видѣлъ себя вынужденнымъ защищать кадетовъ, а собраніе отвѣчало ему, Мякотину, на это свистомъ (см. «Наша Жизнь» № 442, «Рѣчь № 70). И вотъ на предметъ расчистки себѣ дороги къ сей основной цѣли создается такая экспозиція: 1) участіе рабочихъ депутатовъ и въ комиссіи, и въ обсужденіи адреса, ихъ дѣловыя, совершенно естественныя, непринужденныя заявленія замалчиваются; 2) совершенно разумное, трезвое заявленіе рабочаго депутата о томъ, что въ адресъ незачѣмъ включать подробную рабочую программу замалчивается; 3) случайной фразѣ Ильина, который при обсужденіи вопроса о государственномъ совѣтѣ заявляетъ, что протестуетъ противъ государственнаго совѣта «и противъ всего этого адреса приписывается значеніе заявленія партіи объ отказѣ въ обсужденіи, причемъ оставляется безъ вниманія, что партія въ лицѣ 3 депутатовъ (Савельева, Чурюкова и Михайличенко) и до, и послѣ

этого въ обсужденіи адреса участвуетъ; наконецъ 4) вопреки истинѣ сообщается, будто рабочіе депутаты отказались отъ участія въ голосованіи, для чего пишется письмо въ редакцію «Невской Жизни», причемъ и тутъ оставляется безъ вниманія то элементарное соображеніе, что если бы, въ самомъ дѣлѣ, депутаты не пожелали оказаться въ компаніи 11 октябристовъ, то это нежеланіе и было бы равносильно желанію голосовать *за* адресъ, ибо вѣдь вся зазорность нахожденія въ «компаніи 11 октябристовъ» могла состоять только въ зазорности совершенія общаго съ ними политическаго акта, а не физическаго дѣйствія—ухода.

Какъ бы то ни было, но участіе соціалъ-демократическихъ депутатовъ и въ обсужденіи, и въ голосованіи отвѣтнаго адреса было такимъ образомъ своевременно стерто изъ памяти поколѣній,—людямъ, занятымъ повседневною и неустанною борьбою въ думѣ, некогда было заниматься возстановленіемъ истины,—и путь для нападеній былъ расчищенъ.

Такъ начинали слагаться отношенія въ думѣ уже на второй недѣлѣ ея существованія. Внѣшнія давленія на опозиціонныя думскія группы, на соціалъ-демократовъ и на трудовиковъ,—въ особенности на послѣднихъ,—давленія, исходящія какъ отъ безпартійныхъ, объединенныхъ только отрицательнымъ отношеніемъ къ партіи народ-

ной свободы, такъ и особенно отъ партійныхъ группъ, бойкотировавшихъ думу и, тѣмъ не менѣе, пожелавшихъ затѣмъ проявить свое въ ней вліяніе,—всѣ эти давленія были направлены исключительно въ одну сторону, въ сторону возможно рѣзкой изоляціи попавшихъ въ думу оппозиціонныхъ, не строго партійныхъ элементовъ отъ партіи народной свободы. Ради этой изоляціи подчеркивалась всякая мелочная неправильность въ поведеніи господствующей партіи, создавались комбинаціи фактовъ несуществующихъ. Въ такихъ условіяхъ партіи народной свободы приходилось вести борьбу съ назрѣвавшими изо дня въ день конфликтами съ правительствомъ. Для этой борьбы партіи необходимо было обладать большинствомъ, но обсолютнаго большинства у нея не было. По существу ея естественнымъ союзникомъ могла и должна была быть трудовая группа; но все сгущающаяся кругомъ партіи атмосфера недовѣрія со стороны руководящихъ трудовиками внѣ думы группъ заставляла партію при каждомъ, даже съ виду незначительномъ, шагѣ считаться со всевозможными случайностями, съ рискомъ оказаться неестественно изолированной передъ лицомъ правительства. При такихъ условіяхъ всякое—хотя бы и самое незначительное—враждебное движеженіе со стороны правительства (а ими полна была вся жизнь первой думы), движеніе, кото-

рое при разумныхъ взаимныхъ отношеніяхъ внутри думы,—скажу больше: при наличности хотя бы рѣзко противоположныхъ, но опредѣленныхъ, не поддающихся случайнымъ давленіямъ извнѣ, политическихъ партій—могло бы быть устранено самымъ легкимъ парламентскимъ маневромъ, при данной обстановкѣ становилось грознымъ конфликтнымъ вопросомъ. И такіе вопросы, нынѣ на разстояніи уже почти незамѣтные, выростали ежедневно, ежечасно.

Чтобы покончить съ изображеніемъ этого настроенія въ дни, слѣдующіе за принятіемъ адреса, приведу еще только 2—3 факта. Я не хочу останавливаться на томъ весьма характерномъ, хотя и мелкомъ обстоятельствѣ, что еще 29 апрѣля, т. е. на третій день послѣ открытія думы и на 2-й день ея дѣятельности, было организовано въ Петербургѣ собраніе союза профессіональныхъ организацій, на которомъ докладчикъ В. В. Водовозовъ уже «выразилъ государственной думѣ упрекъ за то, что она въ теченіе трехъ дней не могла добиться амнистіи и не проявила достаточно активности» (см. газ. «Рѣчь» отъ 30 апрѣля, Хроника), и перехожу непосредственно къ тому, что имѣло мѣсто послѣ принятія отвѣтнаго адреса.

Къ обвиненіямъ въ томъ, что партія желала скрыть «принудительное отчужденіе», и что оно было спасено трудовою группою, присоединилось

въ этой стадіи обвиненіе, что партія пожелала скрыть прямое, равное и тайное избирательное право безъ различія пола. Два слова о томъ, какъ обстояло дѣло съ этимъ «сокрытіемъ». За три дня до открытія думы партія приняла на съѣздѣ, въ которомъ участвовали всѣ депутаты, резолюцію, которая гласила, въ первомъ же пунктѣ, что «цѣлью дѣятельности партіи *въ ближайшей сессіи думы* является... введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, безъ различія пола какъ въ народномъ представительствѣ, такъ и въ мѣстномъ самоуправленіи; при обсужденіи отвѣтнаго адреса въ думѣ депутатъ Набоковъ *отъ имени партіи* заявилъ, что такой именно законъ вносится партіей въ ближайшемъ будущемъ въ думу; проектъ этого закона былъ изложенъ 7 мая на страницахъ той же «Нашей Жизни», въ которой изо дня въ день печатались отчеты о собраніяхъ, объявляющихъ кадетовъ измѣнниками народному дѣлу. Наконецъ, въ самой думѣ весь вопросъ о семичленной формулѣ—вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли выразить требованіе общее и такимъ образомъ не только ускорить самое принятіе адреса, вмѣстѣ съ амнистіей, но и придать адресу характеръ единодушнаго выраженія народныхъ чаяній, или же слѣдуетъ, наоборотъ, пользуясь обезпеченнымъ большинствомъ, провести въ адресѣ всю полноту программныхъ тре-

бованій, въ томъ числѣ и требованія неодинаковой для общества безспорности,—весь этотъ вопросъ, повторяю, въ думѣ никакого партійнаго характера не имѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, прочтите въ стеногр. отч. (стр. 145) рѣчь Френкеля и вы убѣдитесь, что и въ комиссіи 33-хъ предложеніе о сокращеніи формулы не исходило отъ партіи, что, наоборотъ, Френкель, членъ партіи нар. свободы, не только отстаивалъ, но и *самъ возбудилъ* въ комиссіи вопросъ о раскрытіи формулы. Читайте дальнѣйшія пренія въ думѣ по стеногр. отчетамъ и вы убѣдитесь, что и ораторы партіи народной свободы, говорившіе объ этомъ вопросѣ (Ломшаковъ, стр. 145, Миклашевскій, стр. 148), высказывались за раскрытіе формулы, а, съ другой стороны, изъ числа трудовиковъ самые авторитетные—Жилкинъ, Аладьинъ, Локоть—высказывались за оставленіе формулы въ общемъ видѣ. Такъ происходило и голосованіе; оно не имѣло у насъ партійнаго характера: и именно потому не имѣло такого характера, что мы ни на минуту не связывали его въ какомъ бы то ни было отношеніи съ измѣненіемъ программы.

Не безынтересно, можетъ быть, добавить, что въ первоначальномъ проектѣ адреса (въ черновикѣ, который лежитъ у меня предъ глазами) были слова: «съ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ»; къ сожалѣнію, не припомню, въ

какой стадіи—въ 6-ти членной ли комиссіи или позднѣе - они были вычеркнуты; чисто тактическій характеръ вопроса былъ для всѣхъ въ такой степени ясенъ, что онъ въ первоначальной стадіи, до 33-хъ членной комиссіи включительно, особенныхъ споровъ не возбуждалъ, и потому слѣдовъ въ памяти не оставилъ.

Наконецъ, характерно и то, что, поскольку дѣло касается уравненія женщинъ, національностей и вѣроисповѣданій, то уравненіе вѣдь установлено адресомъ въ другомъ мѣстѣ; слѣдовательно, дѣло касается только вопроса о прямомъ голосованіи. И неужели у какого бы то ни было здравомыслящаго человѣка могло зародиться сомнѣніе, что партія, которая съ перваго же момента своего возникновенія стояла за прямое избирательное право, никогда отъ него не отступалась, никогда не предоставляла своимъ членамъ и свободы мнѣнія въ этомъ пунктѣ и упорно на этомъ именно пунктѣ—на пунктѣ о свободѣ мнѣнія—отмежевывалась отъ сосѣднихъ партій, даже отъ партіи демократическихъ реформъ,—что партія, именно, на вопросѣ о прямомъ голосованіи измѣнила народному дѣлу? Очевидно такая мысль въ серьезъ никому и въ голову придти не могла. А между тѣмъ...

Уже 5 мая происходитъ въ Соляномъ Городкѣ женскій митингъ, на которомъ выступавшіе ораторы отъ лѣвыхъ партій «рѣзко отрицательно

относились къ думѣ», упрекая ее въ томъ, что она въ отвѣтъ на тронную рѣчь не подчеркнула семичленной формулы. Г. Невѣдомскій... указалъ на то, что только крестьянинъ-депутатъ Семеновъ и рабочій-депутатъ Михайличенко говорили въ думѣ о семичленной формулѣ. Онъ предложилъ послать этимъ депутатамъ привѣтственную телеграмму («Рѣчь» № 67).

6-го мая происходитъ въ домѣ трудолюбія многолюдный митингъ, устроенный «группою прогрессивныхъ избирателей» (безпартійные лѣвые, остатокъ отъ союза союзовъ). На митингѣ указывалось, что партія к.-д., какъ доминирующая въ думѣ, измѣнила данному ею обѣщанію и въ отвѣтный адресъ не внесла требованія равной, прямой и тайной подачи голосовъ безъ различія пола и вѣроисповѣданія... В. В. Водовозовъ, относясь крайне отрицательно къ поступку думы, выразившемуся въ указанномъ предыдущимъ ораторомъ фактѣ, считая это «излишнимъ политиканствомъ и *угодничествомъ* (курсивъ мой) передъ правыми партіями въ думѣ и странѣ», не находилъ только достаточныхъ основаній къ обвиненію думы вообще и, въ частности, к.-д. въ «измѣнѣ» Слѣдующіе ораторы, Сергѣевъ и др., доказывали наличность «измѣны кадетовъ въ думѣ, подтверждая это цѣлымъ рядомъ (!) фактовъ». И въ заключеніе собраніе *единогласно* приняло резолюцію «Собраніе протестуетъ противъ того, что партія

к.-д. выкинула изъ отвѣтнаго адреса основныя народныя требованія: равное, прямое, тайное. безъ различія пола и національности...; собраніе видитъ въ этомъ *измѣну* выставленнымъ предъ избраніемъ обѣщаніямъ» («Наша Жизнь» № 440).

7 мая происходило въ Соляномъ Городкѣ подъ предсѣдательствомъ Л. И. Лутугина собраніе «Союза Инженеровъ», отчетъ о которомъ въ «Нашей Жизни» изложенъ слѣдующимъ образомъ «Присутствовало свыше 3000 человѣкъ. И. В. Сергѣевъ прочелъ очень интересный докладъ на тему: «Русскій либерализмъ и его тактика». Г. Колюбакинъ возражалъ первымъ. Но едва только онъ назвалъ себя членомъ партіи народной свободы, какъ отовсюду раздались свистки. Дико было такое поведеніе со стороны публики, лѣвѣе кадетовъ... Кромѣ цѣлаго ряда ораторовъ, выступили ораторами члены думы. Депутату Михайличенко были устроены шумныя оваціи. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, раздались долго несмолкавшіе аплодисменты, шапки полетѣли въ воздухъ». Въ заключеніе единогласно принята резолюція: «Собраніе протестуетъ противъ того, что партія народной свободы выкинула изъ отвѣтнаго адреса основное народное требованіе—требованіе прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, отстаивать которое партія народной сво-

боды обѣщалась передъ избирателями» («Наша Жизнь» № 441).

А 9 мая происходило уже нѣчто совершенно невообразимое. Въ домѣ гр. Паниной происходилъ митингъ въ 5.000 человѣкъ. За истекшіе дни агитація противъ думы и противъ господствующей въ ней партіи приняла такіе размѣры, что напугала самихъ тѣхъ, которые только за два дня до того руководили собраніями и участвовали въ единогласномъ вотированіи резолюцій, провозглашающихъ измѣну господствующей въ думѣ партіи. На митингѣ въ домѣ гр. Паниной Водовозовъ догадался, наконецъ, заявить, что «нападки, дѣлаемыя въ послѣднее время на думу, играютъ въ руку правительству, которое давно уже жаждетъ раздора въ самой думѣ, дабы воспользовавшись имъ, разогнать ее» (эта истина была позднѣе вторично забыта). На защиту думы и кадетовъ сталъ В. А. Мякотинъ. Было однако уже поздно: посѣвъ всходилъ очень быстро. Даже Мякотинъ былъ освистанъ. Ораторъ с.-д., Алексѣевъ, «увѣрялъ, что к.-д. рекомендуютъ усмирять аграрные безпорядки разумно руководимыми войсками; онъ выразилъ также твердую увѣренность видѣть трогательный союзъ крупнаго бюрократа д. т. с. Фриша и Петрункевича» (!); а слѣдующій ораторъ Карповъ заявилъ, что партія народной свободы «отвѣчаетъ на пощечины бюрократіи молчаніемъ» и «*на дискредитированіе этой партіи должны быть направлены*

всѣ усилія». Когда же выступилъ членъ думы Огородниковъ (к.-д.), то рѣчь его много разъ прерывалась шумомъ, свистками и криками: «это неправда». Затѣмъ послѣдовала рѣчь члена думы Сѣдельникова (трудовика), «полная нападокъ по адресу партіи народной свободы», и, наконецъ, членъ думы Савельевъ (с.-д.) присоединился къ словамъ предыдущаго оратора. Въ заключеніе принята была резолюція, въ коей «собраніе заявляетъ, что партія народной свободы выражаетъ лишь робко и неполно народныя требованія, не выполняетъ своего обѣщанія объявить созывъ всенароднаго учредительнаго собранія (?). Мы предостерегаемъ народъ отъ этой партіи, которая колеблется между народной свободою и угнетающею народъ старой самодержавной властью» («Наша Жизнь», № 442, Рѣчь, № 70). И когда затѣмъ, 11 мая въ засѣданіи соціально-политическаго клуба была предложена резолюція, внушенная, повидимому, тѣми же мыслями, которыя были высказаны на митингѣ Водовозовымъ, и требовавшая, чтобы соціально-политическій клубъ «отнесся съ рѣшительнымъ осужденіемъ какъ къ тому поведенію участниковъ митинговъ, которые *свистомъ и шумомъ не даютъ словъ ораторамъ партіи к.-д.*, такъ и къ статьямъ газеты «Рѣчь» (нѣчто вродѣ осужденія вправо и влѣво), то резолюція эта была громаднымъ большинствомъ отвергнута, и возражавшій особенно рѣзко противъ резолю-

ціи Лутугинъ заявилъ, что резолюція хотѣла «механически прекратить тотъ сильный потокъ живой энергіи, который проявляютъ крайнія партіи. Если гг. кадеты считаютъ, что сыплющіяся на нихъ обвиненія неправильны, они должны выступать на митингахъ и возражать»... (Это говорилось въ отвѣтъ на указаніе, что свистомъ и шумомъ не даютъ говорить—надо полагать, являющимся!—ораторамъ к.-д.).

IV.

Въ такой то атмосферѣ разыгрались конфликты, слѣдовавшіе за принятіемъ адреса. Одинъ изъ нихъ связанъ былъ съ самимъ адресомъ и долженъ былъ разыграться въ слѣдующемъ же послѣ принятія адреса засѣданіи, 8 мая; намекъ на него имѣется уже въ рѣчахъ на Панинскомъ митингѣ: «на пощечину к.-д. отвѣчаютъ молчаніемъ». Пощечина—это отказъ въ принятіи депутаціи съ отвѣтнымъ адресомъ. Какъ слѣдовало, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, реагировать на такую пощечину изъ области придворнаго этикета, въ сущности, неизвѣстно. Но манера, съ которой трактуется отношеніе думы и партіи к.-д. къ этой «пощечинѣ», доказываетъ, въ какой мѣрѣ каждый мелочный вопросъ могъ стать конфликтнымъ,—въ зависимости отъ того, подъ какимъ вліяніемъ окажутся

въ тотъ или иной день безформенные союзники наши въ думѣ.

Самой мысли о доставленіи адреса именно черезъ депутацію мы не приписывали особеннаго значенія. Мы остановились на ней, помнится, второпяхъ, въ тотъ часовой перерывъ въ ночь съ 4 на 5 мая, когда формально засѣданіе 4 мая—для второго чтенія адреса—считалось закрытымъ, а слѣдующее, для третьяго чтенія, было назначено черезъ часъ, 5 мая въ $2^1/_2$ ч. по полуночи. Въ теченіе этого часа, мы, изможденные отъ усталости и голода (мы сидѣли безъ обѣденнаго перерыва), должны были проредактировать окончательно весь адресъ въ комиссіи 33-хъ. Фактически дѣло свелось, конечно, къ работѣ нѣсколькихъ лицъ, ибо большинство—въ томъ числѣ, помню, особенно рѣзко Кузьминъ-Караваевъ—объявили себя окончательно неспособными что либо понимать,—особенно когда пришлось вколачивать въ адресъ крайне тяжеловѣсную и какъ то нигдѣ въ адресѣ не приходившуюся къ мѣсту поправку Ковалевскаго о бюджетныхъ правахъ второй палаты. И вотъ, когда этотъ трудъ былъ законченъ, пришлось наскоро, вмѣстѣ съ Муромцевымъ да еще съ нѣсколькими опытными парламентаріями, выбрать одинъ изъ возможныхъ способовъ врученія адреса. Безъ особенныхъ колебаній рѣшено было остановиться на посылкѣ депутаціи,

и дума одобрила этотъ способъ, тоже безъ преній и безъ особыхъ подчеркиваній.

У меня лично осталось убѣжденіе—и для этого имѣются объективныя данныя,—что отказъ въ пріемѣ депутаціи не былъ только вопросомъ придворнаго этикета въ чистомъ видѣ. Правительство не было связано никакими прецедентами и могло депутацію принять. Насъ хотѣли несомнѣнно укольнуть, остановить въ нашемъ державномъ шествіи—этою мизерною придворно-этикетною шпилькою. Самый способъ, которымъ доведено было до свѣдѣнія думы объ ожидающемъ ее, послѣ трехъ дней нетерпѣнія, разочарованіи, былъ тоже заправленъ ядомъ. Предсѣдатель думы, обращавшійся къ Государю, получилъ отвѣтъ *отъ предсѣдателя совѣта министровъ*: воздвигалось новое, не предусмотрѣнное никакими законами средостѣніе. И сознаюсь: насъ, когда мы узнали о полученномъ отвѣтѣ, эта сторона дѣла смущала больше, чѣмъ самый отказъ въ принятіи депутаціи. Но для насъ вмѣстѣ съ тѣмъ не возникало сомнѣній, что весь этотъ инцидентъ, со всею его ядовитою приправою, не стоитъ того, чтобы на немъ создать конфликтъ. Дѣло касалось вѣдь, въ концѣ концовъ, не тѣхъ существенныхъ народныхъ требованій, съ которыми мы связывали возможность конфликта, а весьма условной области внутреннихъ сношеній, мало кому доступныхъ

и интересныхъ. Такъ разсуждали *мы*. Но созданное въ городѣ противъ партіи и противъ думы весьма возбужденное настроеніе, находящее откликъ въ трудовой группѣ, заставляло быть весьма осторожнымъ. Вопросъ осложнился еще тѣмъ, что предсѣдатель думы, весьма далекій въ то время отъ всякихъ партійныхъ дѣлъ, и потому совершенно, повидимому, не считаясь съ возможными въ средѣ думы взрывами по всякому мелкому вопросу, отнесся къ инциденту довольно холодно, именно, какъ къ вопросу придворнаго этикета, и получивъ указаніе о порядкѣ направленія адреса, рѣшилъ тотчасъ же, въ видахъ ускоренія дѣла, адресъ указаннымъ способомъ отправить. Извѣстіе объ этомъ было получено нами въ воскресенье днемъ во время засѣданія фракціи, одновременно съ извѣстіемъ о самомъ отказѣ. Былъ даже слухъ, что адресъ уже отправленъ. Вслѣдствіе этого фракція отрядила немедленно двухъ делегатовъ къ предсѣдателю думы для выясненія дальнѣйшаго плана дѣйствій. Делегаты нашли предсѣдателя уже заклеивавшимъ приготовленный къ отправкѣ пакетъ съ адресомъ. Отправка адреса была остановлена. Если бы мы не поспѣли во время,—къ возможному конфликту думы съ правительствомъ присоединился бы несомнѣнный конфликтъ думы съ предсѣдателемъ. Этотъ конфликтъ былъ устраненъ. Предсѣдатель думы не только согла-

сился внести вопросъ на обсужденіе самой думы, но, убѣдившись изъ нашихъ словъ въ серьезности положенія, съ своей стороны принималъ въ теченіе дня мѣры къ тому, чтобы отказъ былъ взятъ назадъ, или чтобы, по меньшей мѣрѣ, отвѣтъ былъ ему сообщенъ инымъ путемъ—не черезъ предсѣдателя совѣта министровъ. Мѣры эти, однако, оказались безуспѣшными.

На вечернемъ засѣданіи фракціи народной свободы рѣшено было, прежде всего, вопроса о порядкѣ направленія отвѣта черезъ предсѣдателя совѣта министровъ вовсе не возбуждать. Разъ возбужденный, онъ требовалъ отвѣта: отвѣтомъ же могло явиться только возмущеніе по поводу явнаго желанія исполнительной власти занять положеніе посредника между верховною властью и законодательнымъ учрежденіемъ. Въ результатѣ появились бы тягостныя и, въ сущности, безплодныя пренія, а вопросъ объ адресѣ только запутался бы. Ибо, если бы дума настояла на прерогативахъ предсѣдателя сноситься непосредственно съ Государемъ, то не было бы уже возможности послѣдовать указанію письма Горемыкина и покончить съ адресомъ немедленно; адресъ остался бы въ совершенно безнадежномъ, висячемъ положеніи и составилъ бы только источникъ непрекращающихся волненій въ думѣ. Потому фракція рѣшила, не касаясь формальной стороны, ограничиться краткою мотивиров-

кою по существу вопроса. Рѣшено было отмѣтить огромное значеніе содержанія отвѣтнаго адреса по сравненію съ мизернымъ вопросомъ о формѣ передачи и подчеркнуть самодовлѣющее верховное значеніе думы, какъ государственнаго учрежденія, достоинство и величіе котораго не можетъ быть поколеблено никакими придворными формальностями или придирками. Такимъ тономъ отвѣта, казалось намъ, можно будетъ побѣдить то естественное негодованіе, которое должно было быть вызвано сообщеніемъ Горемыкина.

Но въ виду неясности положенія, въ виду того, что общество, ожидавшее въ теченіе трехъ дней съ минуты на минуту извѣстія о пріемѣ депутаціи, несомнѣнно, ощутило горечь отказа и стихійно рвалось къ какой-нибудь реакціи на отказъ, рѣшено было собраться вторично утромъ до засѣданія и, получивъ точныя свѣдѣнія о предположеніяхъ трудовой группы, обсудить вновь создавшееся положеніе. Собранія нашихъ фракцій происходили и на этотъ разъ въ двухъ смежныхъ думскихъ комнатахъ. Свѣдѣнія, которыя мы получали изъ сосѣдней комнаты, были далеко неутѣшительны. Настроеніе сильно колебалось. По свойству самаго вопроса дѣло сводилось, конечно, не къ тѣмъ или инымъ реальнымъ дѣйствіямъ, а къ словамъ, къ формулѣ резолюціи. Такъ какъ къ вопросу такъ или иначе была

прикосновенна верховная власть, и формально Горемыкинъ объявлялъ себя только передатчикомъ верховной воли, то каждое слово въ резолюціи, а тѣмъ болѣе направленіе вниманія не на внѣшность, а на внутреннюю сторону инцидента, могли оказаться роковыми. По сообщавшимся намъ свѣдѣніямъ, тамъ предлагались двѣ резолюціи (Буслова и Ульянова); съ нашей точки зрѣнія, обѣ были негодны, но представлялось крайне нежелательнымъ допускать ихъ до публичнаго обсужденія, хотя бы онѣ потомъ и были отклонены. Время шло,—предсѣдатель думы, по просьбѣ обѣихъ группъ, не открывавшій пока засѣданія, начиналъ уже волноваться и торопить; вѣсти доходили, что трудовики уже приступаютъ къ голосованію одной изъ двухъ формулъ. Тогда фракція рѣшила отправить въ трудовую группу делегата съ порученіемъ убѣдить ее принять нашу формулу. Делегатомъ былъ намѣченъ популярный тогда въ трудовой группѣ Милюковъ. Я, какъ предсѣдатель собранія, отправился къ трудовикамъ съ предложеніемъ выслушать Милюкова и успѣлъ уловить по словамъ докончивавшаго рѣчь оратора и по отношенію къ нему собранія, что дѣло клонится въ сторону болѣе или менѣе рѣшительнаго выступленія. Сцена появленія моего и Милюкова такъ изображена въ брошюрѣ «72 дня перваго русскаго парламента», въ главѣ «Первый конфликтъ» (стр. 44): «Передъ

самымъ голосованіемъ въ комнату входитъ М. Винаверъ и предлагаетъ собранію выслушать делегата кадетской фракціи П. Н. Милюкова по поводу совмѣстныхъ дѣйствій въ засѣданіи палаты». Затѣмъ приводится приблизительное содержаніе рѣчи Милюкова, въ которой опредѣленно указывалось, что «мы стоимъ передъ конфликтомъ. Должны ли мы пойти на него? Есть ли теперешній моментъ именно тотъ, когда можно идти на разрывъ? Я полагаю, что нѣтъ; иначе народъ вправѣ будетъ намъ сказать, что мы *главнаго* не исполнили: мы должны потребовать свободы и земли». И т. д., и т. д. Рѣчь Милюкова была выслушана съ огромнымъ вниманіемъ; во время и послѣ рѣчи слышались—особено изъ среды крестьянъ—возгласы одобренія и даже голоса сожалѣнія о томъ, что «у насъ-де нѣтъ вѣдь такого, чтобы такъ ясно и умно излагалъ», и въ результатѣ принято было рѣшеніе присоединиться къ нашей формулѣ.

Въ засѣданіи думы, по порученію фракціи, выступилъ Новгородцевъ и задачу свою исполвилъ превосходно; затѣмъ Аладьинъ счелъ всетаки нужнымъ излить хоть отчасти то настроеніе, которое пришлось подавить: «Я не хочу сказать, что на нашемъ пути воздвигнуто непреодолимое препятствіе. Нѣтъ. Препятствіе *несомнѣнно крупное*, но недостаточное для того, чтобы оставить насъ въ нашей созидательной

работѣ. Но, съ другой стороны, я считаю своимъ долгомъ заявить народу... и говорю: смотрите, ваши представители будутъ продолжать работать, но ихъ работа будетъ такова, что они на каждомъ шагу будутъ встрѣчать препятствія, о которыя, можетъ быть, разобьется вся ихъ энергія». Но этотъ приподнятый тонъ сразу упалъ, когда М. Ковалѐвскій соотвѣтственнымъ примѣромъ изъ англійской конституціи лишній разъ доказалъ, что Alles ist schon da gewesen, а Набоковъ съ сарказмомъ замѣтилъ, что, не стѣсняя Аладьина въ изложеніи своихъ мыслей передъ народомъ, онъ находитъ, что «въ споръ съ тѣми, кто въ придворномъ этикетѣ видятъ главный смыслъ нашего обращенія, думѣ вступать не подобаетъ».

Затѣмъ формула была принята, и весь инцидентъ благополучно исчерпанъ.

V.

Скрывался въ лонѣ самой организаціи государственной думы одинъ конфликтъ—быть можетъ, болѣе страшный, чѣмъ всѣ остальные, конфликтъ, способный заслуженно или незаслуженно дискредитировать государственную думу въ глазахъ широкихъ массъ населенія. Этотъ своеобразный конфликтъ выросталъ не на почвѣ тѣхъ или иныхъ дѣйствій правительства, а на

почвѣ полнаго его бездѣйствія, въ связи съ тѣми стѣсненіями, которыя были созданы самимъ закономъ для самостоятельности думы.

Можно было думать, что правительство замыслило дьявольскій планъ: затравить думу обреченіемъ ея на бездѣятельность. И если такой демоническій планъ и не былъ сознательно составленъ и исполненъ, то, однако, онъ самъ собою классически слагался; исторія, какъ будто, сама демонически издѣвалась надъ нами.

27 апрѣля собралась государственная дума и выслушала тронную рѣчь. Что же ей было дѣлать дальше, по представленію правительства? Отвѣтить на тронную рѣчь? Но вѣдь это не обязательная функція думы. Дума рѣшилась отвѣтить; къ 5 мая отвѣтъ ея, однако, уже былъ готовъ,—что же дальше? Задавалось ли правительство хоть на минуту этимъ вопросомъ? Съ одной стороны, правительство, обладающее огромнымъ штатомъ чиновниковъ, технически подготовленныхъ, расходующее на содержаніе этихъ чиновниковъ многіе милліоны; съ другой,—собраніе 500 людей, которые, съ точки зрѣнія правительственнаго идеала, должны были представлять отнюдь не организованныя для какихъ бы то ни было дѣйствій группы, а собраніе «добрыхъ» мѣстныхъ людей, посылаемыхъ порознь многочисленными мѣстными и классовыми околотками, на которые разбита была Россія.

Развѣ эти люди обязаны были привезти съ собою, каждый порознь, запасы готовыхъ законопроектовъ? А на случай если бы ихъ и привезли, развѣ дума не была дважды застрахована отъ нихъ? Ибо: во 1-хъ, каждый порознь «лучшій» человѣкъ долженъ былъ найти еще 29 единомышленниковъ, чего могло и не случиться, и, во 2-хъ, раньше мѣсяца все равно и къ обсужденію этихъ предложеній дума не могла подступиться. Какъ же правительство представляло себѣ функцію этихъ людей? Оно, очевидно, думало, что, принявши адресъ—или даже до того,—дума должна разъѣхаться на вакаціи? Не элементы ли это самаго страшнаго, самаго безвыходнаго конфликта?

15-го мая, т. е. почти три недѣли послѣ открытія думы, поступили въ думу два, ставшихъ знаменитыми, представленія м-ра народнаго просвѣщенія: одно—объ открытіи частныхъ курсовъ, другое—о юрьевской прачешной и оранжереѣ. И здѣсь не было, я думаю, злого умысла; исторія просто зло надсмѣялась надъ нами; если нужна была иллюстрація полнѣйшей дряблости правительства, полнаго разлада между властью и народомъ, то она сказалась въ этихъ ненарокомъ попавшихъ въ первую думскую очередь законодательныхъ предположеніяхъ правительства. Точно эти люди не понимали, что управлять вѣдь приходится, въ концѣ концовъ,

людьми, а не бумагами,—людьми, имѣющими мысли и чувства, «хохочущими, когда ихъ щекочутъ, истекающими кровью, когда ихъ рѣжутъ». Не думали же они, что дума радостно набросится на частные курсы, на прачешную и оранжерею, чтобы потомъ опять погрузиться въ сонъ, разъѣхаться на каникулы.

Между тѣмъ, легко понять, что обозначало бы для страны, какое деморализующее на нее вліяніе должно было бы произвести, и какіе возможные взрывы общественнаго негодованія и противъ правительства, и противъ думы должно было вызвать бездѣятельное, немощное состояніе думы, отъ какихъ бы причинъ оно ни проистекало. Это было одно изъ тѣхъ положеній, отъ которыхъ необходимо было спасти думу какою бы то ни было цѣною.

Законопроекты были партіей заготовлены; черезъ созданное думѣ препятствіе, относительно обязательныхъ 30 подписей подъ заявленіями, жизнь игриво перескочила, пославъ въ думу, не взирая ни на какія препятствія, сплоченную партію въ составѣ 180 человѣкъ, взявшихъ на себя и трудъ, и отвѣтственность за законодательный матеріалъ для думы. Но грознымъ, почти непреодолимымъ препятствіемъ явилось правило о мѣсячномъ срокѣ, для устраненія котораго конфликтъ съ закономъ казался съ перваго взгляда неизбѣжнымъ. Читатель стеногра-

фическихъ отчетовъ думы, перечитывая отчетъ о сравнительно спокойномъ и дѣловитомъ засѣданіи думы 12 мая (первомъ послѣ описаннаго выше засѣданія 8 мая), не пойметъ и не догадается, какой тяжелый камень былъ сдвинутъ съ пути думы корректною, полу-формальною рѣчью Новгородцева о выборѣ комиссіи для разсмотрѣнія внесеннаго нами законопроекта о неприкосновенности личности,—сухими на видъ, но для сдержаннаго предсѣдателя первой думы замѣтно торопливыми замѣчаніями Муромцева (въ отвѣтъ на возраженія Аладьина и графа Гейдена), что онъ, предсѣдатель, «не видитъ препятствій къ тому, чтобы членами были высказаны нѣкоторыя соображенія», но что «мы не будемъ сегодня баллотировать»; читатель не пойметъ, почему по столь скучному вопросу, какъ толкованіе ст. 5 и 6 учрежденія думы, раздаются аплодисменты предсѣдателю, а когда предсѣдатель говоритъ, что «ничего голосоваться не будетъ; это только первоначальный обмѣнъ мнѣній по поводу выбора комиссіи, который для комиссіи будетъ, смѣю думать, полезенъ»,—раздаются не только аплодисменты, но и возбужденные голоса: «совершенно вѣрно». Ибо все это было ничто иное, какъ исполненіе плана,—теперь, когда онъ уже использованъ, кажущагося чрезвычайно простымъ и мелкимъ, но тогда явившагося результатомъ продолжительныхъ размышленій и обсужденій,

пущеннаго въ ходъ съ большою робостью и неувѣренностью за его участь. И въ первомъ же засѣданіи, когда этотъ планъ, направленный къ тому, чтобы вывести думу изъ бездѣйствія и дать ей, вопреки стремленіямъ правительства, дѣловую работу законодательную, былъ примѣненъ на дѣлѣ, предсѣдатель думы и совмѣстно съ нимъ создавшіе планъ руководители партіи народной свободы то и дѣло должны были брать слово, чтобы вновь ставить на рельсы все кренившуюся то направо, то налѣво телѣгу. Формально позиція была несомнѣнно шатка, отъ малѣйшаго строго-формальнаго замѣчанія вся постройка могла разлетѣться; необходимо было скорѣе проѣхать первую дистанцію, чтобы потомъ уже опираться на прецедентъ,—и я помню, съ какимъ замираніемъ сердца всѣ мы (Новгородцевъ, Набоковъ, Петражицкій и я) слѣдили за кажущимися нынѣ неинтересными и безцвѣтными, наивно-вопросительными замѣчаніями то гр. Гейдена, то Аладьина, то Кузьмина-Караваева, то безпартійнаго крестьянина Жуковскаго, каждое изъ которыхъ грозило, развернувшись, затопить нашу утлую ладью; какъ мы нервно вскакивали на каѳедру, чтобы, поскольку можно, ихъ ублаготворить и въ дальнѣйшемъ напорѣ остановить, и какъ мы облегченно вздохнули, когда, наконецъ, добрались до момента,

когда и дума рѣшила, и гр. Гейденъ призналъ, что «говорить, выяснять сущность проекта всегда можно» (стр. 206).

Такъ было установлено внѣдрившееся затѣмъ въ нашу думскую практику, приносившее впослѣдствіи подчасъ и горькіе плоды, но явившееся необходимымъ для спасенія достоинства и силы думы «предварительное обсужденіе законопроектовъ на предметъ направленія дѣла». Это былъ актъ самозащиты въ борьбѣ зарождающагося и рвущагося къ дѣятельности учрежденія съ безнадежно-тупымъ и злостнымъ правительствомъ. Побѣда безкровная, скрашенная добродушно-строгимъ замѣчаніемъ предсѣдателя о томъ, что «въ предложеніи объ образованіи по настоящему дѣлу комиссіи предсѣдатель ничего незаконнаго не усматриваетъ, ибо нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы пока въ теченіе мѣсяца будетъ думать министръ, въ то же самое время въ теченіе мѣсяца работала и государственная дума въ лицѣ своей комиссіи», и сдѣланнымъ въ такомъ же тонѣ разъясненіемъ: «Да нѣтъ, графъ, по существу преній не было; дѣлаются лишь замѣчанія, къ свѣдѣнію комиссіи; ни одно изъ нихъ на голосованіе поставлено не будетъ и, слѣдовательно, по существу сужденій нѣтъ» (стр. 306).

VI.

Въ томъ же засѣданіи 12 мая раздался первый, малозамѣтный аккордъ цѣлой конфликтной симфоніи, разыгрывавшейся затѣмъ въ теченіе недѣль передъ лицомъ думы и всей изумленной страны. Въ началѣ засѣданія былъ оглашенъ запросъ, подписанный 66 членами думы о 8 смертныхъ приговорахъ, состоявшихся въ гор. Ригѣ.

Запросы представляли собою, естественно, одно изъ самыхъ сильныхъ орудій въ рукахъ думы, и потому партія народной свободы, не желая тратить его на случайно и въ большомъ изобиліи выплывающіе факты злоупотребленій власти, рѣшила выдвинуть на первую очередь, въ качествѣ матеріала для запроса, наиболѣе существенные грѣхи стараго строя. Съ этою цѣлью еще во время обсужденія отвѣтнаго адреса былъ сформулированъ, по порученію партіи,—насколько помнится, Іоллосомъ—запросъ объ участіи департамента полиціи въ погромной дѣятельности. Черезъ нѣколько дней долженъ былъ быть сдѣланъ запросъ о голодѣ. Первый запросъ былъ внесенъ въ думу еще 4 мая и о поступленіи его сообщено думѣ въ томъ знаменитомъ ночномъ засѣданіи 4 мая,когда заканчивалось обсужденіе отвѣтнаго адреса. И хотя при первомъ обсужденіи этого вопроса государственный контролеръ Шванебахъ,

отъ имени своего отсутствующаго «коллеги», и упомянулъ о «законномъ срокѣ», въ предѣлахъ коего будутъ представлены министромъ требуемыя объясненія (стр. 275), тѣмъ не менѣе и общество и печать, и дума питали тайную увѣренность, что министръ поторопится скорѣе очиститься отъ тяжкихъ обвиненій, тѣмъ болѣе, что для этого достаточно было только отмежеваться отъ погромныхъ дѣйствій предшествующаго министерства.

Но этой надеждѣ на рѣшительный отвѣтъ правительства въ области, наиболѣе для думы чувствительной,—въ области проявленія произвола административною властью,—не суждено было осуществиться. Наоборотъ, сама жизнь приносила новые факты, вскрывавшіе съ возрастающею силою глубокую рознь между двумя призванными къ общей работѣ частями государственнаго механизма.

Заявленіе, поданное 12 мая 66 членами думы, не было собственно запросомъ. Оно ссылалось не на законъ, а на народныя желанія, выраженныя въ отвѣтномъ адресѣ государственной думы. Оно было попыткою добиться отъ исполнительной власти хотя малой доли вниманія къ единогласному требованію народа. Тѣмъ значительнѣе былъ въ немъ конфликтный элементъ: правительство могло ограничиться формальнымъ отводомъ, а дума, разъ отмѣтившая возмущающій

душу фактъ и поставленная въ безпомощное по отношенію къ нему положеніе, стихійно толкалась на путь раздраженныхъ, рискованныхъ шаговъ, грозящихъ самому ея существованію. Дума требовала отъ правительства весьма малаго: только пріостановки смертныхъ казней. Какая бы ни была дана урѣзанная амнистія,—а надежды на нее тогда еще не погибли, и едва-ли даже само правительство считало вопросъ о ней оконченнымъ,—какая бы ни была, говорю я, дана амнистія, вѣдь представлялось несомнѣннымъ, что смертныя казни будутъ же замѣнены какимъ-нибудь инымъ, менѣе безповоротнымъ наказаніемъ. Какой же смыслъ могъ быть въ этомъ стремительномъ лишеніи жизни новыхъ 8 жертвъ? И члены думы, вносившіе 12 мая заявленіе,—надо въ этотъ сознаться—были наивно увѣрены что эти жизни будутъ пощажены. Этимъ объясняется, что и рѣчей никакихъ по существу даже произнесено не было,—дума была только озабочена, какъ бы о ея желаніи «было сегодня же сообщено по принадлежности», какъ бы только заявленіе «немедленно, хотя бы въ рукописномъ видѣ, было сообщено предсѣдателю совѣта министровъ». Никакого особеннаго безпокойства въ тотъ день въ думѣ не замѣчалось. Но прошли 4 дня, и 16 мая доложенъ былъ думѣ отвѣтъ предсѣдателя совѣта министровъ, что онъ

направилъ заявленіе «по принадлежности къ военному министру». И только.

Нѣтъ надобности описывать, какое впечатлѣніе на думу произвело это явное издѣвательство уже не надъ думою только, а надъ элементарнымъ чувствомъ уваженія къ человѣческой жизни. Дума, однако, сдержала себя и ждала отвѣта военнаго министра. Въ тотъ же день вечеромъ отвѣтъ былъ данъ: рижскія жертвы были казнены. Чаша терпѣнія видимо переполнялась,— чувство все съ большимъ трудомъ поддавалось внушеніямъ разума—и это сказывалось, конечно, съ особенною силою въ той средѣ, которая была и менѣе дисциплинирована, и менѣе опредѣленно давала себѣ отчетъ во всѣхъ страшныхъ трудностяхъ реальной политической парламентской борьбы. Въ теченіе свободнаго дня, 17-го мая, фракція совѣщалась Представлялось несомнѣннымъ, что 18 мая будетъ сдѣлана попытка дать исходъ накипѣвшему чувству; необходимо было принять мѣры къ тому, чтобы возмущеніе, вырвавшись наружу, не унесло думу,—необходимо было проявить реакцію противъ возмутительныхъ дѣйствій правительства въ формѣ, дѣйствительно властной, перенести споръ въ ту область, въ которой дума является хозяиномъ и гарантирована отъ формальныхъ отводовъ со стороны правительства. Всѣ эти сложныя ощущенія подсказали мысль: въ качествѣ отвѣта на

вызовъ правительства и для успокоенія возбужденнаго настроенія, внести немедленно законъ объ отмѣнѣ смертной казни. Спѣшно за ночь онъ былъ составленъ, написана была объяснительная записка, и 18-го утромъ засѣданіе думы открылось заявленіемъ предсѣдателя, что къ нему поступило срочное предложеніе съ законопроектомъ объ отмѣнѣ смертной казни. Дума немедленно приступила къ обсужденію проекта, и Набоковъ въ первыхъ же словахъ связалъ законопроектъ съ совершившимися казнями, заявивъ, что дума должна отказаться отъ мысли воздѣйствовать запросами, что она «можетъ поставить рѣшительныя препятствія только тогда, когда скажетъ и постановитъ, что сама эта мѣра должна быть навсегда вычеркнута изъ списка тѣхъ каръ, которыя налагаются государствомъ» (стр. 422). Этимъ вопросъ былъ введенъ въ русло, и хотя затѣмъ и представители нашей партіи, и особенно лидеры трудовой группы (Аладьинъ, Локоть и др.) выступили съ очень рѣзкими рѣчами и именно по поводу рижскихъ казней, тѣмъ не менѣе, для всѣхъ этихъ выступленій былъ уже уготованъ практическій исходъ, выводящій самыя рѣзкія рѣчи изъ «конфликтной» сферы.

Но въ этомъ средствѣ скрывалось въ зародышѣ новое осложненіе: вѣдь для того, чтобы законопроектъ могъ быть заслушанъ, долженъ

еще истечь мѣсячный срокъ, а пока людей будутъ разстрѣливать, вѣшать... У насъ были правда, основанія предполагать, что министры на сей разъ откажутся воспользоваться мѣсячнымъ срокомъ, они сами объ этомъ заявляли предсѣдателю думы; мало того: когда, въ связи съ этимъ именно инцидентомъ, возникла въ средѣ фракціи мысль о правѣ думы отмѣнить въ законодательномъ порядкѣ вообще весь мѣсячный срокъ, министры выразили и этому сочувствіе, соглашались и для этого законопроекта также не настаивать на мѣсячномъ срокѣ. Этимъ и объясняется странное, непонятное для лицъ непосвященныхъ, предложеніе докладчика по вопросу о смертной казни: обязать комиссію въ *пятидневный* срокъ изготовить законъ,—когда по общему правилу нельзя слушать его раньше мѣсяца! Этимъ объясняются и заключительныя слова предсѣдательствующаго кн. Долгорукова «Если думѣ угодно будетъ постановить относительно спѣшности, комиссія и президіумъ съ своей стороны *сдѣлаютъ все возможное, чтобы не прибѣгать къ этому мѣсячному сроку*, а чтобы этотъ законъ какъ можно скорѣе могъ найти свое осуществленіе» (стр. 443). Но вѣдь все это были предположенія,—о которыхъ и говорить публично было невозможно,—предположенія, которыя могли быть и дѣйствительно были жестоко обмануты... И потому, понятно, въ думѣ можно

было ожидать самыхъ рѣшительныхъ заявленій о необходимости проявить свою силу хоть въ чемъ бы то ни было, но немедленно. И дѣйствительно, одинъ за другимъ входили на трибуну ораторы, требовавшіе, чтобы дума немедленно, не выжидая никакихъ сроковъ и не сдавая проекта въ комиссію, постановила тутъ же «законъ» объ отмѣнѣ смертной казни (Аладьинъ, Сѣдельниковъ); одинъ ораторъ заявилъ, подъ аплодисменты собранія, что если это требованіе не можетъ быть исполнено, то онъ «смѣетъ предложить государственной думѣ уѣхать по домамъ» (стр. 430), другой требовалъ, чтобы, отмѣнивши смертную казнь, дума направила законъ прямо къ верховной власти, миновавъ государственный совѣтъ (стр. 432). Все это не трудно было предвидѣть; и фракція рѣшила напрячь всѣ силы, выставить лучшихъ своихъ ораторовъ, чтобы доказать и безплодіе, и опасность всѣхъ этихъ попытокъ, и спасти думу отъ кризиса. Доводы наши, видимо, подѣйствовали,—получился результатъ, котораго нельзя было и ожидать: трудовики сами сняли свое предложеніе, — сняли, впрочемъ, лишь послѣ того, какъ самъ предсѣдательствующій, формально обязанный поставить ихъ предложеніе на голоса, обратился къ нимъ со словами, въ которыхъ весьма явственно подчеркивалась трудность момента—затруднительность самой

постановки вопроса: «Я обращаюсь къ тѣмъ ораторамъ, которые предлагали немедленно здѣсь же разсмотрѣть этотъ законъ, не передавая его въ комиссію. Можетъ быть, они согласятся съ соображеніями. только что заслушанными, *при условіи срочности*, и найдутъ возможнымъ *облегчить* задачу думѣ и *мнѣ, какъ предсѣдателю*, взявъ назадъ свое предложеніе».

Какъ уже указано было, раздраженіе, возбужденное въ нашей средѣ вопросомъ о мѣсячномъ срокѣ, который неожиданно сталъ роковымъ въ вопросахъ жизни и смерти,—породило мысль о возможности уничтоженія законодательнымъ порядкомъ самаго мѣсячнаго срока. Именно «породило», ибо, какъ это ни странно, мы такъ привыкли въ то время считать всѣ путы, наложенныя на думу, непреоборимыми, такъ все это связывали съ недавно только огорошившими насъ основными законами, что—я превосходно помню,—когда мнѣ пришла въ голову мысль о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ обычнымъ закономъ, Учрежденіемъ государственной думы, подлежащимъ отмѣнѣ со стороны самой думы, и я подѣлился этою мыслью съ нашими присяжными парламентаріями (Ковалевскимъ, Кокошкинымъ и съ самимъ предсѣдателемъ думы), то она была ими принята, какъ нѣчто весьма радостное и неожиданное. Фракція немедленно поручила мнѣ составить соотвѣт-

ственный законопроектъ съ объяснительною запискою, и 23 мая вопросъ уже былъ поставленъ на обсужденіе думы; предложеніе наше сопровождалось указаніемъ, что дума должна возложить на комиссію обязанность выработать законопроектъ въ теченіе трехъ дней—отраженіе тѣхъ же обѣщаній министровъ, отказаться отъ пользованія мѣсячнымъ срокомъ,—обѣщаній, и для даннаго случая оказавшихся обманчивыми.

Какъ ни простъ и ясенъ былъ поставленный нами вопросъ, но чрезвычайно характерно для настроенія, съ которымъ намъ приходилось бороться, что и этотъ, казалось бы, совершенно ясный и не возбуждающій никакихъ сомнѣній шагъ натолкнулся на противодѣйствіе со стороны нашихъ союзниковъ по думѣ,—противодѣйствіе, выразившееся не въ критикѣ конкретнаго предложенія, нами внесеннаго, а въ отпорѣ, руководимомъ стихійнымъ раздраженіемъ,—въ настроеніи, не мирящемся ни съ какими расчитанными на медленный законодательный путь мѣрами, требующемъ радикальнаго, по волшебству, сметенія стараго и водворенія новаго. «Если ужъ начинать ломку,—возражалъ Аникинъ,—то нужно начинать коренную. Вѣдь весь уставъ не годится, зачѣмъ же будемъ говорить здѣсь о двухъ параграфахъ? Я думаю, что не мелочами нужно заниматься, а нужно крупное дѣло дѣ-

лать, нужно въ первую голову удалить министерство Горемыкина и замѣнить его министерствомъ изъ народа» (стр. 593). И слова о томъ, что нужно «крупное дѣло дѣлать», а не мелочами заниматься, были встрѣчены шумными апплодисментами. Затѣмъ, въ репликѣ своей Аникинъ заявилъ, что дума «не должна вырабатывать законопроектовъ, для того, чтобы хранить ихъ въ портфеляхъ министровъ или государственнаго совѣта», что «если копіи нашихъ законопроектовъ будутъ сообщены министрамъ, то они усмотрятъ въ этомъ, что дума примирилась съ ними» и т. д. А Аладьинъ мотивировалъ тѣ же мысли тѣмъ, что «дума не является учрежденіемъ въ достаточной степени уполномоченнымъ, которое въ состояніи продиктовать правительству свое собственное слово».

Практическаго результата вся эта полемика не имѣла,—предложеніе наше было принято,—но она отражаетъ атмосферу, въ которой пришлось работать. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что хотя законъ объ измѣненіи 55—57 ст. былъ комиссіей разработанъ и внесенъ въ думу, практическое значеніе свое онъ потерялъ и на обсужденіе думы больше не ставился, такъ какъ съ теченіемъ времени огромная масса внесенныхъ нами въ думу и сданныхъ въ значительной части уже въ комиссіи законопроектовъ могли быть уже по очереди безъ затрудненій

заслушанными думою даже при соблюденіи мѣсячнаго срока.

Ожиданіе, что министры откажутся отъ мѣсячнаго срока по отношенію къ закону объ отмѣнѣ смертной казни, какъ извѣстно, не сбылось. Предсѣдатель думы снесся съ ними по этому вопросу въ той единственной формѣ, въ какой это офиціально было возможно: онъ указалъ, что государственная дума постановила назначить слушаніе закона по возможности скорѣе («на этой недѣлѣ»), и что онъ, предсѣдатель, полагалъ бы заслушать его 26 мая. На это получились три почти стереотипныхъ отвѣта отъ трехъ министровъ, всѣ помѣченные однимъ и тѣмъ же числомъ—23 мая; всѣ министры одинаково находили, что вопросъ очень сложенъ, и потому они настаиваютъ на точномъ примѣненіи ст. 56 о мѣсячномъ срокѣ, во всей ея строгости.

Вопросъ въ такомъ видѣ былъ внесенъ въ засѣданіе 26 мая. Къ этому моменту общее положеніе думы чрезвычайно осложнилось. За двѣ недѣли,—съ 12 мая, когда впервые вопросъ о смертныхъ приговорахъ возникъ,—совершились событія, доведшія отношеніе думы къ правительству до степени крайняго напряженія: 13 мая была прочитана министерская декларація, и правительству выражено недовѣріе; 23 мая въ думѣ выступилъ Гурко съ рѣчью, въ рѣзкой формѣ

подчеркнувшей разрывъ правительства съ думою; около того же времени трудовая группа начала свою тактику выпроваживанія министровъ изъ думы; наконецъ, 16 мая былъ сдѣланъ предсѣдателю совѣта министровъ запросъ о печатавшихся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» телеграммахъ, добивавшихся роспуска думы, и на этотъ запросъ получилась 24 мая отвѣтная бумага Горемыкина (тоже отъ 23 мая), содержащая отказъ отъ дачи отвѣта на запросъ. Были и другіе острые моменты, повліявшіе на взаимныя отношенія думскихъ группъ внутри думы.

Для того, чтобы оцѣнить тѣ затрудненія, съ которыми связана была дальнѣйшая дѣятельность думы, необходимо оставить на время теченіе вопроса о смертной казни и вернуться вспять.

VII.

13 мая была прочитана министерская декларація. Въ жизни думы было нѣсколько моментовъ особеннаго подъема, въ которые вся дума, забывая междоусобныя распри, сплачивалась воедино. Къ числу такихъ моментовъ принадлежало и 13-е мая. Къ сожалѣнію, и этотъ день дружнаго дѣйствія всей оппозиціи былъ затѣмъ использованъ— уже внѣ думы—для демонстраціи не только способности нашихъ союзниковъ, не только «воз-

растающаго вліянія трудовой группы на настроеніе к.-д. фракціи», но особенно для доказательства того, что осуществляется, наконецъ, столь страстно ожидаемый расколъ среди господствующей партіи, паденіе ея «конституціонно-тактическаго» центра [1]),—того центра, «въ уничтоженіи тактической диктатуры котораго—какъ выражается г. Локоть—заключалась одна изъ важнѣйшихъ задачъ переживаемаго историческаго момента (sic!)» [2]). Откуда все это взялось?—спрашивается. Какъ извѣстно, гвоздемъ засѣданія 13-го мая были рѣчи Набокова и Родичева: достаточно прочесть отзывъ о нихъ въ тогдашней «Нашей Жизни» [3]), да этого никто и не оспаривалъ,—между тѣмъ оба они люди, стоявшіе въ самомъ центральномъ пунктѣ кадетскаго центра [4]); въ тотъ день говорили еще два члена изъ состава этого самаго центральнаго пункта; говорили, далѣе, Гредескулъ, Лединицкій, Якушинъ Щепкинъ, - тоже члены кадетскаго центра, коми-

---

[1]) Локоть, стр. 200

[2]) Тамъ же, стр. 115.

[3]) Вотъ какъ характеризудтся рѣчь Набокова: «Эта первая и, надо отдать справедливость, едва ли не самая блестящая рѣчь (это, кажется, общій отзывъ о его рѣчи) сразу даетъ тонъ и вполнѣ опредѣляетъ настроеніе думы» («Наша Жизнь», № 445).

[4]) Центральный думскій органъ, комитетъ фракціи, выдѣлилъ изъ себя особую коллегію, т. н., распорядительную комиссію, въ составъ которой входили: предсѣдатель фракціи И. И. Петрункевичъ, два товарища его (М. М. Винаверъ и В. Д. Набоковъ) и 3 члена комитета (Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, А. А. Мухановъ и Ѳ. И. Родичевъ).

тета фракціи. И вѣдь несомнѣно, что именно этими рѣчами, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ нихъ, и опредѣлился весь характеръ побѣднаго для оппозиціи дня. Какъ же тутъ говорить о возрастающемъ вліяніи трудовой группы и паденіи кадетскаго центра? Между тѣмъ объ этомъ говорилъ не только г. Локоть; объ этомъ говорилось въ обществѣ, въ собраніяхъ; къ трудовой группѣ являлись по этому поводу депутаціи съ привѣтствіями; одна изъ такихъ депутацій во главѣ съ Л. И. Лутугинымъ, «плакавшимъ» отъ волненія, на слѣдующій же день, 14 мая, поздравлялъ трудовую группу съ «историческою задачею, которая выпала на долю трудовой группы», увѣряя, что именно «ея шаги, подобные вчерашнему выступленію, будутъ встрѣчены съ полнымъ сочувствіемъ и поддержкою всѣмъ народомъ». («Рѣчь» отъ 16 мая 1906 г., № 74).

Всѣ эти ликованія и побѣдные клики по поводу пораженія врага связывались съ вопросомъ о формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ; формула трудовой группы своею «рѣшительностью», яко бы, побѣдила нашъ центръ и потому была принята. Какъ человѣкъ изъ «кадетскаго центра» и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторой мѣрѣ повинный (въ чемъ не каюсь) въ принятіи формулы трудовиковъ, считаю необходимымъ изобразить нѣсколько точнѣе, чѣмъ то дѣлалось до

сихъ поръ, обстановку, въ которой была принята формула трудовиковъ.

Фракція народной свободы своей формулы перехода не приготовила. Были предложены еще наканунѣ три формулы,—ни одна изъ нихъ однако не была признана удовлетворительною, и сводка ихъ была передана нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ В. Е. Якушкину, спеціалисту по аграрному вопросу, такъ какъ при критикѣ предложенныхъ формулъ указывалось на необходимость подчеркнуть именно аграрный вопросъ. Когда въ засѣданіи 13 мая, въ моментъ особенно приподнятаго настроенія, былъ объявленъ перерывъ, и фракція удалилась для обсужденія формулы, кто-то тутъ же предложилъ не выслушивать и не обсуждать формулы отдѣльно отъ трудовиковъ, а соединиться вмѣстѣ и вмѣстѣ же обсудить и формулы перехода, и вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи преній. Такъ и было сдѣлано. Трудовиковъ изъ сосѣдней комнаты пригласили къ намъ,—небольшая верхняя комната съ низкимъ потолкомъ, куда насъ перевели недавно, наполнилась большою толпою всей думской оппозиціи,—засѣданіе велось въ большомъ волненіи, но очень дружно, не какъ парламентскіе переговоры двухъ партійныхъ лагерей, а какъ общая сходка людей, воодушевляемыхъ однимъ настроеніемъ и имѣющихъ одну общую передъ собою цѣль. Милюковъ, присуствовавшій тутъ же

(какъ членъ нашего центральнаго комитета, онъ входилъ въ составъ фракціи), былъ провозглашенъ предсѣдателемъ. Онъ вскочилъ на столъ и въ этой позѣ пропредсѣдательствовалъ это историческое совѣщаніе. Онъ объявилъ, что у насъ формулы еще нѣтъ, что мы предпочли обсудить проекты формулъ совмѣстно. Послѣ этого Якушкинъ прочиталъ свою формулу, и я первый, помнится, заявилъ, что формула эта неудовлетворительна; меня въ этомъ поддержалъ Ледницкій и, если не ошибаюсь, Набоковъ. Вотъ въ какой мѣрѣ формула выражала мысли «конституціонно-тактическаго центра». Формула Якушкина грѣшила тѣмъ, что она перетянула всю тяжесть въ сторону аграрнаго вопроса; мало того, изложеніе самаго пункта объ аграрномъ вопросѣ сдѣлала чрезвычайно громоздкимъ, словомъ, перспектива въ ней была совершенно затеряна. Тутъ же была прочитана формула Жилкина, которая не грѣшила недостаткомъ присущимъ формулѣ Якушкина: она ставила вопросъ въ общей формѣ въ этомъ было ея достоинство. Никакой особенной «рѣшительности» въ ней не было; сознаюсь, «кадетскій центръ» способенъ былъ бы переварить гораздо большую дозу рѣшительности и, вѣроятно, выказалъ бы ее, если бы, вообще, успѣлъ приготовить свою формулу; доказательствомъ могутъ служить всѣ прочія формулы «кадетскаго центра», не въ примѣръ рѣшительнѣе трудови-

ковской (таковы формулы 26 мая, 1 іюня и др.). Но были въ формулѣ Жилкина нѣкоторые мелодраматическіе, не въ особенно хорошемъ вкусѣ пассажи, которые были признаны неудобными не только нами, но и всѣми присутствующими. При такихъ условіяхъ я, говорившій первымъ, заявилъ что либо слѣдуетъ формулу Якушкина переработать и указать въ ней, рядомъ съ аграрнымъ, и другіе вопросы, либо выразить переходъ къ общей формулѣ и тогда принять формулу Жилкина, выкинувъ изъ нея мелкодраматическія мѣста и вообще переработавъ ее въ редакціонномъ отношеніи; предпочтительнѣе, въ виду краткости времени, избрать послѣдній путь. Меня поддержали въ этомъ рѣшительно всѣ члены нашего «центра», а одинъ изъ насъ, З. Г. Френкель, въ радостномъ убѣжденіи, что здѣсь закладывается, наконецъ, прочное основаніе внутренно присущему, но искусственно тормазившемуся единенію всей оппозиціи, подчеркнулъ, что онъ считаетъ символически особенно важнымъ, чтобы нами была принята резолюція, предложенная членомъ трудовой группы, и чтобы именно членъ трудовой группы внесъ въ думу эту формулу всей объединенной оппозиціи. И тутъ же единогласно, если не ошибаюсь, было рѣшено принять за основаніе формулу Жилкина и избрать для окончательной редакціи комиссію въ со-

ставѣ Милюкова, Набокова, Жилкина и меня; эта комиссія и средактировала окончательную формулу перехода, принятую затѣмъ думою.

Нельзя не отмѣтить, что и самый выборъ въ составъ комиссіи собраніемъ обѣихъ группъ трехъ членовъ «кадетскаго центра» и одного лишь трудовика (вносившаго формулу) служитъ нѣкоторымъ указаніемъ на то, дѣйствительно ли оппозиція—въ томъ числѣ сами трудовики—усматривали въ формулѣ нѣчто, съ чѣмъ могъ бы враждовать кадетскій центръ,—а самая выработка окончательной формулы въ *такомъ* составѣ служитъ уже сама по себѣ, казалось бы, лучшимъ доказательствомъ, что формула не была составлена въ разрѣзъ съ желаніями кадетскаго центра. Вообще всякій, кто присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, не можетъ же, искренно заглянувъ въ свою душу, не сказать откровенно, что въ *этомъ* совѣщаніи никакого разъединенія не существовало, и что лишь впослѣдствіи—и преимущественно въ кружкахъ внѣдумскихъ—создана была на потребу антикадетской тяги «влѣво» легенда, будто формула была навязана трудовиками и даже конституціонно-демократическою фракціею «комитету этой фракціи, по прежнему хотѣвшему и въ этотъ историческій моментъ—остаться на почвѣ конституціонной тактичности».

Необходимо въ заключеніе этого инцидента добавить, что нѣкоторую долю вины—вины, я не

сомнѣваюсь въ томъ, непроизвольной—за извращенное представленіе о происхожденіи формулы несетъ на себѣ и предлагавшій формулу думѣ депутатъ Жилкинъ. Въ виду происхожденія формулы, въ виду общей нашей предварительной работы надъ нею, слѣдовало заявить съ трибуны думы, что формула вносится по соглашенію двухъ группъ; тогда и въ лѣтописяхъ думы событіе получило бы, быть можетъ, болѣе правильное отраженіе.

VIII.

13 мая правительству было выражено недовѣріе, и послѣдующіе дни общество напряженно ждало результатовъ. Нетерпѣніе наростало не по днямъ, а по часамъ. И если была какая-нибудь надежда на разрѣшеніе общаго конфликта въ пользу оппозиціи, то, казалось, въ эту именно минуту, въ эти дни, болѣе всего необходимо было не затрагивать вопросовъ, могущихъ поставить думу либо на путь антиконституціонный, либо въ положеніе, изобличающее ея безсиліе и тѣмъ подкрѣпляющее силу враговъ. Одинъ такой вопросъ тяготѣлъ надъ думою,—это вопросъ объ отвѣтственности исполнительной власти за совершенныя ею со времени манифеста 17 октября преступленія. Это былъ пунктъ, на кототый общество справедливо реагировало съ наибольшею силою; здѣсь накопились наиболѣ жи-

выхъ, непосредственныхъ страданій, ждавшихъ себѣ возмездія, нравственнаго удовлетворенія. И, конечно, это удовлетвореніе могло и должно было быть дано думою,—думою побѣдоносною, думою, добившеюся смѣны исполнительной власти, думою, работающей съ отвѣтственнымъ министерствомъ, которое одно только могло привлечь насильниковъ свободы къ законной отвѣтственности. Но какимъ образомъ могла достигнуть *такихъ* результатовъ дума, еще только добивающаяся побѣды? Предписать слѣдственнымъ властямъ возбудить повсемѣстно слѣдствія? Это единственный реальный путь въ смыслѣ преданія суду; но это путь явно антиконституціонный, грозящій совершенно несомнѣнною гибелью думѣ. Снарядить сразу «парламентское слѣдствіе» по поводу преступленій должностныхъ лицъ? Это былъ способъ въ сущности, болѣе демонстративный, чѣмъ реальный, и хотя о немъ говорили, хотя *такъ* представляла себѣ, повидимому, дѣло партія народной свободы еще на III съѣздѣ,—но въ эту минуту представлялось чрезвычайно рискованнымъ вступить на путь, на которомъ реально результатовъ нельзя было достигнуть, на которомъ можно было произвести только демонстрацію—и притомъ демонстрацію безсилія—и за эту цѣну испортить единственный, быть можетъ, оставшійся еще шансъ на дѣйствіе думскаго вотума недовѣрія,—шансъ, въ дѣйствительность

котораго не извѣрилось еще населеніе и пренебреженіе къ которому безспорно было бы затѣмъ,—справедливо или несправедливо, поставлено въ вину думѣ.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ упрековъ, раздававшихся на митингахъ, нетерпѣніе въ этой области со дня на день замѣтно возрастало, и, любой день можно было ждать предложенія съ трибуны думы либо реальнаго вмѣшательства въ сферу слѣдственной власти, либо немедленнаго снаряженія парламентскаго слѣдствія. Идя на встрѣчу этой опасности, фракція поспѣшила съ своимъ заявленіемъ въ думу: введя его въ конституціонныя рамки, она расчитывала, что по разъ проложенному ею руслу потекутъ уже и всякія другія предложенія въ этой же области, откуда бы они не исходили. Такъ оно и случилось. 15 мая за подписью 83 (въ стеногр. отч. ошибочно сказано: 78) членовъ фракціи нар. своб. было подано мотивированное заявленіе объ образованіи особой думской комиссіи «для сосредоточенія въ ней всѣхъ поступающихъ въ государственную думу данныхъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ администраціи, для провѣрки достовѣрности подобныхъ случаевъ и принятія соотвѣтствующихъ мѣръ для привлеченія къ отвѣтственности представителей администраціи, которые окажутся виновными въ незаконныхъ дѣйствіяхъ» (стр. 356). И тогда же секретаремъ к.-д. фракціи,

Медвѣдевымъ, вносившимъ это заявленіе отъ имени фракціи, было указано, что порядка дѣйствій такой комиссіи и опредѣленныхъ мѣръ привлеченія къ отвѣтственности мы не предлагаемъ, а просимъ передать эти вопросы на заключеніе комиссіи о наказѣ. Это предложеніе и было думою принято. А черезъ три дня (18 мая) поступило въ думу обширное мотивированное заявленіе трудовой группы (стр. 447) съ предложеніемъ образовать немедленно «парламентскую комиссію для разслѣдованія преступленій, совершенныхъ должностными лицами со времени объявленія манифеста 17-го октября 1905 г.». Такъ какъ комиссія 19-ти (о наказѣ) еще не представила своего доклада, то, по предложенію Набокова, рѣшено было отсрочить разсмотрѣніе заявленія трудовиковъ до представленія этого доклада. А затѣмъ комиссія 19-ти внесла 23 мая свой докладъ, который состоялъ въ томъ, что комиссія признаетъ цѣлесообразнымъ «учредить особую комиссію по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій правительственныхъ лицъ и учрежденій и *предоставить ей внести соображенія объ основахъ ея дѣятельности на усмотрѣніе государственной думы*»,— и дума такую именно комиссію рѣшила образовать. Когда же вслѣдъ за тѣмъ, въ тотъ же день, 23 мая, стало на очередь предложеніе трудовиковъ, то уже не оставалось ничего иного,

какъ сдать его въ ту же комиссію; и иниціаторы предложенія сами съ этимъ согласились.

При обсужденіи доклада комиссіи 19-ти чуть было не принялъ нѣкоторой остроты случаный вопросъ: комиссія 19-ти предполагала избрать комиссію по разслѣдованію въ составѣ 33-хъ лицъ, по три отъ каждаго отдѣла; эта мысль—объ избраніи комиссіи по отдѣламъ—встрѣтила на сей разъ большее, чѣмъ обычно, сочувствіе въ составѣ думы, которая, вообще, отказывалась прибѣгать къ этому полужеребьевому методу и предпочитала всегда составлять комиссіи на основѣ разумнаго предварительнаго сговора партій: въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ функціяхъ комиссіи содержался элементъ судебный, обычные противники этого метода—въ томъ числѣ и нѣкоторые члены нашей партіи—горячо отстаивали систему избранія по отдѣламъ. Трудовики, опасавшіеся, что въ отдѣлахъ они всюду пропадутъ за предполагаемое политическое пристрастіе, заподозрили тутъ какой-то подвохъ съ нашей стороны и не только съ каѳедры очень горячо въ цѣломъ рядѣ рѣчей отстаивали обратный принципъ, но и еще обратились черезъ Жилкина ко мнѣ съ подозрительнымъ вопросомъ: что обозначаетъ поведеніе членовъ нашей партіи. Для устраненія всякихъ недоразумѣній, я выступилъ потому и заявилъ ex cathedra, что «комиссія по разслѣдованію образована по иниціативѣ 83-хъ

товарищей моихъ по партіи, и я считаю долгомъ заявить отъ имени этихъ товарищей, что тотъ способъ образованія комиссіи, который предложенъ комиссіею 19-ти, т. е. по отдѣламъ, не удовлетворяетъ тѣхъ, кто настаивалъ на этомъ разслѣдованіи» (стр. 541). Этимъ путемъ маленькая тучка была разсѣяна. Случаю угодно было, что по этому вопросу мнѣнія раздѣлились какъ разъ поровну, и что вопросъ рѣшился въ смыслѣ желательномъ для трудовиковъ, голосомъ члена нашей партіи Шершеневича (стр. 551[1]).

Комиссія по разслѣдованію была избрана затѣмъ въ засѣданіи 26 мая. Согласно постановленію думы, ей слѣдовало еще «выработать и внести соображенія объ основахъ «ея дѣятельности на усмотрѣніе государственной думы». Такихъ соображеній комиссія однако до конца существованія думы не внесла и, насколько мнѣ извѣстно не вырабатывала. И, вообще, въ области слѣдственныхъ дѣйствій по преступленіямъ власти, совершеннымъ послѣ 17 октября, комиссія ничего не сдѣлала,—несмотря на очень оппозиціонное настроеніе ея состава, ибо ничего и не могла сдѣлать. На слѣдующій день послѣ ея избранія, 27 мая, мною по рѣшенію фракціи, было внесено

1) Голосованіе производилось посредствомъ раздѣленія думы на двѣ части; у одной изъ дверей счетъ производился Шершеневичемъ, какъ товарищемъ секретаря; при подсчетѣ оказалось равенство голосовъ (182 за и 182 противъ), и только когда Шершеневичъ объявилъ куда онъ присоединяетъ свой голосъ, вопросъ былъ рѣшенъ.

предложеніе, чтобы всѣ запросы, до того докладывавшіеся непосредственно думѣ, передавались, если нѣтъ спѣшности, въ комиссію по разслѣдованію. Это предложеніе было принято, и поступавшіе затѣмъ въ комиссію запросы поглотили всецѣло ея время и ея вниманіе. Комиссія по разслѣдованію силою вещей сама превратилась въ комиссію по запросамъ. Этимъ непреднамѣреннымъ поворотомъ она заслонила свое безсиліе и, вмѣстѣ съ тѣмъ безсиліе думы, въ области возложеннаго на нее порученія. Престижъ думы отъ этого при данныхъ условіяхъ, конечно, только выигралъ.

IX.

Считая невозможнымъ въ эту минуту выдвигать вопросы, ставящіе думу въ рискованное положеніе съ конституціонной точки зрѣнія, фракція признала вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно необходимымъ подойти вплотную къ весьма острому вопросу, въ которомъ дума была и съ конституціонной стороны совершенно крѣпка и по существу неуязвима: 16 мая партія внесла запросъ о печатавшихся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» телеграммахъ, выражающихъ «дерзостное неуваженіе» къ государственной думѣ. Это былъ третій (послѣ запросовъ о погромахъ и о голодѣ) крупный запросъ изъ области общей политики, внесенный фракціей народной свободы. Онъ касался

уже не прошлаго министерства, а нынѣшняго; онъ затрагивалъ одну изъ самыхъ интересныхъ сторонъ политическаго момента—единственный политическій актъ, принадлежащій непосредственно и всецѣло кабинету Горемыкина. Въ самомъ дѣлѣ кабинетъ, назначенный за три дня до открытія думы, по направленію своихъ членовъ ничѣмъ въ сущности не отличающійся отъ предыдущаго и призванный, слѣдовательно, только устранить невозможность совмѣстной работы думы съ прежнимъ составомъ кабинета, сумѣвшимъ возбудить къ себѣ отвращеніе всей страны,--этотъ «думскій» кабинетъ забастовалъ въ области министерской законодательной иниціативы, не дѣлалъ рѣшительно ничего для облегченія думѣ ея собственной законодательной иниціативы, чинилъ формальныя проволочки въ области контроля за исполнительной властью; и единственнымъ шагомъ, въ которомъ сказывался нѣкоторый починъ, нѣкоторое «дѣйствіе» со стороны «думскаго» кабинета,—и притомъ дѣйствіе съ опредѣленной программою по отношенію къ думѣ,—было распространеніе черезъ посредство правительственнаго органа глумленій надъ государственною думою и ходатайствъ объ ея роспускѣ. Этого акта нельзя было обойти молчаніемъ, и такъ какъ мы не могли—да и считали неудобнымъ—указать опредѣленно должностныхъ лицъ, виновныхъ въ печатаніи, то и обратились къ предсѣдателю

совѣта министровъ, въ порядкѣ 40 ст. учр. гос. думы, за разъясненіемъ вопросовъ: въ какомъ порядкѣ разрѣшается печатаніе телеграммъ, послѣдовало ли въ данномъ случаѣ печатаніе съ вѣдома предсѣдателя совѣта министровъ и т. д.

На эти вопросы Горемыкинъ 23 мая отвѣтилъ предсѣдателю думы, что онъ «не находитъ законнаго основанія для отвѣта на запросъ». И этотъ отвѣтъ былъ назначенъ къ слушанію въ думу на 26 мая, т. е. одновременно съ тремя стереотипными отвѣтами министровъ о невозможности слушать раньше времени законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Атмосфера наканунѣ этого засѣданія была до нельзя тяжелая. За истекшіе дни думѣ и обѣимъ крупнымъ фракціямъ ея пришлось пережить не мало. Министерство оставалось у власти, перемѣнъ кругомъ не было; а 17-го вечеромъ получилось извѣстіе о 8 смертныхъ казняхъ, совершенныхъ въ Ригѣ. Въ этотъ вечеръ въ обѣихъ фракціяхъ происходили бурныя засѣданія. Въ трудовой группѣ «мысль о томъ, что думѣ пора готовиться издать обращеніе къ народу, встрѣчала всеобщее сочувствіе» (Локоть, стр. 209). Въ нашей фракціи высказывалась мысль, что необходимо пріостановить засѣданіе думы на недѣлю—на двѣ, разъѣхаться по домамъ и разъяснить населенію положеніе дѣлъ. Отчаяніе диктовало планы—одинъ рискованнѣе

другого; съ трудомъ удалось фракціи собраться вновь съ силами, сдержать озлобленіе; тогда-то рѣшено было въ отвѣтъ на казни внести законъ объ отмѣнѣ смертной казни и при его обсужденіи разоблачить передъ населеніемъ все истинное положеніе. Послѣ засѣданія 18-го почувствовалось нѣкоторое успокоеніе; разговоры въ трудовой группѣ объ «обращеніи» тоже, очевидно, реальныхъ результатовъ не имѣли. Успокоенію нѣсколько содѣйствовало — какъ это ни странно — появленіе въ думѣ Гурко и Стишинскаго, — вѣрнѣе та отповѣдь, которая имъ была дана Герценштейномъ и Петрункевичемъ. Дума почувствовала себя какъ-то особенно возвышенной; при непосредственномъ столкновеніи съ этими представителями старой власти, ея собственная нравственная высота выдѣлялась съ особенною силою. Это былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ, самыхъ торжественныхъ моментовъ въ жизни думы; точно нашелся ключъ, которымъ разомъ вскрылось то, что лежало на сердцѣ у милліоновъ измученныхъ людей, и гнѣвный крикъ, долго вырывавшійся изъ груди, наконецъ, прозвучалъ съ величавымъ достоинствомъ въ стѣнахъ думы. Никогда не забыть мнѣ выраженія лицъ крестьянъ, когда Герценштейнъ возвращался съ каѳедры, — ихъ возгласовъ, ихъ протянутыхъ рукъ. И я не разъ съ горечью вспоминалъ потомъ: какъ это все забыто, — забыто,

какъ мы передъ лицомъ общаго врага дружно, плечомъ къ плечу, выступали, и какъ мы себя тогда чувствовали сильными и гордыми, и какъ умѣлъ тогда во имя общаго дѣла возвышаться нашъ «кадетскій», настоящій, грудной голосъ. Какъ все это забыто! Никакіе впослѣдствіи упреки, никакія несправедливыя, лживыя обвиненія по нашему адресу за дѣятельность нашу въ думѣ не приводили меня въ такое уныніе, какъ это молчаливое забвеніе...

Это было 20 мая. Второе выступленіе Гурко ожидалось 23 мая, и уже къ тому времени появились слухи о томъ, что трудовая группа рѣшила «бойкотировать» министровъ — впрочемъ, не въ такой рѣшительной формѣ, какъ нѣкоторые предполагали, а въ болѣе мягкой: путемъ напоминанія, въ томъ или иномъ видѣ, что имъ слѣдуетъ выйти въ отставку. У насъ во фракціи былъ возбужденъ вопросъ: не слѣдуетъ ли возразить, по формальнымъ причинамъ, противъ участія Гурко въ засѣданіяхъ думы, такъ какъ онъ, будучи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, отвѣчалъ однако за главноуправляющаго земледѣліемъ. Но и эта мысль была оставлена. Намъ казалось, что не только для достоинства думы, но и для просвѣщенія массъ и въ интересахъ парламентской борьбы за власть думы не слѣдуетъ избѣгать борьбы съ властью по существу, кого бы этой власти ни угодно было

назначать своимъ глашатаемъ. И толки о неуправомоченности Гурко отразились только во внезапномъ заявленіи Онипки о томъ, что дума не желаетъ слушать «постороннихъ людей»,— заявленіи, оставшемся однако безъ отзвука.

Засѣданіе 23-го кончилось для Гурко такимъ же фіаско, какъ и засѣданіе 20-го, но оно обнаружило еще съ большею рѣзкостью, что моральныя наши побѣды пока ни на одну іоту не перетягиваютъ вѣсовъ исторіи въ нашу сторону,—что правительство ниже того уровня, на которомъ моральное торжество можетъ быть хоть сколько-нибудь оцѣниваемо. Раздраженіе въ думскихъ кругахъ естественно возрастало; оно сказывалось уже, какъ мы видѣли, при обсужденіи вопросовъ совершенно индифферентныхъ, въ засѣданіи 24 мая, по поводу отмѣны ст. ст. 55—57 учр. думы о мѣсячномъ срокѣ. Легко было себѣ представить, какимъ взрывомъ оно грозило въ засѣданіи 26 мая, когда заразъ долженъ былъ стать на очередь и отвѣтъ Горемыкина относительно телеграммъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и отказъ въ сокращеніи мѣсячнаго срока для законовъ о смертной казни. Въ довершеніе всего на то же засѣданіе назначенъ былъ выдвинутый трудовою группою вопросъ о мѣстныхъ комитетахъ, съ которымъ партія народной свободы не могла согласиться.

Чтобы разсѣять скопившіяся тучи, казалось

наиболѣе правильнымъ вовсе устранить изъ обсужденія одинъ изъ острыхъ вопросовъ,—тотъ, которому можно было дать дальнѣйшее теченіе безъ дебатовъ въ думѣ. Предсѣдатель думы рѣшилъ потому самъ отвѣтить предсѣдателю совѣта министровъ и затѣмъ доложить объ этомъ думѣ. Такъ и было сдѣлано: отвѣтъ Горемыкину былъ отправленъ еще до засѣданія, а въ засѣданіи думы сеніоръ нашъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ думы, И. И. Петрункевичъ, долженъ былъ предложить думѣ одобрить, безъ преній, дѣйствія предсѣдателя. Мы отлично сознавали, что этотъ шагъ представляетъ нѣкоторый рискъ: дума могла остаться недовольною не только министрами, но и предсѣдателемъ,—тѣмъ, что предсѣдатель предпринялъ отвѣтственный шагъ, не спросивши думы: конфликтъ съ правительствомъ осложнился бы конфликтомъ думскимъ. Мы это предвидѣли, но необходимо было изъ двухъ рисковъ избрать тотъ, который казался меньше. И расчеты наши блестяще оправдались: достойный тонъ отвѣта предсѣдателя думы Горемыкину такъ благопріятно подѣйствовалъ на думу, что чтеніе отвѣта было уже въ серединѣ прервано апплодисментами и криками: «браво», а когда Петрункевичъ предложилъ думѣ одобрить дѣйствія предсѣдателя, кто-то предложилъ добавить, что дума не просто, а «вполнѣ»

одобряетъ предсѣдателя, и въ такомъ видѣ формула была единогласно принята думою.

Первый подводный камень былъ такимъ образомъ благополучно обойденъ; впереди былъ второй, болѣе крупный,—вопросъ о дальнѣйшей отсрочкѣ закона объ отмѣнѣ смертной казни. Мы знали, что трудовая группа рѣшилась требовать немедленнаго вотума закона,—вотума, который не только явился бы актомъ антиконституціоннымъ, но и совершенно безцѣльнымъ, ибо какое же движеніе могло получить рѣшеніе думы, принятое при такихъ условіяхъ? Его бы не сталъ разсматривать государственный совѣтъ; его бы, конечно, не примѣнялъ и судъ. Мы рѣшили воспротивиться этой попыткѣ. Набоковъ въ первой же рѣчи своей разграничилъ сферу нашихъ законныхъ полномочій, которою мы связаны и которую мы рѣшились не нарушать, отъ сферы нравственнаго осужденія исполнительной власти, которое осталось въ нашемъ распоряженіи и которое мы, какъ государственное учрежденіе, и примѣнимъ, объявивъ министрамъ, что смертная казнь отнынѣ является уже въ глазахъ всей страны, всего народа обыкновеннымъ убійствомъ. Трудовая группа настаивала однако на немедленномъ вотированіи закона. Устами всѣхъ своихъ ораторовъ она заявляла, что она желаетъ «перейти къ дѣлу, а не только выражать резолюціи», но для того, чтобы перейти

къ дѣлу, нужно пренебречь законами: «если будемъ слѣдовать законамъ, мы обрекаемъ себя на полную бездѣятельность». И когда имъ разъяснили, сколько въ этомъ всемъ наивности, когда имъ указывали, что то, что они предлагаютъ думѣ совершить, и будетъ та же резолюція,— только резолюція съ покушеніемъ на нарушеніе конституціи, то они устами Аладьина увѣренно отвѣчали, что имъ не страшны и опасенія конфликта. «Какъ бы конфликтъ самъ по себѣ и ни былъ для насъ нежелателенъ, я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ на одну минуту повѣрилъ, что даже наши министры рѣшатся на конфликтъ, когда страна знаетъ, что конфликтъ они поднимаютъ изъ-за собственнаго удобства обузданія думы» [1]). На что министры могутъ рѣшиться, въ этомъ страна, къ сожалѣнію, очень скоро убѣдилась. Для насъ это было достаточно ясно и тогда. И, можетъ быть, именно потому, что оно было *для насъ* ясно уже тогда, странѣ дано было еще въ теченіе 6 недѣль въ этомъ не убѣждаться.

Руководимые такими соображеніями, мы и вели бой противъ предложенія трудовиковъ до

[1]) Въ тотъ же день, говоря по другому вопросу,—защищая проектъ о мѣстныхъ комитетахъ,- депутатъ Аладьинъ оцѣнивалъ положеніе нѣсколько иначе: «Если вы вдумаетесь серьезно, возможенъ ли разгонъ думы или роспускъ думы на вакантъ, то можетъ быть, вы поймете, что руководитъ нами, когда мы хотимъ начать немедленную работу по организаціи мѣстныхъ комитетовъ» (стр. 683).

конца и провели наше предложеніе противъ голосовъ трудовой группы. Полемика по вопросу о «резолюціяхъ», о «дѣлѣ», о необязательности законовъ длилась въ теченіе трехъ часовъ, и трудовая группа обильно использовала эти пренія для того, чтобы еще и еще разъ подчеркнуть, что кадетская тактика сохраненія думы не годится, хотя думу сохранять все-таки непремѣнно слѣдуетъ. А какъ ее слѣдуетъ сохранять, такъ и оставалось неяснымъ. И докладчикъ Набоковъ въ заключительномъ словѣ потому замѣтилъ: «Здѣсь говорилось о пресловутой тактикѣ кадетской партіи и дѣлались ей упреки. Я имѣю смѣлость утверждать, что только она давала до сихъ поръ результаты .. Я думаю, всякаго рода недоразумѣнія между тѣми партіями думы, которыя до сихъ поръ шли рука объ руку, полезны только одному учрежденію. Они безусловно вредны для думы и дѣла, и имъ радуются, конечно, не тѣ, которые сидятъ здѣсь въ думѣ, а тѣ которые сидятъ въ другомъ мѣстѣ. Я повторяю, что поскольку мы считаемъ себя законодательнымъ учрежденіемъ, постольку мы въ настоящее время, о которомъ идетъ рѣчь, считаемъ себя обязанными стоять на конституціонномъ пути, что ничто извнѣ идущее не должно насъ съ этого совратить, и что мы сами должны опредѣлить тотъ моментъ, когда дальнѣйшее шество-

ваніе по этому пути окажется уже невозможнымъ» (стр. 660—661).

Но «недоразумѣнія между двумя партіями» продолжали развиваться. Они выростали на почвѣ раздраженія и непониманія между группою, не имѣющей опредѣленнаго тактическаго плана, то окрыляемой безпочвенными надеждами, то впадающей въ безсильное уныніе, и партіей, имѣющей опредѣленный, сопряженный съ необычайными, снаружи незамѣтными, трудностями, планъ дѣйствій, повелительно указующій ей приносить въ жертву и порывы рѣшимости, и взрывы негодованія, и припадки унынія высшему интересу сохраненія народнаго представительства,—сохраненія его не только въ идеѣ, но и въ томъ конкретномъ видѣ, въ которомъ оно вылилось въ первой государственной думѣ, представлявшей въ подавляющемъ большинствѣ своемъ элементы, искренно преданные дѣлу свободы, способные и готовые заложить прочныя основы новаго гражданскаго строя. Это раздраженіе, возрастая, укрѣпляло все больше тенденцію къ нарочитому обособленію трудовой группы,—тенденцію, которая сыграла роковую роль въ самый отвѣтственный моментъ жизни думы, при голосованіи 6 іюля, но которая выступала рѣзко и до того, принимая подчасъ до смѣшного странныя формы.

Такой комическій случай, хотя и по очень

трагическому поводу, имѣлъ мѣсто, между прочимъ, черезъ три дня послѣ голосованія 26 мая. Рѣчь шла объ одномъ изъ запросовъ по поводу смертной казни; приговорены были вновь къ смертной казни 7 лицъ въ Ригѣ. Трудовая группа внесла запросъ, редактированный въ очень сильныхъ, соотвѣтствующихъ важности момента, выраженіяхъ, и просила направить его къ военному министру. У насъ были основанія думать, по свѣдѣніямъ, нами полученнымъ, что военный министръ сдѣлаетъ формальный отводъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, потому мы предложили не терять времени и, не возбуждая праздныхъ вопросовъ о компетенціи, направить запросъ къ обоимъ министрамъ заразъ. Казалось бы, здравый смыслъ повелѣвалъ, когда рѣчь идетъ о человѣческой жизни, уйти подальше отъ той путаницы отводовъ, въ которую насъ вовлекло правительство. Но Аладьинъ не могъ съ этимъ согласиться: онъ возбудилъ по этому поводу пренія, — предложилъ послать запросъ хоть предсѣдателю совѣта министровъ (который, однако, только-что отвелъ отъ себя такой запросъ), поддерживалъ затѣмъ Кузьмина-Караваева, который изъ юридическаго, для него вполнѣ извинительнаго, пуризма, не могъ помириться съ мыслью о вмѣшательствѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ область военной юстиціи; наконецъ, еще разъ вступилъ на каѳедру и за-

явилъ, что «думѣ предлагаютъ заниматься вопросами относительно того, куда направлять письма, между тѣмъ у насъ есть извѣстные интересы, которые выше всякаго конкретнаго случая, хотя бы вопросъ шелъ о жизни и двухъ человѣкъ», и несмотря на то, что цѣлый рядъ лицъ, смѣнившихъ Аладьина на каѳедрѣ, по человѣчеству доказывалъ, что нельзя же рисковать ни за что жизнью людей,—Аладьинъ настаивалъ на томъ, что запросъ долженъ быть посланъ одному военному, а не двумъ министрамъ. Простые люди изъ трудовой группы все же не могли, повидимому, воодушевиться пыломъ своего лидера, и при первомъ голосованіи наше предложеніе оказалось принятымъ. Но потребовали провѣрки, произведено было голосованіе посредствомъ выхода изъ дверей; но трудовой группѣ данъ сигналъ: голосовать стройно за военнаго министра, — и крестьянскіе депутаты трудовой группы пришли къ убѣжденію, что жизнь приговоренныхъ будетъ вѣрнѣе спасена, если бумага будетъ послана не двумъ, а одному министру.

Трудовики потирали руки послѣ одержанной побѣды, поздравляли себя въ думѣ, а затѣмъ давали себя поздравлять и въ печати, съ удачнымъ опытомъ оставленія въ меньшинствѣ ненавистныхъ кадетовъ. А черезъ 3 дня, 1 іюня, поступило въ думу заявленіе военнаго министра о

томъ, что запросъ думы переданъ имъ министру внутреннихъ дѣлъ, и что на будущее время *онъ, военный министръ, проситъ думу, для выигрыша времени*, направлять такіе запросы прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ (стр. 887).

X.

29 мая совершенно неожиданно явился въ думу ген. Павловъ для объясненій по запросамъ о смертныхъ приговорахъ. Неожиданно потому, что по другимъ запросамъ, ранѣе внесеннымъ, правительство, повидимому, строго охраняло свое право давать отвѣтъ въ теченіе мѣсяца; да къ тому же казни уже совершились, слѣдовательно, для чего же было спѣшить? При томъ настроеніи, которое господствовало въ думѣ подъ вліяніемъ недавнихъ преній и раскола, именно, по вопросу о смертной казни, появленіе Павлова на трибунѣ не предвѣщало ничего добраго. Одно извѣстіе о его пріѣздѣ вызвало большое волненіе, но рядомъ съ этимъ замѣтно было, что дума застигнута врасплохъ,—отпоръ можетъ оказаться по рѣзкости чреватымъ послѣдствіями, а по содержанію ничтожнымъ, несоотвѣтствующимъ достоинству думы. Мы и обратились къ предсѣдателю думы съ заявленіемъ о томъ, что никакой отвѣтъ на запросъ не можетъ быть даваемъ, безъ предувѣдомленія объ этомъ предсѣдателя

думы и безъ внесенія вопроса на повѣстку. Депутаты не обязаны во всякое время быть готовы выступать по вопросамъ, требующимъ подчасъ и собиранія матеріала, и возстановленія въ памяти многочисленныхъ фактовъ, датъ и т. д. Предсѣдатель согласился съ нами и примѣнилъ это правило тутъ же къ ген. Павлову, заявивъ ему, что онъ въ тотъ день выслушанъ быть не можетъ.

Благополучно былъ обойденъ въ этотъ же день, отчасти вслѣдствіе предсѣдательскаго вмѣшательства, и едва замѣченный инцидентъ съ депутатомъ Возовикомъ, затронувшимъ весьма неосторожно вопросъ о грозившемъ думѣ роспускѣ «на каникулы» (объ этомъ предметѣ рѣчь будетъ впереди); прошелъ, также безъ особыхъ преній, почти незамѣтно, внесенный нами весьма рѣзкій срочный запросъ о дѣйствіяхъ губернаторовъ, возбуждающихъ населеніе противъ думы, дискредитирующихъ по преимуществу аграрную программу думскаго большинства (предтеча позднѣйшаго правительственнаго сообщенія). Накопившееся раздраженіе нашло себѣ, какъ уже указано, исходъ—довольно невинный—въ маіоризированіи кадетской фракціи по вопросу о «двухъ или одномъ министрѣ».

Но черезъ два дня, 31 мая, случилось нѣчто, что могло опять поднять волну на такую высоту, при которой неустойчивое равновѣсіе думы под-

вергалось большому риску. Вечеромъ 31 мая предсѣдатель думы получилъ отъ прокурора судебной палаты извѣщеніе о томъ, что депутатъ Ульяновъ (членъ трудовой группы), редакторъ газеты «Дѣло Народа», привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Формально это было только простое извѣщеніе съ ссылкою на 20 и 21 ст. учр. думы, но этому шагу, впервые только еще предпринимаемому администраціею, было по справедливости придано иное значеніе,—то, которое теперь уже совершенно открыто придаетъ ему министръ юстиціи. Цѣль и тогда была, конечно, та же—устранить депутата по постановленію прокурорской власти; правительство только не смѣло тогда эту цѣль разоблачать. Бумага должна была быть доложена и обсуждена на слѣдующій же день, 1 іюня. Случилось къ тому же, что на тотъ же день назначилъ свое отсроченное выступленіе и ген. Павловъ.

Въ инцидентѣ Ульянова фракція заняла, конечно, опредѣленно-отрицательное отношеніе къ посягательству министерства и поручила обосновать эту точку зрѣнія Кокошкину, который и попросилъ первый слова и своею, по обыкновенію ясною и исчерпывающей, критикою въ сущности сразу упразднилъ весь вопросъ объ Ульяновѣ. Кокошкинъ предложилъ и выработанную нами формулу, которая затѣмъ и была принята думою. Но, не полагаясь въ борьбѣ съ правитель-

ствомъ на одну только внутреннюю силу своихъ аргументовъ, фракція рѣшила и на сей разъ реагировать тѣмъ средствомъ, которое ей, какъ законодательному учрежденію, свойственно, и внести законопроектъ, гарантирующій въ общей формѣ и на весьма широкихъ основаніяхъ неприкосновенность депутатовъ. Обсужденіе этого законопроекта и принятіе его въ первомъ чтеніи давало сразу нѣкоторый исходъ накипѣвшему чувству и, не ослабляя самаго тона преній, лишало ихъ однако самоцѣльно взрывчатаго характера.

Нашъ законопроектъ былъ наскоро составленъ, доложенъ былъ въ думѣ въ первую очередь и думою принятъ, т. е. сданъ въ комиссію. А открывшееся затѣмъ обсужденіе собственно ульяновскаго инцидента закончилось, какъ указано, принятіемъ нашей резолюціи. Трудовая группа, въ лицѣ Аникина, Жилкина и Семенова, говорила сильно и дѣльно,—пререканій никакихъ не было, и только депутатъ Недоносковъ пожелалъ, повидимому, сказать нѣчто весьма рѣзкое вообще и, должно быть, особенно-рѣзкое по отношенію къ намъ: «Невинная кровь по прежнему льется произволъ по прежнему царитъ и процвѣтаетъ... Насъ послали добывать землю и волю, а мы не только не добыли земли и воли, но мы до сихъ поръ не могли исторгнуть орудія казни изъ рукъ палачей и насильниковъ. Теперь намъ говорятъ, что дума не митингъ

и довольствуется крохоборствующими резолюціями». Здѣсь ораторъ былъ остановленъ, въ видахъ охраненія достоинства думы, предсѣдателемъ и затѣмъ закончилъ: «Я только хотѣлъ сказать, что этими резолюціями мы обращаемъ думу въ тотъ самый митингъ, только замѣчу разницу, что наши резолюціи идутъ къ народу, *а резолюціи преобладающаго большинства идутъ къ министрамъ. Каждому—свое*». Что именно, кромѣ резолюціи, находилъ желательнымъ для инцидента съ Ульяновымъ деп. Недоносковъ, такъ и осталось неяснымъ; болѣе чѣмъ ясно выступило только изъ этого неудачнаго ораторскаго эксперимента трудовика minorum gentium, что трудовая группа окончательно формируется на «антикадетской» платформѣ. Отрицательное отношеніе къ кадетской тактикѣ береженія думы, при одновременномъ отрицаніи и противоположной революціонной внѣдумской тактики, проявленіе самостоятельности quand-même въ видѣ простого отрицанія или демонстративнаго изолированія кадетовъ, внесеніе предложеній, явно безцѣльныхъ и могущихъ покоиться только на сознаніи безотвѣтственности со стороны меньшинства,— вотъ тѣ методы, которые все чаще стали проявляться въ дѣятельности трудовой группы и которые парализовали антиконфликтную дѣятельность большинства, даже тогда, когда формально большинство одерживало побѣду.

Эта тенденція къ обособленнымъ демонстративнымъ, безотвѣтственнымъ предложеніямъ сказалась въ тотъ же день и въ отношеніи къ отвѣту Павлова. Трудовая группа предложила формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой не содержалось рѣшительно никакого отвѣта на доводъ Павлова, съ виду несомнѣнно уважительный, единственный, во всякомъ случаѣ, съ которымъ приходилось считаться, а именно: что исполнительная власть не можетъ вмѣшиваться въ отправленіе правосудія. Все содержаніе формулы состояло въ томъ, что, насилуя нѣсколько текстъ думской резолюціи 23 мая и еще разъ подчеркивая, что смертная казнь является простымъ убійствомъ, она въ заключительной части передаетъ «сообщеніе представителя военнаго министерства въ комиссію 33-хъ по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ».

Трудовая группа превосходно знала, что, при всей политической и этической возмутительности поведенія правительства и, въ частности, ген. Павлова, никакая комиссія въ мірѣ не сможетъ найти въ его дѣйствіяхъ что-либо незакономѣрное, ибо «законъ» объ отмѣнѣ смертной казни не былъ постановленъ еще даже думою. Дума констатировала лишь воззрѣніе народа, выяснившееся изъ дѣятельности думы; трудовая группа знала—и на это мы ей част-

нымъ образомъ указывали,—что ея резолюція, нисколько не сдвигая правительства съ его позиціи, не ослабляя этой позиціи въ глазахъ населенія, обнажаетъ только безсиліе думы, а между тѣмъ этотъ актъ безсильнаго раздраженія будетъ несомнѣнно сочтенъ за захватъ со стороны думы непринадлежащей ей власти; мало того: трудовая группа знала, что, при такомъ отношеніи съ нашей стороны, ея формула обречена на крушеніе, и что въ результатѣ получится не болѣе рѣзкое отношеніе думы, а демонстрація группы противъ группы, всегда съ удовольствіемъ встрѣчаемая тѣми, кто все болѣе и болѣе входилъ во вкусъ tertii gaudentis. И тѣмъ не менѣе, формула была предложена—для того, чтобы тутъ же быть отвергнутою.

На слѣдующій день, 2 іюня, думѣ предстояло новое испытаніе: предсѣдатель думы получилъ отъ Горемыкина дальнѣйшій отвѣтъ по поводу телеграммъ, печатавшихся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и вопросъ о нихъ былъ поставленъ на очередь засѣданія 2 іюня. По всему было видно, что попытка думы остановить этотъ единственный видъ «дѣятельности» правительства не увѣнчается успѣхомъ. Съ одной стороны, соотношеніе силъ перемѣнилось, — шли все упорнѣе слухи о непроизвольныхъ каникулахъ для думы, правительство все энергичнѣе окапывалось въ своихъ позиціяхъ, а, съ другой

стороны, ударъ здѣсь направлялся какъ будто непосредственно противъ Горемыкина, — переписка приняла нѣсколько рѣзкій личный характеръ, и премьеру, очевидно, хотѣлось отстоять себя. Какъ бы то ни было, положеніе было таково, что надо было найти изъ него выходъ, хотя бы и не расчитанный на успѣхъ, но не связанный съ урономъ достоинства думы; это было тѣмъ болѣе необходимо, что вопросъ давалъ новую благодарную тему для рѣчей о безсиліи думы и о томъ, что надо приняться за «дѣло»,—за дѣло въ думѣ, конечно,—неизвѣстно только, за какое именно.

Неожиданно весь ходъ засѣданія повернулся. Случилось нѣчто, что разомъ перемѣнило всѣ перспективы; наканунѣ, 1 іюня, начался Бѣлостокскій погромъ. Предстояло обсужденіе внесеннаго запроса о погромѣ,—всѣ были слишкомъ взволнованы, и остальные вопросы отошли естественно на второй планъ. Предложеніе партіи народной свободы, чтобы обращенный къ Горемыкину вопросъ, на который онъ не желаетъ давать разъясненій въ порядкѣ 40 ст., превратить въ формальный запросъ по 58 ст. о «привлеченіи къ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ печатаніи телеграммъ»,—былъ принятъ думою почти безъ преній.

Тенденція трудовой группы къ рѣзкому обособленію и къ противоположенію себя партіи

народной свободы сказалась и въ знаменательныхъ засѣданіяхъ 8 и 9 іюня. 8 и 9 іюня дума обсуждала отвѣтъ Столыпина на первый запросъ объ участіи департамента полиціи въ организаціи погромовъ. Интересъ къ вопросу былъ исчерпанъ въ рѣчахъ перваго дня, тѣмъ болѣе, что первою на сей разъ была знаменитая рѣчь кн. Урусова. Но рѣчи продолжались и 9-го, и тогда же была предложена Гредескуломъ формула отъ имени нашей партіи. Другую формулу, предлагавшую признать, что «весь составъ высшей администраціи, при нынѣшнемъ и предыдущихъ кабинетахъ, подлежитъ суду по обвиненію въ рядѣ тяжкихъ уголовныхъ преступленій противъ жизни, имущества и чести русскихъ гражданъ и въ укрывательствѣ такихъ преступленій»,—предложилъ соціалъ-демократъ Рамишвили. Трудовики своей формулы не предложили. Мы, по обыкновенію, предварительно ознакомили трудовиковъ съ нашей формулою, но въ результатѣ, когда была первою поставлена на очередь формула Рамишвили, она была отклонена только голосами правой и центра (см. прилож. къ газ. «Рѣчь» отъ 10 іюля), т. е. трудовики голосовали не за нашу формулу, а за формулу Рамишвили

8-го іюня, послѣ перерыва, не окончивъ еще обсужденія отвѣта Столыпина, дума приступила къ обсужденію заявленія трудовой группы, наиболѣе, быть можетъ, характернаго во всей ея

дѣятельности. Эта была извѣстная записка 34-хъ членовъ трудовой группы по аграрному вопросу, построенная на началахъ національзаціи земли. Записка рѣзко отступала отъ основаній предыдущаго проекта трудовой группы (записка 104), а вносившіе ее въ думу требовали постановленія думы о передачѣ ея въ комиссію, хотя уже пренія по аграрному вопросу были окончены, комиссія учреждена, и передать туда всякій матеріалъ, помимо общаго собранія думы, не представляло никакихъ затрудненій. Для насъ было ясно, что все это требованіе имѣетъ цѣлью производство отъ имени думы, черезъ посредство трудовиковъ, демонстраціи въ пользу принциповъ, исповѣдуемыхъ даже не трудовою группою, а кругами, оказывающими на нее вліяніе внѣ думы. Трудовая группа знала, что мы такому стремленію не сочувствуемъ; она понимала и практическую безцѣльность всей затѣи. И, тѣмъ не менѣе, не только подписавшіе заявленіе, но, главнымъ образомъ, не подписавшіе его лидеры трудовой группы настаивали на постановленіи думы о передачѣ проекта въ аграрную комиссію. Поставленное на голоса въ засѣданіи 8-го іюня, предложеніе это было отвергнуто.

Результаты усиленной дифференціаціи трудовой группы за двѣ недѣли ея дѣятельности (съ 26 мая) оказались для нея настолько плачев-

ными, что «Наша Жизнь» (№ 469), на которой въ значительной мѣрѣ лежалъ грѣхъ усиленнаго муссированія этого искусственнаго отмежеванія, которая проявляла особую склонность взвинчивать въ трудовой группѣ сознаніе ея величія,— вынуждена была констатировать, что «послѣ историческаго засѣданія 13 мая трудовая группа, измѣнивъ свою тактику, отказалась отъ побѣдъ (!) и перешла къ тактикѣ пораженій. Въ засѣданіяхъ 26 мая, 8 и 9 іюня новая тактика была подвержена публичному испытанію...». Въ высшей степени характерно, что и въ этотъ моментъ газета все еще продолжаетъ твердить, что «вліяніе трудовиковъ отразилось на содержаніи отвѣта на тронную рѣчь,—отвѣта, въ которомъ главныя народныя требованія настоящаго момента выражены съ такою рѣшительностью, что вызвали восторженное сочувствіе всей западной демократіи». Но «особенно ярко вліяніе трудовой группы выразилось 13 мая въ ея исторической резолюціи, объединившей всю государственную думу и загнавшей министерство контръреволюціи въ такой тупикъ, изъ котораго нѣтъ другого выхода, кромѣ капитуляціи». Характерно и то, что къ этому въ значительной мѣрѣ легендарному разсказу присоединяется еще новая легенда: 26 мая, по вопросу о смертной казни,— говоритъ газета—была принята резолюція, «вполнѣ проникнутая смѣлостью и рѣшительностью,

характеризующими трудовую группу: она была формулирована партіей народной свободы, *но подъ явнымъ моральнымъ вліяніемъ рѣчей трудовой группы*». Созданію этой легенды не препятствовало то, казалось бы, немаловажное обстоятельство, что трудовая группа за эту «вполнѣ проникнутую смѣлостью и рѣшительностью» резолюцію не только голосовала, но противъ нея боролась, противополагая ей другую и голосуя за эту послѣднюю. Газета ограничивается по этому поводу упрекомъ по адресу трудовой группы, что она резолюцію, «подъ моральнымъ вліяніемъ ея рѣчей составленную», сама же и отвергла. Газета была бы, вѣроятно, очень удивлена, узнавъ, что резолюція, о которой идетъ рѣчь, была составлена во фракціи еще наканунѣ засѣданія, и что ни одного слова въ ней подъ моральнымъ вліяніемъ трудовой группы и, вообще, подъ чьимъ бы то ни было вліяніемъ измѣнено не было, о чемъ, впрочемъ, сообщалъ въ свое время на страницахъ «Вѣстника Партіи Нар. Св.» и самъ вносившій эту резолюцію Набоковъ.

«Побѣды», слѣдовательно, одерживались трудовиками, во всякомъ случаѣ, лишь тогда, когда они голосовали съ нами; а всѣ попытки выдѣлить себя приводили ихъ, по признанію весьма сочувствовавшаго трудовикамъ органа, къ пораженіямъ. Этотъ плачевный выводъ возымѣлъ,

какъ мнѣ кажется, кое какое вліяніе при постановкѣ слѣдующаго «конфликтнаго» вопроса—объ амнистіи.

Приблизительно около этого времени въ средѣ трудовой группы возникло предположеніе провести амнистію въ госуд. думѣ въ видѣ законопроекта. На вопросъ о томъ, составляетъ ли амнистія прерогативу монарха, мы смотрѣли и смотримъ неодинаково съ трудовою группой; но какъ бы мы ни относились къ этой сторонѣ вопроса, политически внесеніе амнистіи въ видѣ закона и тогда было, и теперь остается очевидно, безцѣльнымъ, ибо оно не могло подвинуть вопроса ни на шагъ впередъ; а, съ точки зрѣнія возможнаго конфликта, вопросъ тогда стоялъ, пожалуй, еще рѣзче, чѣмъ теперь. Ибо разработка вопроса, которую успѣла съ тѣхъ поръ дать и наука, и печать, вводятъ теперь вопросъ, во всякомъ случаѣ, въ область спорныхъ, чего никакъ нельзя сказать про моментъ, когда вопросъ объ амнистіи возникъ въ первой гос. думѣ. Тогда внесеніе запроса объ амнистіи было бы безусловно сочтено за нарушеніе прерогативъ монарха.

Извѣстіе о рѣшеніи трудовиковъ двинуть при такихъ условіяхъ законопроектъ объ амнистіи вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній во фракціи народной свободы, и въ результатѣ рѣшено было отрядить въ трудовую группу двухъ юристовъ,

Набокова и Петражицкаго, авторитетъ коихъ, какъ намъ казалось, долженъ былъ признаваться трудовою группою,—для того, чтобы ее отклонить отъ ложнаго шага. Трудно, конечно, сказать, въ какой мѣрѣ окончательный результатъ можно приписать убѣдительности ихъ доводовъ — трудовики это вліяніе отрицали,— но несомнѣнно, что появленіе нашихъ посланцевъ и рѣчи ихъ убѣдили трудовую группу, во всякомъ случаѣ, въ одномъ: въ нашей безусловной рѣшимости стоять на своемъ. А шагъ былъ слишкомъ отвѣтственный, чтобы дѣлать его на свой рискъ и страхъ, и трудовая группа намѣренія своего въ исполненіе не привела.

X.

Въ стенографическихъ отчетахъ государственной думы сохранился слѣдъ отъ одного документа, который именуется «заявленіемъ 5 членовъ думы о порядкѣ работы государственной думы въ ближайшее время». Таинственный смыслъ и происхожденіе этого документа не всѣмъ понятны. Заголовокъ красовался день за днемъ въ теченіе мѣсяца на повѣсткахъ государственной думы, затѣмъ заявленіе было вовсе снято съ очереди самими авторами. Содержаніе его въ стенограф. отчетахъ не напечатано.

Между тѣмъ происхожденіе этого документа тоже «конфликтнаго» свойства.

Уже съ 20-хъ чиселъ мая въ общественныхъ кругахъ Петербурга стали распространяться слухи о томъ, что правительство желаетъ отправить думу на каникулы. Само бездѣйствуя, создавая лишь прямо или косвенно тормазы для дѣятельности думы, правительство выжидало со стороны думы какого-либо шага, могущаго служить поводомъ для конфликта. А когда этотъ случай не приходилъ, когда дума при всей твердости своего направленія обнаружила такую же твердость въ умѣніи обходить тѣ опасныя мѣста, на которыхъ ее подкарауливалъ врагъ,—получилось въ отношеніяхъ между правительствомъ и думою состояніе неподвижной мертвой зыби. И правительство не могло найти другого исхода изъ положенія, какъ освободиться, пока что, на время, отъ противника, который своимъ упорствомъ и тактомъ, опираясь на возрастающія къ нему симпатіи населенія, нѣтъ-нѣтъ да могъ и побѣдить, — объявивъ временный вакантъ, можно было уже затѣмъ, глядя по настроенію, превратить его въ роспускъ безъ возврата. Какъ бы то ни было, но слухи о роспускѣ на каникулы, какъ кошмаръ, давили общество; ими наполнялись столбцы всѣхъ газетъ. Беру на выдержку № «Нашей Жизни» отъ 6 іюня. Передовая статья начинается: «Правительство, пови-

димому, намѣревается распустить 15 іюня государственную думу. Къ этому, вѣроятно, должны быть сведены распространившіеся въ послѣдніе дни слухи о предстоящемъ въ серединѣ іюня опубликованіи «важныхъ» правительственныхъ распоряженій,—слухи, такъ взволновавшіе общество». Затѣмъ слѣдуетъ особая статья: «Къ вопросу о роспущеніи думы», гдѣ подробно описывается засѣданіе звѣздной палаты» 4 іюня «по вопросу о роспускѣ» И такъ во всѣхъ газетахъ. Осуществленіе правительственнаго плана молва, какъ уже видно изъ приведенной цитаты, упорно пріурочивала къ 15 іюня. Ясно, что этотъ правительственный маневръ необходимо было разоблачить. Но дума не могла, не роняя своего достоинства, сама постановлять рѣшенія по поводу слуховъ о планахъ правительства, противъ нея направленныхъ. Объ этомъ можно было говорить въ думѣ; мало того: объ этомъ необходимо было заговорить отдѣльнымъ членамъ думы рѣзко и откровенно, необходимо было сорвать маску съ правительства и этимъ обезвредить его замыслы; только дума въ цѣломъ, какъ учрежденіе, не могла непосредственно принимать никакихъ рѣшеній. Значитъ, нужно было изыскать поводъ для объявленія правительству передъ лицомъ населенія, что планы его для насъ ясны, что всякую попытку учредить намъ каникулы мы будемъ считать за

роспускъ думы и за нарушеніе конституціи. Для этой цѣли комитетъ нашъ остановился на мысли внести въ думу предложеніе объ установленіи примѣрнаго распредѣленія нашихъ занятій на цѣлый рядъ мѣсяцевъ, для того, чтобы при обсужденіи этого предложенія высказать открыто, что мы думаемъ о предложенныхъ каникулахъ. Вопросъ казался тогда весьма спѣшнымъ,—заявленіе потому было на-скоро за ночь, по порученію комитета, средактировано мною, утромъ было заслушано и въ тотъ же день, 5 іюня, внесено въ думу. Оно одержало, насколько помню, расписаніе занятій чуть ли не на все лѣто и даже на осень вплоть до ноября мѣсяца, т. е. до такого времени, когда уже никому мысль о каникулахъ и въ голову приходить не могла. Заявленіе это подписано было 5 лицами: Петрункевичемъ, Набоковымъ, Родичевымъ, Новгородцевымъ [1]) и мною (такъ какъ это не былъ ни запросъ, ни проектъ закона, количество подписей здѣсь не имѣло значенія) и подано предсѣдателю 5 іюня.

О значеніи нашего заявленія было тогда же нами сообщено трудовой группѣ. Какъ значится въ отчетѣ «Нашей Жизни» (№ 473) о засѣданіи трудовой группы 11 іюня, вопросъ о прекращеніи занятій въ думѣ былъ разсмотрѣнъ «въ

[1]) Въ стеногр. отчетѣ (стр. 1022) ошибочно напечатано вм. «Новгородцевъ»—«Новодворскій».

связи съ докладомъ представителя партіи народной свободы относительно распредѣленія занятіи въ государственной думѣ», и было постановлено: отмѣтить въ рѣчахъ ораторовъ, при обсужденіи этого проекта, что группа никогда не примирится съ мыслью о прекращеніи занятій на лѣтнее время.

Но въ теченіе ближайшихъ уже за внесеніемъ заявленія дней, особенно послѣ 7 іюня, паническое настроеніе по поводу каникулъ стало проходить,—оно даже смѣнилось на время возбужденнымъ ожиданіемъ рѣшительнаго поворота въ другую сторону; обсужденіе нашего заявленія стало безцѣльнымъ, и мы, въ концѣ концовъ, рѣшились снять его; оно снято съ очереди 4 іюня *за четыре дня* до роспуска думы! Отраженіе нашихъ тревогъ по поводу грозившихъ намъ каникулъ сохранилось въ стеногр. отчетахъ лишь въ одномъ случайномъ замѣчаніи. Когда при обсужденіи вопроса о вознагражденіи членовъ распорядительной комиссіи было предложено назначить имъ вознагражденіе за время каникулъ, одинъ изъ насъ взошелъ на каѳедру только для того, чтобы заявить, что, «насколько извѣстно, никто въ государственной думѣ на каникулы не собирается, и намъ пора исключить всѣ сужденія о каникулахъ и не вводить ни въ какой законъ предположенія о томъ, что намъ предстоятъ каникулы... Я предлагаю гос. думѣ отклонить всѣ каникулярныя поправки»,

Дума поняла намекъ и вся, какъ одинъ человѣкъ, откликнулась на это скромное замѣчаніе бурными аплодисментами; намекъ былъ также подхваченъ и, насколько помнится, соотвѣтственно скомментированъ повременною печатью.

XI.

16 мая фракція народной свободы внесла въ думу запросъ о продовольственной помощи голодающему населенію. Проходили недѣли—министерство отвѣта на запросъ не давало. Тогда фракція рѣшила предложить думѣ образовать особую комиссію, которая должна была самостоятельно «обсудить всѣ вопросы, касающіеся продовольственной помощи». Предложеніе это было внесено 6 іюня членами нашей фракціи, Метальниковымъ и Васильевымъ, и думою принято. И только когда комиссія была избрана и приступила къ своей работѣ, Столыпинъ 12 іюня явился въ думу съ отвѣтомъ на запросъ. Дума не удовлетворилась отвѣтомъ, что и выразила въ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, а когда недѣлю спустя (19 іюня) министерство предложило думѣ ассигновать въ его распоряженіе 100 милліоновъ рублей на голодающихъ, дума (20 іюня) направила вопросъ въ ранѣе избранную комиссію, которая могла уже въ теченіе 2-хъ дней справится съ своей задачей.

Продовольственный вопросъ ставилъ передъ думою крайне трудную проблему. Давать средства правительству, не пользующемуся довѣріемъ думы, значило ослаблять свою принципіальную позицію; не давать денегъ—значило возстановлять противъ себя населеніе и дать правительству въ руки весьма для него выгодный поводъ для конфликта. Единственнымъ исходомъ явилось ассигнованіе части средствъ, въ предѣлахъ крайней необходимости, безъ увеличенія расходнаго бюджета, и съ установленіемъ контроля со стороны народнаго представительства. Такъ именно поступила думская комиссія, предложивъ думѣ ассигновать правительству не болѣе 15 милл. рублей въ предѣлахъ бюджета 1906 г. и съ установленіемъ строгой отчетности передъ госуд. думою.

Извѣстно, что при окончательномъ обсужденіи этого вопроса въ думѣ 23 іюня соц.-дем. фракція предложила для удовлетворенія нужды голодающихъ не болѣе и не менѣе, какъ «сокращеніе военныхъ расходовъ, роспущеніе казачьихъ войскъ, сокращеніе жалованья и пенсіи всѣхъ высшихъ чиновъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ» и созданіе тутъ же, для распоряженія имѣющими получиться средствами, новыхъ общественныхъ организацій! Но мало кому извѣстно, что почти тождественное предложеніе было поддерживаемо и трудовою группою. Въ

засѣданіи 23 іюня деп. Галецкій, ставшій къ тому времени однимъ изъ лидеровъ трудовой группы, предложилъ думѣ «поручить продовольственной комиссіи организовать удовлетвореніе сѣменной и продовольственной нужды путемъ мѣстныхъ, въ средѣ голодающаго населенія созданныхъ, учрежденій, непосредственную организацію коихъ поручить командированнымъ на мѣста членамъ думы и разрѣшить той же комиссіи произвести необходимый для того расходъ».

Несмотря на усердныя убѣжденія съ нашей стороны, трудовая группа своего предложенія не сняла и въ результатѣ потерпѣла вновь пораженіе, продемонстрировавъ только лишній разъ не столько свою самостоятельность, сколько нашу изолированность.

Попытки двигаться самостоятельно стали однако, вслѣдствіе полной ихъ безуспѣшности, проявляться со стороны все рѣже въ средѣ трудовой группы. Они смѣнились другимъ методомъ: стремленіемъ по-просту дискредитировать кадетское большинство. Тактика трудовой группы вступила такимъ образомъ въ новый, послѣдній фазисъ своего развитія. Послѣ общихъ съ нами дѣйствій, на которыя намъ съ большимъ трудомъ удавалось склонять трудовиковъ, въ первомъ фазисѣ послѣ безуспѣшныхъ попытокъ самостоятельныхъ выступленій во второмъ, трудовики перешли къ послѣднему средству—къ си-

стемѣ самоцѣльной оппозиціи противъ кадетскаго центра, исполняя, такимъ образомъ, слѣпо директиву, провозглашенную на соц.-дем. съѣздѣ. Въ думѣ стала разыгрываться не борьба оппозиціи съ правительствомъ: въ отвѣтственное положеніе правительства была поставлена часть самой же оппозиціи. И стала примѣняться эта система въ тотъ моментъ, когда внѣшнимъ образомъ общее политическое положеніе несомнѣнно измѣнилось къ лучшему.

Рѣчь Урусова 8 іюня и подтвержденное 9 іюня недовѣріе правительству произвели ошеломляющее впечатлѣніе не только въ Россіи, но и во всей западной Европѣ. Распускать думу послѣ того, какъ она уличила—или именно потому, что уличила—правительство въ устройствѣ погромовъ, было по-просту скандально. Это чувствовалось правительствомъ, чувствовалось и обществомъ. Уныніе, царившее въ думскихъ кругахъ и въ обществѣ въ началѣ іюня подъ вліяніемъ слуховъ о роспускѣ, понемногу стало разсѣиваться, и ему на смѣну явились все болѣе упорные слухи о близящемся думскомъ министерствѣ. И «конфликтные» моменты переживались тогда гораздо легче, они проходили почти незамѣтно. 12 іюня было выражено правительству недовѣріе по поводу продовольственнаго дѣла, 13 іюня былъ поставленъ казачій вопросъ, по поводу котораго шли упорные толки и о вмѣшательствѣ

военнаго министра, и о нарушеніи основныхъ законовъ, и о прерогативахъ верховной власти. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 15 іюня, пошелъ запросъ о крестьянскомъ союзѣ, въ защиту котораго выступилъ съ горячею рѣчью тов. предсѣд. гос. думы П. Д. Долгоруковъ. Въ то же время готовился и даже былъ уже внесенъ въ думу докладъ делегатовъ, возвратившихся изъ Бѣлостока. И острота этихъ вопросовъ какъ будто бы даже не ощущалась. Какъ бы то ни было—вѣрно или невѣрно было это ощущеніе, основательны или неосновательны были надежды на думское министерство—несомнѣнно было одно: думское министерство возможно было только при наличности прочнаго большинства, поддерживающаго господствующую партію. Ни трудовая группа, ни органъ печати, отражавшій ея взгляды, не относились съ недовѣріемъ къ циркулировавшимъ слухамъ. И тѣмъ не менѣе—а, можетъ быть, именно потому—трудовая группа избрала этотъ именно моментъ для того, чтобы демонстрировать отсутствіе прочнаго большинства на сторонѣ господствующей въ думѣ партіи. Въ «Нашей Жизни» изо дня въ день печатались статьи, доказывающія, что у кадетовъ нѣтъ большинства, и что потому осуществленіе думскаго министерства возможно «только въ коаліціи съ трудовиками»; между тѣмъ—подчеркивалось тутъ же—«разногласія между трудовиками

и кадетами увеличиваются», а получаемое кадетами большинство по всѣмъ возникавшимъ до тѣхъ поръ въ думѣ вопросамъ объяснялось чуть ли не случайностью, съ исчезновеніемъ которой измѣнится и самое положеніе въ думѣ. (См. «Наша Жизнь» № 474, № 478). Такой тонъ господствовалъ и во всѣхъ другихъ органахъ безпартійной оппозиціоной печати.

Въ томъ же направленіи рѣшено было продѣлать опытъ и въ самой думѣ. Объектомъ для этого долженъ былъ явиться нашъ законопроектъ о свободѣ собраній. Въ высшей степени характернымъ является то обстоятельство, что обсужденію думы подлежалъ собственно только вопросъ о передачѣ законопроекта въ комиссію и что трудовая группа добивалась— это былъ единственный случай во всей исторіи первой думы! — отклоненія *даже самой передачи нашего законопроекта въ комиссію*. Эта черточка обнажаетъ съ достаточной ясностью истинный нервъ всего явленія. Законопроектъ нашъ провозглашалъ въ ст. 1 свободу собраній и обставлялъ ее затѣмъ разными ограниченіями. Можно было, конечно, требовать устраненія этихъ ограниченій, и изъ этого выводъ былъ бы только тотъ, что при сдачѣ въ комиссію была бы подчеркнута желательность устраненія ограниченій. Но трудовая группа жаждала не измѣненія по существу закона. Она жаждала голосова-

нія,—голосованія, дискредитирующаго кадетовъ, дискредитирующаго ихъ съ особенною силою тогда, когда дѣло касалось законодательнаго творчества. Она выдвинула для этого всѣ свои, не очень, впрочемъ, богатыя, юридическія силы; она съ особою радостью, почти что съ подобострастіемъ, привѣтствовала и пріобщала къ себѣ неожиданнаго союзника въ лицѣ М. М. Ковалевскаго. И этотъ усиленный напоръ произвелъ дѣйствительно впечатлѣніе: въ теченіе 5 дней передъ лицомъ правительства и всей страны производилось публично разсѣченіе думской оппозиціи. Онъ произвелъ даже нѣкоторое замѣшательство въ рядахъ нашей собственной партіи. Наканунѣ окончательнаго голосованія 19-го іюня, въ засѣданіи фракціи, экстренно созванномъ поздно вечеромъ по закрытіи думскаго засѣданія, слышались укоризны по адресу руководителей партіи за незрѣлый проектъ закона, высказывалось опасеніе не только провала даннаго закона, но и урона престижа партіи и т. д., и т. д. Съ трудомъ удалось вернуть фракцію къ болѣе спокойному настроенію. На Кокошкина и меня возложена была обязанность защитить въ завтрашнемъ засѣданіи законопроектъ, а для обезпеченія большинства, казавшагося непрочнымъ, рѣшено было потребовать отъ всѣхъ членовъ фракціи непремѣнной явки въ засѣданіе. Это настроеніе улеглось оконча-

тельно только послѣ защиты ораторами нашей фракціи законопроекта въ самый значительный, послѣдній день дебатовъ—защиты, произведшей, повидимому, впечатлѣніе на думу. Временное замѣшательство въ нашей собственной фракціи объяснилось отчасти и тѣми условіями, при которыхъ вырабатывались наши законопроекты. При полномъ бездѣйствіи правительства, партія вынуждена была внести въ думу за разъ цѣлый рядъ законовъ по самымъ основнымъ вопросамъ государственной жизни. Законопроекты наши были заготовлены центральнымъ органомъ партіи; нѣкоторые изъ нихъ—какъ, наприм., законопроектъ о свободѣ печати [1])—не успѣли пройти даже черезы ц. к. партіи. Но поддерживать эти проекты должны были вѣдь депутаты. И потому, ранѣе внесенія проекта въ думу, очевидно, необходимо было провѣрить, можетъ ли проектъ расчитывать на поддержку въ средѣ депутатовъ. Огромная фракція въ 180 человѣкъ должна была, среди массы очередной думской работы, когда общія засѣданія думы затягивались часто за полночь, и когда дѣйствовали уже многочисленныя думскія комиссіи—среди вѣчно тревожнаго настроенія въ атмосферѣ возникающихъ поминутно и требующихъ немедленнаго разрѣшенія

---

[1]) Это тотъ „каторжный“ законопроектъ, отвѣтственность за который съ такою охотою была взвалена печатью на фракцію нар. свободы.

тактическихъ и конфликтныхъ вопросовъ — въ такой обстановкѣ фракція должна была обсуждать и принимать законопроекты, имѣющіе заложить основы новаго государственнаго строя. И эта работа лежала на одной только нашей фракціи, ни на комъ другомъ. Ибо всѣ остальныя фракціи въ думѣ, какъ бы по естеству, заняли выжидательное положеніе, считая единственною своею задачею критику дѣйствій господствующей партіи. Легко понять, что при такихъ условіяхъ работы, многія частности законопроектовъ могли оказаться дефектными. Законопроекты, за недостаткомъ времени, не были, какъ то слѣдовало бы, предварительно пропущены черезъ небольшую коллегію спеціалистовъ изъ среды собранія самой фракціи; даже авторы проектовъ, частью не попавшіе вовсе въ думу, частью отвлеченные, какъ, напримѣръ, предсѣдатель думы, другими дѣлами, нерѣдко отсутствовали при ихъ обсужденіи. Конечно, въ результатѣ эти дефекты не могли грозить никакими осложненіями, ибо мы, да и всѣ прочіе, въ томъ числѣ и трудовики, превосходно понимали, что мы готовимъ только общіе абрисы законовъ, которые потомъ будутъ разработаны думою и комиссіями. Но для тѣхъ, кому необходимо было за какую бы то ни было цѣну разбить ненавистныхъ кадетовъ и въ конецъ уничтожить представленіе объ единствѣ думы, —

этого было достаточно. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли сказать: «рельсы» или «полотно желѣзной дороги» возведенъ былъ на высоту принципа и кадеты по сему поводу объявлены были врагами желѣзнодорожныхъ служащихъ, забастовки, освободительнаго движенія. Второстепенная, съ нашей точки зрѣнія, но практически полезная мѣра—предварительное извѣщеніе полиціи (именно извѣщеніе, а не просьба о разрѣшеніи) только о публичныхъ и только о городскихъ собраніяхъ была достаточна для того, чтобы объявить кадетовъ замаскированными приверженцами стараго режима, гонителями свободы. И подъ всѣмъ этимъ потокомъ частью ослѣпленныхъ, частью недобросовѣстныхъ, въѣдающихся въ букву, нападокъ,—нападокъ, не остановленныхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы признавали недосмотръ или ошибку,—исчезло, какъ будто, съ лица земли то, что составляло единственную основу нашего проекта,—его 1-я статья, которая провозглашала свободу «россійскихъ гражданъ собираться, не испрашивая разрѣшенія начальства». И когда я, получивъ слово, рѣшился напомнить думѣ эту скромную истину, членъ трудовой группы Лунинъ, одинъ изъ наиболѣе прямодушныхъ и искреннихъ людей въ составѣ трудовой группы, увидѣлъ себя вынужденнымъ заявить, что «если бы составители законопроекта съ самаго начала дали то объясне-

ніе, которое далъ сейчасъ членъ гос. думы Винаверъ, то, я убѣжденъ, споръ нашъ значительно бы сократился и всѣ наши рѣчи и объясненія свелись бы, можетъ быть, къ меньшему числу» (стр. 1537). Но вѣдь съ моей стороны дано было только «объясненіе», призывающее къ чтенію 1-й статьи закона, и только. Вся опасная политическая игра была, значитъ, затѣяна не изъ за принципіальныхъ дефектовъ закона, а изъ-за того, что трудовая фракція не въ состояніи была или не желала додуматься до «объясненія». Можно думать, что именно не желала; фракціи и тѣмъ, кто ею руководилъ, нужны были не принципы и не объясненія: ибо и послѣ «объясненій» фракція тутъ же, въ томъ же засѣданіи, единодушно голосовала *противъ* передачи законопроекта въ комиссію.

Вопросъ о свободѣ собраній сталъ на очередь въ думѣ 16 іюня. Наканунѣ произошла между трудовою группою и нашей фракціей небольшая перестрѣлка по сравнительно мелкому, но все же характерному поводу. Рѣчь шла о назначеніи платы членамъ распорядительнаго комитета. Комиссія 19-ти полагала назначить плату. Наша фракція исходила изъ убѣжденія, что никакая должность, исполняемая членомъ думы, по избранію думы, не должна быть отдѣльно оплачиваема. Въ этомъ мелкомъ вопросѣ сказывалось также дуновеніе великаго момента.

Теперь, въ эпоху болѣе трезвую, на эти вещи смотрятъ иначе; а намъ въ то время просто претило при мысли, что общественное служеніе, исполняемое по порученію народнаго представительства, будетъ измѣряться на деньги. «Я думаю,—говорилъ отъ имени к.-д. партіи Шольпъ (стр. 1375),—что народные представители перваго созыва въ такую тяжелую и трудную минуту, которую мы всѣ переживаемъ, отдадутъ думѣ цѣликомъ всѣ свои силы и все свое время». И дѣйствительно, ни нашъ предсѣдатель, руководившій иногда подъ-рядъ по 12 и больше часовъ засѣданіями, ни нашъ секретарь, ночи напролетъ просиживавшій въ организуемой имъ въ первые канцеляріи думы, ни кто либо другой изъ избранныхъ думою должностныхъ лицъ, никакой платы не получали, и объ оплатѣ ихъ труда даже рѣчь не заходила. И потому, когда комиссія 19-ти и предсѣдатель ея, Ковалевскій, поставили на очередь вопросъ о платѣ распорядительному комитету, наша партія, устами Іоллоса, возразила противъ принципа, къ которому она относилась съ нѣкоей эстетическою брезгливостью (стр. 1377, 1386). Судя по настроенію и по составу трудовой группы, такое отношеніе менѣе всего, казалось бы, могло встрѣтить отпоръ съ ея стороны. Но коли кадеты говорятъ *за*, то надо трудовикамъ сказать *противъ*, тѣмъ болѣе, что имѣется и заручка со

стороны безпартійныхъ и правыхъ, обезпечивающая провалъ кадетовъ. Такъ и было сдѣлано,—предложеніе наше объ оставленіи должностей распорядительнаго комитета безъ платы было отклонено трудовиками въ союзѣ съ правыми; членамъ распорядительной комиссіи назначено было десятирублевое въ день жалованье за время каникулъ, и трудовая группа праздновала побѣду — вторую со времени открытія думы; первая, какъ извѣстно, одержана была по поводу отправки запросовъ о смертныхъ казняхъ одному, а не двумъ министрамъ...

XII.

На слѣдующій день, 16 іюня, началось обстрѣливаніе кадетовъ по поводу закона о собраніяхъ, длившееся 16, 19 и 20 іюня. Но уже на второй день, 19 іюня, оно было прервано тѣмъ знаменательнымъ засѣданіемъ, въ которомъ вотированъ былъ первою гос. думою первый ея законъ—законъ объ отмѣнѣ смертной казни. Это было засѣданіе съ участіемъ явившагося и въ безмолвіи простоявшаго нѣсколько минутъ на трибунѣ генерала Павлова; въ оглавленіи стенографическихъ отчетовъ этотъ моментъ не безъ юмора обозначенъ: «Предоставленіе слова ген. Павлову». Какъ только слово это было предоставлено, и Павловъ появился на трибунѣ,

залъ огласился неслыханнымъ воемъ и свистомъ, стукомъ пюпитровъ, сотнями безпорядочныхъ возгласовъ. Возмущеніе имѣло источникъ преимущественно-личный—виною ему было не появленіе представителя власти вообще, а появленіе власти именно въ лицѣ ненавистнаго всѣмъ генерала Павлова. Возмущеніе не ограничивалось предѣлами одной фракціи; я помню одного изъ нашихъ товарищей по фракціи, добродушнаго, всегда улыбающагося, сѣдого уже человѣка, который съ яростью кричалъ, ударялъ какою-то книгою объ столъ и имѣлъ видъ совершенно изступленнаго человѣка; другіе вскакивали съ мѣстъ, размахивали руками, наступали другъ на друга. Главными гнѣздами обструкціи явились однако, конечно, трудовая группа и с.-д. фракція.

Когда былъ объявленъ перерывъ, мы оказались передъ тягостною дилеммою; слушать Павлова не было никакой возможности—это было для насъ совершенно ясно. Но, отказываясь его слушать, дума обрекала себя на безсиліе въ вопросѣ объ отмѣнѣ смертной казни. Ибо Павловъ являлся отъ имени военнаго министра давать заключеніе о законопроектѣ и, не выслушавъ его, дума не могла вотировать закона, такъ долго и мучительно ожидаемаго. Мало того: остановка законодательной дѣятельности думы изъ за нежеланія слушать правительство была равносильна постановкѣ вопроса объ отношеніи

думы къ правительству на почву наиболѣе рискованную, на почву примѣненія физической силы. Исходъ изъ этого былъ одинъ: устроить демонстрацію, обнаруживающую наше нежеланіе слушать,—выйти демонстративно изъ зала, если появится Павловъ,—дать ему сказать свою рѣчь передъ правыми скамьями и вернуться въ залъ по окончаніи его рѣчи.

Мы рѣшили созвать немедленно фракціонное совѣщаніе. По пути въ Екатерининскомъ залѣ, мы встрѣтились съ Аладьинымъ и передали ему наши предположенія. Аладьинъ согласился съ нашимъ планомъ и отправился съ нимъ къ трудовикамъ. Мы направились въ свою низко-сводчатую комнату наверху, но лишь только начали засѣдать, какъ явился одинъ изъ нашихъ товарищей и весьма трагически призвалъ насъ къ оставленію этой комнаты, такъ какъ ветхіе своды подъ нами гнутся, и мы обвалимся ранѣе, чѣмъ успѣемъ рѣшить вопросъ о Павловѣ. Пришлось искать пріюта въ большой, полупустой, неприспособленной еще библіотечной комнатѣ, гдѣ мы стоя отбыли совѣщаніе. Совѣщаніе было одно изъ наиболѣе возбужденныхъ, какія только припомню. Весьма спокойные люди предлагали самыя рѣшительныя мѣры; помню, съ какимъ негодованіемъ Петражицкій предлагалъ не допускать Павлова до слова ни подъ какимъ видомъ. Постепенно выяснилась, однако, вся тяжесть по-

ложенія, которое можетъ быть создано такою рѣшительностью, и собраніе, въ концѣ концовъ, единогласно приняло планъ, предложенный нами.

Часъ перерыва тѣмъ временемъ кончился—звонокъ звалъ въ залъ. Отъ трудовиковъ пришелъ отвѣтъ, что они съ нашимъ планомъ не согласны и рѣшили продолжать обструкцію въ прежней формѣ. Мы шли навстрѣчу большимъ неожиданностямъ; и избавилъ насъ отъ нихъ только самъ генералъ Павловъ: онъ рѣшился уѣхать. На трибунѣ появился товарищъ мин. вн. д. Макаровъ съ какимъ-то формальнымъ заявленіемъ и былъ выслушанъ молча терпѣливо. Послѣ рѣчи Макарова трудовая группа рѣшила, однако, объяснить съ трибуны думы свое поведеніе по отношенію къ ген. Павлову. Сдѣлалъ это Аникинъ, и если бы рѣчь Аникина не вызвала возраженій со стороны гр. Гейдена, инцидентъ былъ бы этимъ исчерпанъ. Но гр. Гейденъ счелъ умѣстнымъ заступиться за нарушенную свободу слова, и мы, не желая оставаться безучастными зрителями въ этомъ неожиданно завязавшемся спорѣ, сочли нужнымъ выяснить свою точку зрѣнія—указать, что мы не бойкотируемъ власти, какъ таковой, что мы спокойно выслушаемъ любого представителя военнаго министра, но протестуемъ противъ вызова, брошеннаго госуд. думѣ присылкою человѣка, который цинично издѣвается надъ единодушными по-

желаніями думы. Рѣшеніе это было принято нами тутъ же, безъ сговора съ фракціей, и заявленіе, сдѣланное въ указанномъ смыслѣ съ трибуны думы, было сочувственно встрѣчено не только нашей фракціей, но и всей думскою оппозиціей; отклики этого сочувствія слышны были и въ появившихся на слѣдующій день отчетахъ, и въ кулуарныхъ бесѣдахъ. Весь день затѣмъ прошелъ въ приподнятомъ настроеніи и въ дружной работѣ всей оппозиціи. Прекрасная рѣчь Набокова, единогласное вотированіе закона въ двухъ чтеніяхъ,—рѣшеніе не расходиться до окончательнаго принятія закона въ третьемъ чтеніи,—немедленно сорганизованное засѣданіе комиссіи для окончательнаго изложенія закона, торжественное чтеніе Кузьминымъ-Караваемымъ протокола засѣданія этой комиссіи—перваго въ исторіи думы—наконецъ, послѣдній дружный аккордъ, единогласный окончательный вотумъ думы по первому законопроекту,—все это скрѣпило, казалось, на долго узы оппозиціи сознаніемъ единства ея цѣли и единства средствъ. Такъ казалось...

А на слѣдующій же день, 20 іюня, началась вновь по трафарету осада кадетовъ за проектъ о свободѣ собраній. Чувство горечи, испытанное нами отъ этой недальновидности нашихъ товарищей, сказалось въ рѣчи, сказанной въ тотъ день отъ имени партіи народной свободы по вопросу о свободѣ собраній. «Я не могу не выска-

зать своего сожалѣнія—такъ начинается эта рѣчь—по поводу того, что и сегодня пренія свелись на серію діалоговъ между ораторами съ каѳедры и отдѣльными ораторами то справа, то слѣва. Мнѣ казалось, что то, что было предметомъ спора вчера утромъ и третьяго дня, покоилось въ значительной мѣрѣ на недоразумѣніи, и *что послѣ той грозы, которая вчера пронеслась въ этомъ залѣ, атмосфера очистилась и мы отлично поняли, кто здѣсь друзья и кто враги.* Но недоразумѣнія продолжаются...» [1]). Они и продолжались до самаго голосованія и при самомъ голосованіи: на предложеніе предсѣдателя, встать тѣмъ, кто не согласенъ на передачу проекта въ комиссію, встала, какъ одинъ человѣкъ, вся трудовая группа и с.-д. фракція. Походъ противъ насъ, на удачу котораго трудовики сильно расчитывали, полагаясь на первоначальное смущеніе, внесенное ими въ ряды безпартійныхъ и даже кадетовъ, и въ особенности, на объединеніе съ правыми въ ненависти ихъ къ кадетамъ,—въ концѣ концовъ, не удался, передача въ комиссію была принята думою всѣми голосами противъ трудовиковъ, соц. демократовъ и М. М. Ковалевскаго. Но самый процессъ отмежевыванія себя и разрушенія *прочнаго* большинства возымѣлъ свое дѣйствіе; оно сказалось довольно скоро.

---

1) Стр. 1532.

XIII.

Слѣдующее засѣданіе, 22-го іюня, только подлило масла въ огонь. Назначенъ былъ къ слушанію докладъ о бѣлостокскомъ погромѣ; ожидался пріѣздъ и, какъ можно было предпологать, отвѣтъ Столыпина; предстояла схватка съ правительствомъ, которую желательно было закончить по возможности разомъ, въ теченіе одного дня. Но съ самаго же начала въ засѣданіе ворвался инцидентъ, вытолкнувшій думу совершенно изъ колеи. Только благодаря этому инциденту, вопросъ о бѣлостокскомъ погромѣ не получилъ того быстраго движенія и завершенія, которое одно придало бы силу и выразительность какъ запросу, такъ и преніямъ, которое было желательно и въ интересахъ самаго вопроса, и въ интересахъ думы.

Вопреки обыкновенію, предсѣдатель думы, послѣ провѣрки выборовъ по какой-то губерніи,— вмѣсто того, чтобы перейти къ порядку дня, предоставилъ слово депутату Ледницкому для какого то заявленія, не спросивъ думу, желаетъ ли она слушать заявленіе внѣ 'установленнаго порядка дня,—не сообщивъ даже думѣ, о чемъ будетъ заявленіе Ледницкаго. Какъ съ точки зрѣнія наказа, такъ строго соблюдавшагося нашимъ предсѣдателемъ, такъ и съ точки зрѣнія прецедентовъ, здѣсь была допущена несомнѣнная ошибка: втор-

женіе какого бы то ни было заявленія въ засѣданіе не могло быть допущено безъ предварительнаго рѣшенія думы объ измѣненіи порядка дня и безъ необходимаго для такого рѣшенія объявленія думѣ о предметѣ заявленія. Безъ особаго постановленія думы допускались только новые спѣшные запросы, и то только въ концѣ засѣданія (съ 6 часовъ), такъ какъ существовало по этому предмету общее постановленіе думы. О содержаніи заявленія Ледницкаго какъ и, вообще, о его намѣреніи вносить заявленіе, намъ фракціонному комитету, вопреки установившемуся во фракціи и необходимому для правильнаго веденія дѣлъ порядку,—также не было ничего сообщено.

Оказалось затѣмъ, что заявленіе Ледницкаго относится къ случаю, приключившемуся наканунѣ съ депутатомъ Сѣдельниковымъ, что по этому поводу внесенъ и запросъ, но такъ какъ запросы—даже самые спѣшные—разсматривались въ концѣ засѣданія, то Ледницкимъ, по соглашенію, кажется, съ Аладьинымъ, и было внесено особое заявленіе, и этимъ путемъ добыто для этого инцидента первое мѣсто въ порядкѣ дня. Сразу же стало ясно, что наши планы относительно Бѣлостока разбиты; мало того: ясно было, что разгорается очень острый инцидентъ, между тѣмъ, не имѣя о немъ никакихъ предварительныхъ свѣдѣній, мы не могли о немъ даже столковаться

во фракціи или въ комитетѣ; мы лишены были даже возможности обсудить его въ теченіе дня, что легко было бы сдѣлать, если бы вопросъ слушался къ концу засѣданія, наряду съ спѣшными запросами. Словомъ, вопросъ былъ поставленъ въ совершенно необычной обстановкѣ, и Аладьинъ, заготовившій, повидимому, свое Quos ego, въ расчетѣ на присутствіе Столыпина (который, однако, къ его рѣчи не явился),—сразу поднялъ діапазонъ до такой высоты, что только разсказъ самого Сѣдельникова, появившагося, ко всеобщему удивленію и удовольствію, самолично на трибунѣ думы,—разсказъ болѣе или менѣе дѣловой и объективный,—водворилъ опять нѣкоторое равновѣсіе. Сдавъ заявленіе Ледницкаго благополучно въ комиссію, дума рѣшила,—очевидно, для сокращенія времени—тутъ же покончить и съ запросомъ, по которому новыхъ преній, казалось бы, быть не могло, и потому поставила этотъ запросъ на разсмотрѣніе тотчасъ же, внѣ очереди. Но къ тому времени въ министерской ложѣ появился уже Столыпинъ, и Аладьинъ рѣшилъ пренія возобновить. Онъ вторично всходитъ на трибуну, и атмосфера послѣ его рѣчи сгущается до крайности. Отъ имени фракціи народной свободы долженъ былъ, по рѣшенію комитета, поддерживать запросъ Набокова, онъ и записался къ слову, но послѣ рѣчи Аладьина Набоковъ счелъ невозможнымъ выступать, не

вдаваясь съ нимъ въ полемику, а такъ какъ говорилъ уже по запросу членъ нашей партіи Ледницкій, то Набоковъ предпочелъ отъ слова отказаться. Списокъ ораторовъ былъ исчерпанъ, предполагалось приступить уже къ голосованію, какъ вдругъ Петражицкій, желая очевидно внести успокоеніе, обратился къ предсѣдателю думы съ предложеніемъ просить присутствующаго Столыпина дать немедленно разъясненіе. Успокоеніе послѣ словъ Столыпина не было достигнуто; наоборотъ, послѣ его рѣчи и послѣ замѣчанія Черносвитова, что слова Аладьина не слѣдуетъ принимать за мнѣніе думы,—Аладьинъ въ третій разъ появляется на трибунѣ и еще подтверждаетъ отъ имени трудовой группы, что за безопасность министровъ онъ и его группа не ручаются. Напряженіе достигло крайнихъ предѣловъ; оставлять всю эту упорно и безъ надобности повторяемую угрозу безъ поясненія съ нашей стороны—значило къ ней присоединяться значило заявлять ее отъ имени обѣихъ, составляющихъ большинство думы, фракцій. Въ эту-то минуту, когда пренія уже были закончены и говорить по существу уже было невозможно,—Набоковъ воспользовался моментомъ «личныхъ объясненій» и подъ видомъ «личнаго объясненія» отмежевалъ себя отъ теоріи физическаго воздѣйствія на министровъ, провозглашенной Аладьинымъ. Выступленіе Набокова было предпринято

имъ на личный рискъ и страхъ — событія шли такъ быстро, что некогда было и совѣщаться. Въ приподнятой атмосферѣ думскаго зала оно вызвало негодованіе на скамьяхъ трудовиковъ, вызвало и броженіе въ средѣ нашей фракціи. Броженіе въ средѣ фракціи улеглось вечеромъ въ тотъ же день, когда въ экстренномъ засѣданіи фракціи вопросъ подвергся подробному, затянувшемуся за полночь, обсужденію, послѣ котораго фракція путемъ тайнаго голосованія единогласно одобрила поведеніе Набокова. Но въ средѣ трудовой группы, въ безпартійныхъ общественныхъ кругахъ и безпартійной печати инцидентъ съ Сѣдельниковымъ послужилъ только къ вящшему заклейменію измѣнической кадетской тактики.

Благодаря инциденту съ Сѣдельниковымъ, начало слушанія бѣлостокскаго погрома было объявлено только въ 3 часа дня. Но тутъ внезапно воздвигнуто было новое препятствіе. Стаховичъ возбудилъ обширныя пренія объ отсрочкѣ вопроса въ виду его неподготовленности. Десять слишкомъ ораторовъ выступили по этому вопросу, самъ Стаховичъ произнесъ три обширныя рѣчи,—12 столбцовъ стенографическаго отчета наполнены одними этими предварительными спорами. Злые языки утверждали, что вся эта затѣя съ отсрочкою засѣданія была предпринята въ угоду Столыпину; она странно дисгармониро-

вала, на мой взглядъ (а по мнѣнію людей подозрительныхъ, наоборотъ, странно совпадала), съ мнѣніями, высказанными за нѣсколько минутъ до открытія преній товарищемъ Стаховича по партіи, гр. Гейденомъ:

— Что же вы думаете предложить думѣ? говорилъ онъ намъ; обсуждать и принять формулу перехода съ недовѣріемъ? Помилуйте, когда власти убиваютъ невинныхъ младенцевъ, нельзя же ограничиваться выраженіемъ недовѣрія; тутъ нужно нѣчто экстраординарное; ну хоть какое-нибудь особенное слѣдствіе, съ участіемъ высшихъ сановниковъ, сенаторовъ, что ли!

Поражало только то, что въ заключеніе этого горячаго протеста графъ Гейденъ тоже находилъ, что лучше въ этихъ видахъ (въ видахъ рѣшенія вопроса о снаряженіи особаго слѣдствія) слушаніе дѣла пока что сегодня отложить.

Часовая стрѣлка подходила уже, если не ошибаюсь, къ половинѣ пятаго, когда, наконецъ, предсѣдатель объявилъ, что дума рѣшила приступить къ слушанію доклада, и когда на трибуну вступилъ докладчикъ Арканцевъ.

Всякая надежда на окончаніе вопроса въ этотъ день была, очевидно, потеряна; мало того: въ виду обширности доклада Арканцева, пришлось даже доклады Щепкина и Якубсона отложить. Столыпинъ, говорятъ, былъ удовлетворенъ: онъ явился-де отвѣчать, но отвѣчать не приш-

лось. Такъ и не пришлось до конца: отвѣтить Столыпинъ собрался уже 10 іюля, и рѣшился заявить объ этомъ своемъ желаніи тогда, когда указъ о роспускѣ думы былъ уже подписанъ: въ ночь съ 8-го на 9-е дума была распущена.

Оборванный волею случайности въ самомъ началѣ, бѣлостокскій вопросъ не могъ уже вернуться въ надлежащее русло: на слѣдующій день 23-го, онъ имѣлъ уже конкуррента въ видѣ весьма спѣшнаго продовольственнаго закона, въ слѣдующихъ засѣданіяхъ, 26-го и 27-го, появилось уже аграрное обращеніе. 30 іюня и 3 іюля являлись въ думу товарищи министровъ для дачи отвѣтовъ по запросамъ. Бѣлостокскій вопросъ мелкими кусками присоединялся затѣмъ къ каждому засѣданію, онъ терялъ въ своей выпуклости и силѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ создавалось ложное представленіе; будто дума только имъ и занимается. Всѣ усилія прекратить пренія путемъ добровольныхъ отказовъ были безуспѣшны, и только когда, послѣ треволненій, пережитыхъ 4—6 іюля съ аграрнымъ сообщеніемъ, дума сознала потребность перейти какъ можно скорѣе къ законодательной работѣ, въ послѣднемъ засѣданіи думы 7 іюля, удалось пренія прекратить и принять мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ [1]).

---

[1]) Г.г. Данъ и Б-въ (стр. 140) ошибочно утверждаютъ, будто «8 іюля, когда дума была разогнана, она все еще не кончила своихъ

XIV.

На слѣдующій день послѣ сѣдельниковскаго инцидента, 23-го іюня, сталъ на очередь продовольственный вопросъ (бѣлостокскому погрому было удѣлено только 2 часа), и по этому вопросу, какъ уже указано, вновь произошелъ расколъ между нами и лѣвыми группами, которыя отказывали правительству въ передачѣ необходимыхъ для продовольствія суммъ и требовали образованія для сего, волею закона, новыхъ мѣстныхъ организацій.

Тучи тѣмъ временемъ на политическомъ горизонтѣ стали сгущаться. 20 іюня появилось правительственное сообщеніе по аграрному вопросу.

Въ борьбѣ правительства съ думою аграрный вопросъ занялъ центральное мѣсто еще въ деклараціи 13 мая. Встрѣтившись съ рѣзкимъ отпоромъ со стороны думы, правительство рѣшило апеллировать къ странѣ: текстъ правительствен-

---

«преній» по этому (бѣлостокскому) вопросу и не приняла никакого рѣшенія. Изъ этого дѣлается, конечно и соотвѣтственный выводъ о томъ, что кадетская дума «не желала приступить къ дѣйствительной, а не словесной борьбѣ съ министерствомъ и, наоборотъ сильно желала затопить ужасный «погромный» вопросъ въ потокѣ рѣчей... она желала отговориться отъ труднаго вопроса, а не рѣшить его» Г.г. Данъ и Б-въ, очевидно, не познакомились съ стенографическими отчетами за послѣдніе два дня (6 и 7 іюля), офиціально не распубликованными, помѣщенными, однако, во всѣхъ столичныхъ газетахъ отъ 7 и 8 іюля.

ной декларацiи былъ распространяемъ при посредствѣ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ а когда обнаружилось, что это краткое и рѣшительное «Non possumus» не дѣйствуетъ, когда не подѣйствовали даже и льстивыя по адресу крестьянъ рѣчи Гурко въ государствен. думѣ,—рѣшено было обратиться къ народу съ подробною критикою думскихъ предположенiй и—что главное —противоположить думѣ верховную власть, какъ единственный источникъ преуспѣянiя крестьянской массы. Какъ слѣдовало думѣ реагировать на такую попытку, рѣшить теперь, ex post, трудно, да и безполезно. Быть можетъ, мы переоцѣнили возможное дѣйствiе правительственныхъ декларацiй, рѣчей и сообщенiй и потому не въ мѣру сильно реагировали: правительство пользовалось въ населенiи слишкомъ малымъ довѣрiемъ, чтобы его заявленiя могли кого-нибудь серьезно въ чемъ-либо убѣдить. Но несомнѣнно, что на весь ходъ исторiи аграрнаго обращенiя роковое влiянiе оказала уже не эта переоцѣнка и не вызванная ею рѣзкая реакцiя,—а все то же разъѣдающее и, въ концѣ концовъ, разложившее думу отношенiе трудовой группы къ своимъ задачамъ и къ господствующей партiи.

Вопросъ объ аграрномъ сообщенiи возникъ совершенно незамѣтно; незамѣтно, необычными для такого вопроса путями двигался онъ внѣ открытаго засѣданiя думы, а когда вышелъ, на-

конецъ, на свѣтъ Божій, то раздраженное отношеніе партій въ думѣ сразу придало ему такой характеръ, что онъ внезапно превратился въ поводъ для роковой развязки.

Мысль о реакціи на аграрное сообщеніе правительства зародилась впервые въ одной изъ аграрныхъ подкомиссій, засѣдавшей въ боковомъ думскомъ залѣ 20 іюня вечеромъ. Въ одно время съ ней, въ другомъ залѣ, засѣдала комиссія о гражданскомъ равенствѣ, въ которой принимали участіе между прочимъ: Кокошкинъ, Котляревскій и я. Насъ троихъ то и дѣло отрывали отъ занятій, вмѣстѣ или порознь вызывая на совѣщаніе туда, гдѣ послѣ окончанія засѣданія подкомиссіи остались для обсужденія вопроса о правительственномъ сообщеніи члены подкомиссіи Обнинскій, Аладьинъ и еще кто-то; на столѣ лежалъ листъ вечернихъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» съ corpus delicti.

Какъ на единственную форму реакціи со стороны думы, указывалось на спѣшный запросъ правительству: ни о чемъ другомъ рѣчь тогда не заходила. Съ нами и консультировали по вопросу о формулировкѣ запроса. Если мнѣ память не измѣняетъ, кое что тутъ же было набросано; въ остальномъ трудъ былъ распредѣленъ между Обнинскимъ и Аладьинымъ. Аладьинъ, помнится, почему-то очень горячо убѣждалъ насъ поступиться бѣлостокскимъ вопросомъ и перенести

его съ четверга, 22-го, на пятницу, 23-е, оставивъ четвергъ для аграрнаго сообщенія; это по словамъ Аладьина, ссылавшагося на свой заграничный газетно-репортерскій опытъ, будетъ огромный выигрышъ для бѣлостокскаго вопроса, ибо печать въ теченіе двухъ слѣдующихъ за пятницей не-думскихъ дней только и будетъ дѣлать, что жевать бѣлостокскій погромъ. Мы, насколько, припомню, были крайне поражены этой своеобразной приманкою, но на нее не полакомились; мы просто заявили, что, поскольку это будетъ отъ насъ зависѣть мы, естественно столь спѣшнаго запроса, когда бы онъ ни явился, ни чѣмъ тормазить не будемъ.

Затѣмъ вопросъ, оставшійся на попеченіи отдѣльныхъ случайныхъ лицъ, исчезъ съ лица земли, для того, чтобы явиться въ государственную думу только 6 дней спустя, 26 іюня; а за 6 дней всякій запросъ, самый острый, теряетъ характеръ спѣшности и не приковываетъ къ себѣ больше вниманія. Это случилось и съ аграрнымъ запросомъ.

26-го іюня (т. е. въ слѣдующемъ послѣ 23 іюня засѣданіи думы) появились къ тому же на повѣсткѣ двѣ правительственныхъ отписки, готовыя вновь вызвать взрывъ, возвращающія думу къ вопросамъ старымъ, уже полузабытымъ. Одна изъ нихъ исходила отъ военнаго министра и разъясняла, что государственная дума не вправѣ

дѣлать запросы о рѣшеніяхъ военнаго суда, какъ учрежденія судебнаго, а не административнаго; другая исходила отъ самого Горемыкина и относилась все къ тѣмъ же злополучнымъ телеграммамъ въ «Прав. Вѣстникѣ». Она была помѣчена *24 іюня* и содержала отвѣтъ на требованіе думы, адресованное Горемыкину *3 іюня*. Одно сопоставленіе этихъ двухъ датъ представляется весьма характернымъ: въ теченіе всей середины іюня правительство не смѣло вередить ранъ думы — оно молчало. Сдѣлавъ аграрное сообщеніе оно дерзнуло опять выступить, чтобы ликвидировать свои старые счеты съ думою.

Мы, съ своей стороны, приняли мѣры, чтобы не осложнять засѣданія, въ которомъ долженъ былъ впервые появиться вопросъ объ аграрномъ сообщеніи, въ которомъ должно было продолжаться и, если можно, закончиться—при участіи тщетно ожидавшагося Столыпина—обсужденіе Бѣлостока. Мы потому предложили первый вопросъ, о рѣшеніяхъ военнаго суда, отложить до пятницы, до обычнаго запроснаго дня, а затѣмъ уже по инерціи внесено было предложеніе объ отложеніи до пятницы и второго вопроса. Оба предложенія, къ изумленію нашему, не встрѣтили никакихъ возраженій: вопросы, видимо, сами по себѣ начали терять интересъ, да и вниманіе думы было приковано къ болѣе важнымъ предметамъ. И дѣйствительно, когда затѣмъ во-

просъ о телеграммахъ былъ поставленъ на очередь 30 іюня, то дума безъ преній и единогласно приняла мотивированный переходъ, предложенный отъ имени нашей фракціи Набоковымъ: второй вопросъ—о военныхъ судахъ—тогда же рѣшено было отложить до слѣдующаго пятницы (стр. 1872), не приступая къ обсужденію его по существу. Почти та же участь постигла въ томъ же засѣданіи и отвѣтъ Горемыкина отъ 25 іюня по поводу 6 запросовъ о смертныхъ казняхъ, содержащій только глухую ссылку на прежніе отвѣты. Дума уже на него не реагировала. Мѣткая фраза Набокова («если отвѣтъ тождественъ, то тождественно и то негодованіе, которое испытываетъ дума»), двѣ негодующія рѣчи (Жилкина и Гредескула) отъ имени двухъ фракцій, и дума, не формулируя никакихъ мотивовъ, обратилась къ слѣдующему пункту повѣстки.

Эти робкія попытки правительства вновь вступить въ партизанскую войну съ думою вскорѣ опять, впрочемъ заглохли: бѣлостокскія пренія и особенно докладъ посланныхъ въ Бѣлостокъ делегатовъ, переданный немедленно по телеграфу иностранными корреспондентами во всѣ западноевропейскіе органы печати, повидимому, сильно поколебали кредитъ правительства передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра. Къ этому присоединилось совершенно неожиданное для министерства пораженіе въ гос. совѣтѣ, отказавшемъ

въ увеличеніи ассигнованнаго думою кредита на продовольственную помощь. Министерство почувствовало себя опять слабымъ. Моментъ сдачи опять казался близкимъ. И, быть можетъ, это именно ощущеніе ослабило на нѣкоторое время нашу бдительность.

Въ такой обстановкѣ 26 іюня слушается вопросъ объ аграрномъ сообщеніи, слушается въ качествѣ спѣшнаго запроса. Ходъ этого засѣданія чрезвычайно характеренъ. Читается запросъ, въ которомъ, между прочимъ, подчеркивается, что министерское сообщеніе неправильно названно исходящимъ отъ правительства, ибо дума есть тоже часть правительства. Эта редакція запроса вызываетъ возраженія: Кузьминъ-Караваевъ указываетъ, что смыслъ термина «правительство» не настолько еще у насъ ясенъ, чтобы на самомъ терминѣ строить какіе-либо выводы. И только деп. Обнинскій (к.-д.) также ничего другого не предлагаетъ и высказываетъ лишь сожалѣніе, что «мы не можемъ своихъ выводовъ, своихъ резолюцій распубликовывать во всеобщее свѣдѣніе; это является чрезвычайно крупнымъ недостаткомъ въ положеніи о гос. думѣ и объ этомъ слѣдовало бы возбудить спеціальный вопросъ». На это Кузьминъ-Караваевъ указываетъ, что спеціальнаго вопроса возбуждать не приходится, такъ какъ въ докладѣ издательской комиссіи уже внесенномъ въ думу, соот-

вѣтственное правило содержится [1]), а потому онъ предлагаетъ: передавъ запросъ для перередактированія въ комиссію о запросахъ «поручить той же комиссіи или комиссіи аграрной, какъ болѣе компетентной въ настоящемъ дѣлѣ, выработать проектъ *мотивированнаго постановленія гос. думы— постановленія или формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ*— это все равно, во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ контръ-сообщенія, такого контръ-сообщенія, которое могло бы быть распубликовано отъ лица гос. думы». А вслѣдъ за нимъ членъ думы Якушкинъ поясняетъ, что мы обязаны отвѣтить на сообщеніе, которое возмущаетъ народъ, «такимъ сообщеніемъ отъ имени гос. думы, которое должно его успокоить, чтобы народъ видѣлъ, что она, гос. дума, не отказалась отъ своихъ начинаній». Запросъ передается затѣмъ въ комиссію 33-хъ, и на слѣдующій день измѣненная редакція его безъ преній принимается думою (стр. 1793). Составленіе же «формулы перехода или мотивированнаго постановленія», подлежащаго распубликованію, или,— какъ назвалъ его предсѣдатель при голосованіи и какъ называлъ его Якушкинъ въ своей рѣчи,— проектъ «сообщенія отъ государственной думы»,—сообщенія, которое «должно успокить населеніе»,—поручено было составить аграрной комиссіи.

[1]) Оно было принято думою въ слѣдующемъ же засѣданіи думы, 27 іюня (стен. отч. стр. 1774).

Этими безобидными разсужденіями исчерпанъ былъ вопросъ 26 іюня на все время до внесенія аграрною комиссіею своего проекта, т. е. до 4 іюля. А когда 27 іюня, по докладу М. А. Стаховича, было принято предложенное издательскою комиссіею общее правило о распубликованіи думою ея «постановленій и мотивированныхъ переходовъ», то даже тѣнь новизны въ предложеніи Кузьмина-Караваева отпала, и никакого интереса къ нему болѣе не замѣчалось.

Въ нашей фракціи о немъ, помнится, даже почти и рѣчи не было. Предсѣдатель аграрной комиссіи Мухановъ какъ-то докладывалъ о немъ кратко во фракціи, но настоящаго внутренняго интереса къ нему не ощущалось. Очередное наше фракціонное засѣданіе должно было состояться въ среду, 5 іюля. По требованію Милюкова, было назначено для нетерпящаго отлагательства вопроса экстренное засѣданіе въ понедѣльникъ, 3 іюля, т. е. наканунѣ обсужденія аграрнаго сообщенія. Но засѣданіе это было назначено не для обсужденія вопроса объ аграрномъ сообщеніи—о немъ и слова не было сказано,—а для ознакомленія фракціи съ вопросомъ о возможномъ думскомъ министерствѣ: вопросъ былъ настолько жгучъ, что не терпѣлъ отлагательства даже на два дня, до среды, до очередного засѣданія фракціи. На слѣдующій день, 4 іюля, утромъ, опять происходило собраніе

фракціи, на которомъ разбирались разные организаціонные вопросы,—между прочимъ, предложеніе Кокошкина и мое о замѣнѣ насъ кѣмъ-либо другимъ въ комиссіи о собраніяхъ; фракція не удовлетворила нашей просьбы, рѣшила насъ оставить въ комиссіи, и такъ какъ комиссія какъ разъ въ это время засѣдала,—просила немедленно туда отправиться. Передъ моимъ уходомъ, помню, Петражицкій возбудилъ вопросъ объ аграрномъ сообщеніи, настаивая на необходимости отсрочить его разсмотрѣніе въ думѣ. Но обсуждался ли этотъ вопросъ и чѣмъ былъ рѣшенъ, не знаю, такъ какъ, согласно рѣшенію фракціи, я въ серединѣ засѣданія уѣхалъ, передавъ предсѣдательствованіе И. И. Петрункевичу. И когда затѣмъ въ думѣ поставленъ былъ вопросъ о сообщеніи, и Петражицкій обратился ко мнѣ съ требованіемъ отсрочки обсужденія, согласно рѣшенію фракціи, я могъ его только направить къ Петрункевичу, который, однако, иначе, очевидно, понялъ рѣшеніе фракціи и настоялъ на слушаніи вопроса. Все это было такъ понятно; въ предположеніяхъ нашихъ не было ничего экстраординарнаго, вопросъ тянулся уже слишкомъ двѣ недѣли; для чего было его откладывать?

Зловѣщимъ признакомъ считалось только появленіе въ тотъ день въ министерской ложѣ Столыпина, который, если не ошибаюсь, не

ѣздилъ въ думу уже со времени перваго бѣлостокскаго дня, съ 22 іюня. Онъ сидѣлъ весь день и тщательно все записывалъ. Въ то же время съ улицы, отъ репортеровъ и изъ разныхъ устъ въ кулуарахъ, стали распространяться слухи, что на аграрное сообщеніе въ сферахъ начинаютъ обращать вниманіе. Но тѣмъ скорѣе нужно было напомнить истинный смыслъ сообщенія,—тотъ единственный смыслъ, который ему придавался въ думѣ и 26 іюня, и ранѣе, при первоначальномъ обсужденіи. Когда подошелъ обычный часъ запросовъ (6 час. веч.), мы имѣли возможность оборвать сужденія, отложить ихъ до слѣдующаго дня, а тѣмъ временемъ вновь обсудить положеніе и отказаться вовсе отъ сообщенія. Но мы этого не сдѣлали,—мы не желали отступаться, и незачѣмъ намъ было отступаться: мы желали только ясно и рѣзко подчеркнуть нашу основную точку зрѣнія, которую — это уже чувствовалось—не понимали или не желали понять—въ равной мѣрѣ и правительство, и наши союзники слѣва. Устами Котляревскаго мы и сдѣлали предложеніе продолжить засѣданіе до окончанія перваго чтенія, т. е. до момента, когда принципіально рѣшится вопросъ о принятіи сообщенія, послѣ чего можетъ уже идти рѣчь только о редакціи.

Во время обѣда происходило наше комитетское засѣданіе. По предложенію Ледницкаго, по-

ставленъ былъ на обсужденіе вопросъ объ умѣстности самаго сообщенія. Ледницкій находилъ сообщеніе несвоевременнымъ; онъ усматривалъ въ немъ опасность для думы и потому предлагалъ ограничиться мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ. Мы предпочли этому отступленію, ничѣмъ по существу не оправдываемому, наоборотъ, возможно рѣзкую постановку, подчеркивающую и обязанность думы сдѣлать предлагаемый ей шагъ, и полную конституціонность его въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ предположенъ.

И когда затѣмъ Ледницкій выступилъ въ думѣ съ торжественнымъ призывомъ къ составленію истиннаго «манифеста къ народу» и съ суровою критикою нынѣшняго «ничтожнаго» обращенія, котораго-де не стоитъ и издавать, а потому... лучше ограничиться переходомъ къ очереднымъ дѣламъ,—то комитетъ счелъ такого рода заявленія не соотвѣтствующими партійной дисциплинѣ и черезъ Набокова предложилъ Ледницкому объявить, что онъ излагалъ личныя свои, а не партійныя воззрѣнія. А лѣтописецъ трудовой группы, да и вся группа, бурно аплодировавшая Ледницкому, не замѣчая яда его рѣчи и не прислушиваясь даже къ его окончательному предложенію, радовались тому, что имѣются-де столь лѣвые кадеты, и что только ненавистный кадетскій центръ заставляетъ ихъ объявлять именно

эту лѣвизну личнымъ ихъ, а не партійнымъ качествомъ.

Отношеніе къ рѣчи Ледницкаго не-кадетскихъ группъ въ думѣ представляется вообще чрезвычайно характернымъ для отношеній внутри думы.

«Мысль объ апеллированіи къ народу»—говоритъ по поводу этой рѣчи г. Локоть—«зародилась, развивалась и крѣпла не только въ трудовой группѣ, но и въ к.-д. фракціи... Горячій, блестящій, хотя, можетъ быть, и неожиданный призывъ къ «манифесту» въ одной изъ послѣднихъ рѣчей Ледницкаго, вызвавшій взрывъ бурныхъ аплодисментовъ со стороны лѣвыхъ группъ, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ укрѣплявшееся господство мысли о «манифестѣ» и въ средѣ кадетовъ. Что Ледницкаго тутъ же заставили взять его призывъ къ «манифесту» исключительно на себя, сохранивъ комитетъ кадетской фракціи незапятнаннымъ, это нисколько не доказываетъ противнаго. Какъ ни хотѣли кадеты...» [1]) и т. д., и т. д.

Соціалъ-демократическіе авторы не одобряютъ Ледницкаго и, тѣмъ не менѣе, сваливаютъ вину на «кадетовъ»: «Кадеты—одни, какъ проф. Петражицкій, говорили противъ обращенія, какъ противъ акта, якобы унижающаго достоинство думы тѣмъ, что оно ставитъ думу «на одну доску» съ министрами; другіе, какъ Ледницкій, дѣлали свое дѣло болѣе ловко подъ предлогомъ

[1]) Стр. 292.

необходимости для думы *впослѣдствіи* выработать «манифестъ къ народу», предлагали *теперь* отказаться отъ обращенія и ограничиться «переходомъ къ очереднымъ дѣламъ» (стр. 150).

А г. Брянчаниновъ, правый лѣтописецъ послѣднихъ дней думы, повидимому, одобряетъ Ледницкаго за «хитрость», но также, конечно, не одобряетъ кадетовъ за то, что не послѣдовали «хитрому» совѣту. «Видя, что ничего не помогаетъ—поясняетъ онъ,—что трудовики и кадетскіе главари заранѣе предрѣшили открытое выступленіе думы на революціонный путь, д. Ледницкій попробовалъ пуститься на хитрость и удержать думу отъ вотировки воззванія указаніемъ, что оно не полно и мягко и что нужно было бы, выбравъ подходящее время, издать манифестъ, подробно обсудивъ его редакцію во всѣхъ его частяхъ. Очевидно, этимъ деп. Ледницкій хотѣлъ только задержать рѣшеніе вопроса и дать горячимъ головамъ возможность и время одуматься... Но ни прямыя указанія на опасность шага, затѣяннаго главарями думы, ни хитрость Ледницкаго не помогли...» [1]).

Уже указанное отношеніе трудовой группы къ рѣчи Ледницкаго не предвѣщало ничего хорошаго: чувствовалось, что пойдетъ нелѣпый изнурительный споръ о формѣ, что будетъ сдѣлана попытка сказать народу не просто, что правительство ложно выдаетъ себя за власть

---

[1]) Брянчаниновъ. Роспускъ думы, 52—53.

всемогущую, а нѣчто покрѣпче—покрѣпче не по существу, а именно по формѣ, ибо ни къ чему болѣе опредѣленному по существу, а не по формѣ только, трудовики и не могли призывать населеніе. Въ этомъ и заключалась вся трагедія трудовой группы—и, если угодно, трагедія всего этого момента русской жизни, что у трудовой группы, не являющейся партіею, не имѣющей никакихъ отдѣльныхъ отъ насъ тактическихъ средствъ, отгораживающей себя отъ «настоящей» революціи, было тѣмъ не менѣе поползновеніе отдѣлять себя еще въ большей мѣрѣ отъ насъ болѣе рѣзкими *рѣчами о революціи!* Трудовики—если, вообще, можно дѣлать о нихъ обобщенія, при отсутствіи среди нихъ единства и пестротѣ основныхъ взглядовъ—въ общемъ, вѣрили въ думу и въ магическое ея вліяніе не меньше нашего: нѣтъ почти ни одной рѣчи трудовика въ думѣ, въ которой бы эта—и только эта—мысль не подчеркивалась съ особенною силою: дума-де единственное спасеніе, народъ въ думу вѣритъ, только думою онъ и сдерживается въ своихъ порывахъ,—пропади эта вѣра, и начнется стихійное движеніе, которое можетъ унести съ собою все, что добыто и т. д., и т. д.

Въ этомъ именно и была близость трудовиковъ съ нами, въ этомъ и различіе ихъ отъ всѣхъ тогдашнихъ болѣе лѣвыхъ группъ. И когда мы это самое пожелали сказать народу, когда

пожелали заявить ему: не вѣрь тѣмъ, кто желаетъ тебя свести съ пути истиннаго, стой при своей вѣрѣ, мирно жди, доколѣ дума существуетъ, ибо законодательствуетъ дума, а не министры,—трудовики потребовали исключенія словъ, не рѣшаясь и не умѣя сказать, мѣняютъ ли они и дѣло. Если бы противъ обращенія спорили соц.-демократы, если бы спорили противъ него, вообще, партіи, призывающія къ иному, болѣе непосредственному способу разрѣшенія задачи, это было бы понятно. Но въ устахъ трудовиковъ это была одна словесность—не болѣе. Ибо если ужъ вѣра въ думу и у нихъ пропала, то надо было имѣть мужество прямо это заявить, отнять и у народа эту вѣру и призвать его на другіе пути; поступили же мы такъ недѣлю спустя, когда у насъ на самомъ дѣлѣ вырвали изъ-подъ ногъ основу, на которой мы строили всѣ свои надежды! Но, открещиваясь пока отъ всякихъ другихъ путей, трудовики усердно рыли только между нами пропасть изъ словъ, словъ и словъ... Въ пылу словесной борьбы заострено много было много угловъ тамъ, гдѣ это вовсе на дѣлѣ не требовалось, и слишкомъ много было сказано такого, подъ чѣмъ не крылось въ сущности никакой реальности...

Такое настроеніе трудовой группы почувствовалось уже въ преніяхъ 4 іюля. Оно не могло

повліять и не повліяло, какъ видно изъ описаннаго выше хода засѣданія 4 іюля, на наше рѣшеніе сдѣлать то именно сообщеніе, на которое мы рѣшились. Но оно должно было заставить насъ принять мѣры къ тому, чтобы та мысль, которая съ самаго начала лежала въ основѣ сообщенія, не была затемнена, а, наоборотъ, выступила со всею ясностью.

5 іюля, вечеромъ было созвано съ этою цѣлью фракціонное засѣданіе. Я опоздалъ къ началу засѣданія. Пріѣхавъ, засталъ Милюкова излагающимъ политическое положеніе момента. Послѣ этого пошли пренія, чрезвычайно возбужденныя. Возбужденіе было вызвано тѣмъ, что, подъ вліяніемъ распространившихся весьма грозныхъ слуховъ, нѣкоторые члены возбудили вопросъ объ умѣстности обращенія вообще, что вызвало ропотъ и возгласы неудовольствія въ средѣ остального собранія. Огромное большинство высказывалось за безусловное сохраненіе разъ занятой позиціи, и въ такомъ именно смыслѣ вопросъ былъ рѣшенъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 5. Но столь же единодушно собраніе признало необходимымъ ту мысль, которая содержалась въ принятомъ уже думою проектѣ,—призывъ къ населенію «мирно и спокойно» ждать окончанія работъ думы,—сохранить и на ней настаивать, тѣмъ болѣе, что если трудовая группа этому мѣсту припи-

сываетъ такое центральное значеніе, она, голосуя за текстъ обращенія въ первомъ чтеніи, сама одобрила и это мѣсто: она можетъ при второмъ чтеніи предлагать измѣненія текста, можетъ при постатейномъ чтеніи голосовать и за свои поправки, но она логически не можетъ отвергать въ послѣднемъ чтеніи весь текстъ изъ-за оставленія въ немъ той фразы, которая уже содержалась въ первоначальномъ текстѣ, вотированномъ въ первомъ чтеніи. Въ такой же мѣрѣ рѣшено протестовать противъ обнаружившейся попытки превратить «сообщеніе» въ «обращеніе къ народу». Хотя въ своемъ предположенномъ обращеніи трудовики въ сущности ни къ чему народъ не призывали, но самая туманность термина представлялась намъ нежелательной, и мы рѣшили держаться строго въ первоначальныхъ конституціонныхъ предѣлахъ.

Кромѣ основного, выдвинутаго такъ рѣзко трудовою группою вопроса, обсужденію и критикѣ подверглись и другія части предложеннаго аграрною комиссіею текста. Для окончательнаго редактированія поправокъ избрана была особая комиссія, въ составѣ кн. Львова, Обнинскаго, Щепкина и меня. Комиссія съ утра 6 іюля собралась у меня на квартирѣ. Прежде всего единогласно рѣшено было: заключительную часть текста аграрной комиссіи сдѣлать вступленіемъ и поставить ее въ связь съ даль-

нѣйшимъ. Проекты такого вступленія и дальнѣйшихъ поправокъ были предложены кн. Львовымъ и мною. Комиссія остановилась на проектѣ кн. Львова, и, внеся въ него кое какія измѣненія, намѣтила кн. Львова и докладчикомъ въ думѣ. Съ выработаннымъ нами проектомъ мы отправились къ часу дня въ думу, гдѣ должна была еще разъ собраться фракція для выслушанія нашего доклада. Докладъ здѣсь, по просьбѣ кн. Львова, былъ сдѣланъ мною. Обсужденіе велось съ большою поспѣшностью, времени были мало, измѣненія наши были довольно значительны. Фракція въ большинствѣ случаевъ съ нашими предложеніями не согласилась и число поправокъ къ первоначальному тексту значительно сократила. Вслѣдствіе этого князь Львовъ отказался отъ доклада въ думѣ; отклонилъ и я сдѣланное мнѣ предложеніе, и докладчикомъ былъ избранъ И. И. Петрункевичъ. Петрункевичу всѣ техническія детали редакціи—вопросъ о томъ, какая фраза стараго текста выброшена, что чѣмъ замѣнено и проч.—были незнакомы, такъ какъ онъ въ комиссіи не участвовалъ, и эта на первый взглядъ незначительная подробность возымѣла затѣмъ—какъ это ни странно—весьма печальныя послѣдствія.

Въ сущности результатомъ всей работы комиссіи и фракціи явились всего 4 поправки—всѣ эти поправки были мною отдѣльно выписаны и

размѣчены римскими цифрами I, II, III, IV на листѣ, переданномъ Петрункевичу; онъ съ этимъ листомъ и отправился на трибуну. Но такъ какъ мы въ засѣданіи фракціи, для цѣльности впечатлѣнія, читали все обращеніе въ нашей редакціи подрядъ, то и Петрункевичъ счелъ болѣе правильнымъ отступиться отъ формы, не вносить отдѣльно поправокъ, и прочесть все обращеніе сразу подъ-рядъ. Этотъ, ошибочный на мой взглядъ, шагъ сразу же поднялъ противъ насъ настроеніе: раздались голоса, что мы вносимъ новое предложеніе, что мы отъ чего-то отступились и желаемъ прикрыться, «подставить на мѣсто одного другое» (Рамишвили). Одинъ изъ трудовиковъ (Бусловъ) даже потребовалъ отсрочки засѣданія, такъ какъ они «должны были знать новое предложеніе гораздо раньше», а Жилкинъ формально, отъ имени трудовой группы, требовалъ «возвращенія проекта Петрункевичу», какъ «совершенно новаго и запоздалаго». И напрасно Петрункевичъ тутъ же пояснилъ, что у него имѣется изложеніе нашихъ поправокъ порознь, что въ такомъ качествѣ онъ ихъ и вноситъ,—накопившееся раздраженіе искало себѣ исхода и нашло его. До этого момента возбужденіе трудовиковъ было въ сущности безпредметно; оно и не выражалось внѣшнимъ образомъ, и ничто не предвѣщало рѣшительнаго раскола. Они съ утра ждали рѣшенія нашей

фракціи, и когда узнали, что мы оставили слова «мирно и покойно»,—никакихъ рѣшительныхъ заявленій намъ не сдѣлали, ибо понимали, что въ этомъ основномъ для нихъ пунктѣ *не мы* измѣняемъ первоначальный текстъ. Они колебались, дѣлали весьма мягкія мирныя попытки какъ-нибудь уломать насъ, все ихъ поведеніе заставляло предполагать, что, въ концѣ концовъ, они съ нами согласятся. Все это было до открытія засѣданія. Но какъ только была брошена и подхвачена мысль, что кадеты дѣлаютъ «новое предложеніе», чувство недовольства нашло себѣ предметъ, и полились негодующія рѣчи; раздвоеніе между оппозиціею все рѣзче подчеркивалось, и исходъ голосованія становился все болѣе гадательнымъ. Что вопросъ о мнимомъ «новомъ предложеніи» являлся при этомъ только внѣшнимъ поводомъ—не больше,—лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что пренія всѣ вращались исключительно около старой фразы аграрной комиссіи о «мирномъ и покойномъ» и не затрагивали никакой новой части обращенія. Къ вечеру, во время рѣчи Стаховича, весь лѣвый флангъ зала опустѣлъ; мы предполагали, что трудовики и соціалъ-демократы этимъ путемъ желаютъ воздержаться отъ дальнѣйшаго участія въ обсужденіи. Но черезъ нѣкоторое время залъ опять наполнился, и соц.-демократы заявили, что они будутъ голосовать противъ обращенія. Это

было ясно и послѣдовательно. Что предполагаютъ дѣлать трудовики, не было извѣстно до послѣдней минуты. Такая же неясность царила долгое время и въ польскомъ коло. Поляки потребовали внесенія поправки, которая подчеркивала бы автономность отдѣльныхъ областей въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса. Они обращались съ этимъ къ Петрункевичу, какъ предсѣдателю фракціи, но Петрункевичъ нашелъ эту поправку для насъ непріемлемою, и поляки, въ концѣ концовъ, рѣшили воздержаться отъ голосованія. Такъ какъ правые и поляки Западнаго края голосовали рѣшительно противъ, то все зависѣло отъ рѣшенія трудовиковъ. Передъ самымъ голосованіемъ и они заявили, что воздерживаются отъ голосованія, и этимъ участь вопроса была рѣшена: аграрное сообщеніе было принято одними голосами народной свободы, которыхъ оказалось къ моменту голосованія (около 2 час. ночи) всего 124. Оно являлось не актомъ всего народнаго представительства, импонирующимъ не только смѣлостью замысла, но и единодушіемъ и приподнятостью создавшаго его настроенія. Оно родилось, какъ вымученный продуктъ побѣды одной партіи, появившейся на свѣтъ при злобномъ негодованіи однихъ и угрюмомъ молчаніи другихъ. И—что важнѣе всего—процессомъ своего рожденія оно обнаружило неспособность думы, какъ цѣлаго, создать въ нужный моментъ дружное, сплоченное большинство

Идея о думскомъ министерствѣ получила здѣсь самый тяжкій ударъ, а между тѣмъ дилемма формулировалась вѣдь давно уже такъ: либо думское министерство, либо роспускъ думы... Давшей трещину храминѣ можно было нанести и рѣшительный ударъ. Для этого не требовалось уже очень много храбрости.

XV.

Дума просуществовала послѣ этого голосованія еще одинъ день. Всѣ чувствовали потребность перейти скорѣе къ законодательной работѣ: нервы были слишкомъ напряжены, требовалась хоть передышка. По пути стоялъ еще одинъ острый вопросъ, требовавшій разрѣшенія. Изъ провинціи доходили вѣсти о вспыхивающихъ то тамъ, то сямъ аграрныхъ волненіяхъ, и въ средѣ депутатовъ возникла мысль предложить думѣ отправить делегатовъ на мѣста. Эта мысль особенно отстаивалась у насъ представителями воронежской губерніи. Она была однимъ изъ нихъ (Хрущевымъ) провозглашена и съ трибуны гос. думы: «Я позволю себѣ ходатайствовать о немедленной посылкѣ депутатовъ на мѣста, въ которыхъ произошли наиболѣе сильные аграрные безпорядки. И я ходатайствую, чтобы вопросъ этотъ не откладывался въ долгій ящикъ и чтобы къ его обсужденію приступили немедленно послѣ принятія обращенія гос. думы къ населенію» (стр. 1991). Въ той атмосферѣ,

которая насъ окружала 6 іюля, вопросъ этотъ представлялся чрезвычайно спорнымъ. Съ одной стороны, дума приглашалась сдѣлать новый шагъ въ смыслѣ вступленія въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ; эта сторона дѣла представлялась опасною съ конституціонной точки зрѣнія. Съ другой стороны, практическія послѣдствія предлагаемаго шага представлялись, по меньшей мѣрѣ, гадательными. Какова цѣль делегатовъ? Успокоить населеніе? Но чѣмъ, какими средствами будутъ его успокаивать делегаты? И наконецъ: какъ мѣстныя власти отнесутся къ пріѣзжимъ делегатамъ? Чѣмъ делегаты будутъ ограждены отъ ихъ вмѣшательства, унижающаго достоинство народныхъ представителей?» Эти доводы побѣдили, и въ внутреннемъ фракціонномъ засѣданіи 7 іюля, послѣ оживленныхъ преній, вопросъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

На пути къ спокойной законодательной работѣ стояли далѣе залежи, накопившіяся за послѣднія недѣли: впереди всѣхъ бѣлостокскій вопросъ, затѣмъ неисчерпанный длинный списокъ ораторовъ по отвѣтамъ тов. министровъ Соллертинскаго и Макарова на запросы объ арестахъ, высылкахъ и прочихъ административныхъ притѣсненіяхъ. Эти залежи были немедленно убраны: въ томъ же утреннемъ засѣданіи 7 іюля рѣшено было гильотинировать немедленно

пренія по обоимъ вопросамъ, принять переходы къ очереднымъ дѣламъ и такимъ образомъ расчистить поле для законодательной дѣятельности. Заявленія тутъ же были составлены и подписаны. Такъ какъ была пятница, день запросный, а оба вопроса—и бѣлостокскій, и отвѣты министровъ—слушались въ порядкѣ запросовъ, то они и были поставлены на первую очередь. Прекращеніе преній по Бѣлостоку было принято, если не ошибаюсь, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного[1]). Форма перехода къ очереднымъ дѣламъ по бѣлостокскому вопросу была давно уже предложена Кокошкинымъ; она и была принята съ нѣкоторыми поправками. Для окончательнаго сліянія текста съ поправками, формула была передана въ редакціонную комиссію, которая тотчасъ же удалилась и, исполнивъ свой трудъ, черезъ часъ представила предсѣдателю окончательную редакцію формулы, которая и была оглашена въ томъ же засѣданіи.

Еще быстрѣе дума покончила съ отвѣтами министровъ. Изъ числа записавшихся одинъ только Щепкинъ настаивалъ на своемъ словѣ, такъ какъ онъ обязался передъ избирате-

---

[1]) Голосовалъ противъ прекращенія преній графъ Тышкевичъ, который считалъ своимъ долгомъ высказаться, какъ полякъ, по еврейскому вопросу, и когда, вопреки его желанію, гильотина была принята, онъ напечаталъ свою предположенную рѣчь, съ соотвѣтствующимъ примѣчаніемъ, въ «Рѣчи».

лями освѣтить вопросъ о военномъ положеніи въ Одессѣ. Прекращеніе преній было потому предложено только послѣ его рѣчи, и, кстати, ему же поручено было внести общую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ по отвѣтамъ министровъ. Все это было исполнено, пренія прекращены, и формула перехода принята. Дума приступила къ очереднымъ запросамъ, и къ концу засѣданія, когда предсѣдательствовавшій князь Долгоруковъ спросилъ: что угодно будетъ думѣ назначить на слѣдующее засѣданіе, 10 іюля,—я могъ съ гордостью и съ чувствомъ удовлетворенія воскликнуть»: «Законъ о неприкосновенности личности». Это, какъ говорятъ репортеры, были послѣднія слова въ жизни первой думы...

Въ теченіе послѣдняго думскаго дня случилось, однако, еще нѣчто, заслуживающее вниманія. Часа въ три дня явился въ думу тов. м. в. д. Крыжановскій и послалъ кн. Долгорукову письмо, въ которомъ заявилъ, что м-ръ вн. дѣлъ съ удивленіемъ узналъ о томъ, что вопросъ о бѣлостокскомъ погромѣ уже рѣшенъ, ибо онъ желалъ явиться въ думу съ объясненіями, противорѣчащими тому, что сообщалось въ думѣ. Вслѣдствіе этого онъ проситъ возобновить пренія, а если этого нельзя, то проситъ предоставить ему, Крыжановскому, слово для сообщенія всего изложеннаго непосредственно думѣ.

Долгоруковъ отвѣтилъ ему, что по рѣшен-

ному думой вопросу онъ никому слова дать не можетъ, а если м-ру вн. дѣлъ угодно по какому-либо вопросу вновь давать думѣ объясненія, м-ръ можетъ довести объ этомъ до свѣдѣнія предсѣдателя думы, и указанный предметъ на общемъ основаніи будетъ поставленъ на повѣстку. Равнымъ образомъ, никому—въ томъ числѣ и Крыжановскому—не можетъ быть предоставлено слово для разъясненія причинъ, почему тотъ или иной м-ръ не могъ явиться и участвовать въ сужденіяхъ по тому или иному предмету, помѣщенному въ повѣсткѣ. Получилъ этотъ отвѣтъ, Крыжановскій заволновался, обратился за помощью къ Муромцеву, но Муромцевъ всецѣло поддержалъ разъясненія своего товарища. Пришлось уѣхать ни съ чѣмъ. Впрочемъ, Долгоруковъ самъ отъ себя, когда читался докладчикомъ редакціонной комиссіи окончательный текстъ перехода къ очереднымъ дѣламъ по бѣлостокскому вопросу, счелъ нужнымъ вкратцѣ сообщить думѣ о происшедшемъ. Вечеромъ въ тотъ же день, 7 іюля, Столыпинъ дважды телефонировалъ Муромцеву, чтобы заявить о своемъ желаніи дать думѣ объясненіе по бѣлостокскому вопросу въ ближайшемъ засѣданіи; въ этомъ смыслѣ была заготовлена и отпечатана въ субботу повѣстка на ближайшее засѣданіе въ понедѣльникъ (сохранившійся экземпляръ ея я видѣлъ недавно у кн. Долгорукова).

Чѣмъ объяснить весь этотъ ходъ, сказать довольно трудно. Одни полагали, что это было просто желаніе мистифицировать думу, отвлечь ея вниманіе отъ мысли о возможномъ роспускѣ, чтобы ей не дать приготовиться, ибо правительство знало, что все оппозиціонное большинство думы, т. е. почти вся дума, рѣшила собраться въ Таврическомъ дворцѣ и не оставлять его, если вѣсть о роспускѣ будетъ получена заблаговременно. Другіе находили, что Столыпинъ дѣйствительно хотѣлъ явиться въ пятницу, а затѣмъ и въ понедѣльникъ въ думу, чтобы рѣзкимъ тономъ и содержаніемъ отвѣта по поводу Бѣлостока, и особенно по адресу посланныхъ думою въ Бѣлостокъ делегатовъ, провоцировать думу на эксцессы и затѣмъ сорвать ее на бѣлостокскомъ, т. е., въ сущности, на еврейскомъ вопросѣ; этотъ планъ не удался въ пятницу, несмотря на вмѣшательство всевѣдущаго въ парламентскихъ дѣлахъ Крыжановскаго, и былъ отсроченъ до понедѣльника, а за это время явилось раздумье: не распространится ли пока слухъ о планахъ правительства, и не захотятъ ли вслѣдствіе этого депутаты въ понедѣльникъ остаться въ Таврическомъ дворцѣ, не расходиться по домамъ; эта перспектива заставила правительство въ послѣднюю минуту, на совѣщаніи въ субботу вечеромъ, отступиться отъ первоначальнаго плана и объявить немедленно о роспускѣ, пользуясь

тѣмъ, что слѣдующій день воскресный, и засѣданія въ думѣ не предстоитъ.

Какая изъ этихъ версій вѣрна, сказать трудно, но характерно то, что тѣ разоблаченія по бѣлостокскому вопросу, которыя Столыпинъ добивался сдѣлать думѣ 7 іюля, ради которыхъ онъ желалъ явиться въ думу и спеціально возобновить весь вопросъ о Бѣлостокѣ 10 іюля, такъ и остаются до сихъ поръ сокровенными въ нѣдрахъ м-ва внутр. дѣлъ...

Въ пятницу вечеромъ настроеніе въ обществѣ и въ думскихъ кругахъ было чрезвычайно тревожное. Мы засѣдали вечеромъ въ комиссіи о гражданскомъ равенствѣ подъ предсѣдательствомъ кн. Урусова, и, расходясь, уныло прощались: «какъ бы не на очень долго!». Въ субботу къ вечеру горизонтъ какъ будто прояснился, были получены весьма успокоительныя, но, какъ оказалось, весьма обманчивыя свѣдѣнія. Во избѣжаніе новыхъ осложненій въ ближайшемъ засѣданіи думы, фракція рѣшила просить предсѣдателя думы назначить объясненія Столыпина не на понедѣльникъ, а на пятницу,—такъ какъ для отвѣта на запросы назначенъ былъ по постановленію думы одинъ день, пятница,—а въ понедѣльникъ приступить непосредственно къ законопроекту о неприкосновенности личности.

Въ часъ ночи, въ бодромъ сознаніи, что тревога прошла, я уѣхалъ на дачу, за городъ, а

утромъ разбудила меня срочная телеграмма И. И. Петрункевича, отправленная въ 7 час. утра: «Пріѣзжайте немедленно съ первымъ поѣздомъ». Смыслъ ея былъ ясенъ.

Я попалъ въ городъ только въ 12-мъ часу. Обычно пустынный въ воскресный лѣтній день, городъ казался на этотъ разъ особенно унылымъ. На улицахъ людей почти не было; какъ сонныя мухи плелись извозчики; было душно, пустынно. Никакого движенія, никакого выраженія на лицахъ,—никакого интереса къ намъ...

На одномъ изъ перекрестковъ встрѣтился мнѣ Жилкинъ въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей-трудовиковъ:

— Теперь ужъ будемъ съ вами заодно; ведите!—сказалъ онъ съ нотою искренней, глубокой скорби въ голосѣ.

Поздно...

* * *

Скептически настроенные люди, прочитавъ всю эту исторію незамѣтной и упорной работы за продленіе жизни перваго русскаго народнаго представительства и вспомнивъ, что дума въ концѣ концовъ умерла, съ презрительною улыбкою отвернутся отъ нашихъ безплодныхъ усилій: для чего этотъ тонкій, дорогой узоръ на матеріи, которую штыкъ съ такою легкостью рветъ на части? Мы въ отвѣтъ на это процитируемъ имъ двѣ-три строки, принадлежащія представителямъ

той партіи, которая усерднѣе всего бойкотировала первую думу. «Всего 72 дня дѣйствовала гос. дума, но роль ея въ дѣлѣ развитія борьбы за свободу громадна. Дума разодрала тяжелый пологъ, которымъ была скрыта отъ взоровъ народа святая святыхъ русской государственной власти... Дума явилась всенароднымъ агитаторомъ огромной силы» [1]). Знайте же, что эти 72 дня существованія думы были въ огромной части своей добыты нашею мелкотканною парламентскою работою. И не отталкивайте легкомысленно эту «тонкую механику». Знайте, что когда отъ борьбы дубиною переходишь къ маузеровскому ружью, то ужъ лѣзть съ ружьемъ въ драку, какъ съ дубиной, нельзя: надо обращаться съ ружьемъ по всѣмъ правиламъ искусства,—надо на милиметры и линіи расчитывать прицѣлъ, и нельзя въ серединѣ боя, презрительно откинувъ тонкую механику, грубо и безсмысленно размахивать прикладомъ въ пустомъ пространствѣ, подставляя обнаженную грудь подъ ловко и тонко направленную стрѣлу противника...

Но все это, конечно, до тѣхъ поръ, пока не выхватятъ у васъ ружья изъ рукъ...

Апрѣль 1907 г.

---

[1]), Б—въ и Данъ. Рабочіе депутаты, стр. 173.

3 2044 017 94

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

*Non-receipt of overdue notices does **not** exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

WIDENER
APR 0 4 2005
OCT 0 7 2004
BOOK DUE

WIDENER
OCT 0 7 2004
APR 2 2004
BOOK DUE

WIDENER
APR 0 4 2005
AUG 1 0 2005
CANCELLED

WIDENER
FEB 0 5 2007
SEP 1 9 2006
CANCELLED
BOOK DUE

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.